

Илья Евграфович Бондаренко Мария В. Нащокина

**Записки художника-архитектора. Труды, встречи,
впечатления. Книга 2**

И.Е. БОНДАРЕНКО

**ЗАПИСКИ
ХУДОЖНИКА-АРХИТЕКТОРА**

**ТРУДЫ, ВСТРЕЧИ,
ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

К Н И Г А В Т О Р А Я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41512983&lfrom=508959676
 «Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления. Книга 2»:
 ISBN 978-5-89826-499-3

Аннотация

Автор мемуаров – Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947) – видный московский архитектор, выходец из провинции, создатель нескольких старообрядческих храмов в Москве и Подмосковье, внесших вклад в формирование неорусского стиля. Большая часть его воспоминаний посвящена жизни в дореволюционной России: описаны быт и нравы купеческой Уфы и Москвы, учеба в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и Цюрихском политехникуме; отдельные главы посвящены театральной, музейной, музыкальной, и выставочной деятельности в России конца XIX – начала XX века, жизни московских меценатов, коллекционеров, библиофилов, старообрядцев, вопросам московской архитектуры. Значительная часть текста содержит заметки автора о путешествиях в европейские страны. Советскому периоду своей жизни зодчий посвятил лишь одну – последнюю главу. Благодаря яркому литературному дарованию, И.Е. Бондаренко создал образ своего времени, насыщенный множеством достоверных деталей, что делает его труд ценным историческим источником по истории и культуре России 1870–1920-х гг.

Илья Евграфович Бондаренко Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления. Книга 2

Книга вторая

© Бондаренко И.Е., наследники, текст

© Нащокина М.В., составление и вступительная статья, 2017 © Орлова И.В., оформление, 2018

* * *

Глава 16

Работы в Москве и провинции. Труд и отдых

Летом 1900 г., вернувшись из Парижа, я поселился <в Божедомском пер., в доме Багорова¹, в небольшой квартирке из четырех комнат, отделанных мною просто, желая создать изящный уют, необходимый и для работы, и для отдыха.

Получил место архитектора по домам бр[атьев] Берг. Моя обязанность заключалась в осмотре этих домов, составлении соображений о необходимом их ремонте и перестройках, для чего нужно было объезжать разбросанные по Москве десять домов, давать указания управляющим и отвозить раз в месяц свои отчеты в контору Бергов на Варварку.

Просматривая отчеты управляющих домами, в графе расходов я увидел экстраординарные расходы, обозначенные как «праздничные» или как «воопче». Оказалось, что к празднику Рождества, Новому году и Пасхе управляющими домов лично относился в полицейский участок пакет, где с точным перечислением лиц администрации были вложены и соответственные суммы. Приставу – 50 р[ублей] – и так по нисходящим ступеням, до писарей, кои получали по 10 р[ублей]. Это была дань полиции, чтобы она оставляла в покое домовладельцев и управляющих и не привязывалась к мелким упущениям. Каждый домовладелец считал своим долгом «поздравить» полицию.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 1.

Московская Духовная консистория на Мясницкой улице. Открытка конца XIX в.

Я пробовал было запретить посылку денег, но вызвал протест управляющих домами, считавших подобную меру несомненным признаком моего сумасшествия, а в конторе Бергов мне категорически указали не менять существующего порядка:

<— Иначе не оберешься скандалов! Разве можно!! Что Вы! Оставьте, пусть носят!>¹

Дома эти были придатком к богатым предприятиям Бергов вроде Даниловского сахарного завода, Рождественской мануфактуры и Шайтанских заводов на Урале. <Относились Берги ко всем предприятиям, а тем более к домам, безразлично, но дома давали большой доход>².

Всеми делами Бергов руководил директор правления К.Фр. Зегер.

Получал я двести рублей жалованья и сто пятьдесят рублей на проезды.

Жена моя получала ежемесячно из дома от родителей рублей 100–150. Этих сумм было достаточно, чтобы скромно жить и бывать в театрах и концертах, а иногда принимать гостей.

Осенью этого же года я был приглашен архитектором Иверской общины ³. Место это было бесплатное, нечто вроде благотворительного, вернее почетного. Нужно было выстроить общежитие для сестер милосердия Красного Креста и произвести некоторые перестройки принадлежащих общине [зданий]. <Место это было мне предложено через Бакунина,

1 Там же.

2 Там же. Л. 1 об.

3 Иверская община сестер милосердия была основана в 1894 г. при Московском дамском комитете Российского общества Красного Креста по инициативе его председательницы Агафоклии Александровны Костанда. И уже после этого перешла под патронаж царской фамилии: ее опекали великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна. Комплекс зданий общины располагался на Большой Полянке, 20 и Малой Якиманке, 17, среди них здание общежития сестер милосердия (1901, архитектор И.Е. Бондаренко), храм Иверской иконы Богородицы (1896–1901), больница, аптека и др.

В качестве объекта благотворительности здесь выступали призреваемые немощные горожане и персонал. Сестры и сиделки (женщины в возрасте от 20 до 40 лет) получали жалованье от 2 до 5 рублей в месяц, пользовались общим столом, получали бесплатно одежду, прочее необходимое и приобретали медицинское образование.

секретаря нашего кустарного отдела на Парижской выставке. В общине он также состоял секретарем, отличаясь необычайной аккуратностью в ведении дел и пунктуальной мелочностью, доходившей до того, что на столе у него все лежало в самом строгом геометрическом порядке, так что блокноты возвышались пирамидкой, карандаши, все одинаковой длины и остроочиненные, лежали в прямую линию, параллельную краю стола, и т. п.¹.

Москва. Церковь Иконы Божией матери Иверская при Иверской общине сестер милосердия. Фото начала XX в.

Постройка общежития не могла представлять для меня большого творческого интереса, но как практика была для меня ценна, так как в короткий срок нужно было выстроить трехэтажное здание. Здание было выстроено ровно в сто дней, о чем и было напечатано жирным шрифтом в отчете общины за 1901 г. Я убедился, что никакого промораживания здания с оставлением его на зиму, не нужно. Кладку стен мы производили шанцами, т. е. с пустотами, и здание протапливалось все лето железными печами. Перегородки были сборные, литые, гипсошлаковые, все столярные изделия были заготовлены одновременно с началом работ и т. д. Дом был пригодным для жилья тотчас же по окончании постройки. Десятником постройки был приехавший Вилков после ликвидации выставки и кустарного отдела.

Вскоре по закрытии парижской выставки художник К. Коровин и я были приглашены в генерал-губернаторский дом. Сказавши благодарственное слово за наши работы на выставке, в[еликая] кн[ягиня] Елизавета вручила мне орден Станислава 3-й степени, который я хотел было положить в карман, но стоявший рядом Бакунин, догадавшись о моем кощунственном намерении, схватил меня за руку и шепнул, чтобы я тотчас же прикрепил эту «высочайшую

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 1 об.

милость» на грудь. Вскоре явился ко мне на квартиру чиновник от министерства финансов и передал диплом на эту милость с уплатой за знаки ордена 15 рублей.

Гораздо интереснее было появление курьера от отдела промышленности Министерства финансов, в данном случае с французским дипломом на звание *Les officiers d'académie* и знаками академических пальм серебряных с лиловой эмалью. Диплом был присужден академическим жюри за архитектуру кустарного отдела, кроме того, по общему жюри выставки я был награжден бронзовой медалью тонкой работы Шаплена. Фамилия моя была вычеканена правильно, а не Rondarenko, как была переврана на пригласительном билете [на прием] к президенту Лубе.

За постройку здания общежития Иверской общины мне снова предложено было получить орден Анны, я отклонил этот крестик, за что и впал в немилость, на меня взглянули, как на «красного».

Окончив всякие перестройки и достройки в общине, я с удовольствием оставил это занятие благотворительностью, отнимавшее много времени и более пригодное околачивающимся при общине камергерам, отставным генералам, почетным опекунам и особого типа дамам-благотворительницам, что творили благо чужими руками, не затрачивая ни копейки собственных средств.

Но начальницей этого общежития была симпатичная В.С. Терпигорева, дочь известного писателя С. Терпигорева (псевдоним С. Атава), автора картинного «Оскудения»², романа об оскудении дворянства. Я много слышал интересного про этого писателя, акварельный портрет которого работы П. Соколова висел у дочки³.

Более приятное дело было в г[ороде] Иваново-Вознесенске – постройка большого мануфактурного магазина⁴ и отделка дома одному купцу. В Иваново-Вознесенск можно было проехать или через Новки и Шую по Нижегородской ж[елезной] д[ороге] (теперь Горьковской), или через Александров по Ярославской ж[елезной] д[ороге] (Северной). Я предпочитал выезжать по Ярославской, где по пути был изумительный памятник русского зодчества – собор XII в. в г[ороде] Юрьеве-Польском⁵. Остановившись утром, до вечернего поезда я тщательно осматривал это удивительное сооружение в древности Владимиро-Суздальского края, а сейчас затерявшееся в полях Суздальского уезда Владимирской губернии.

Насколько пленяла глаз кубическая лапидарная масса собора, так просто и богато выраженная, с удивительными каменными неразгаданными барельефами, настолько ужасала пристроенная новая колокольня «гражданской инженерной архитектуры». Она тем более приводила меня в стыд, что я принимал участия в этой гнусности, когда был юным, еще учеником Училища живописи, ваяния и зодчества и ходил к гражданскому инженеру М.Н. Литвинову чертить сие позорное произведение, может быть выполненное и по правилам архитектуры, но рядом с уникальными произведениями мирового зодчества – карикатуры

1 Орден Академических пальм ведет свою историю от ордена, учрежденного императором Наполеоном I в 1808 г. для академиков и профессоров Парижского университета и некоторых лиц за заслуги в области науки и народного просвещения. Со временем в круг награждаемых вошли и другие деятели культуры.

2 *Терпигорев С.Н.* Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика. СПб., 1881.

3 Соколов П.П. «Портрет Сергея Николаевича Терпигорева». Гуашь, бумага на картоне. (Частное собрание, 1889.)

4 Постройка здания магазина в Иваново-Вознесенске осуществлена И.Е. Бондаренко в 1902 г., впоследствии это Центральный универсальный магазин города.

5 Речь идет о Георгиевском соборе (1230–1234) – белокаменном соборе на территории древнего детинца в Юрьеве-Польском Владимирской области, сооруженном князем Святославом Всеволодовичем. Считалось, что собор построен на фундаменте белокаменной церкви Георгия, которая была возведена в 1152 г. при основании города князем Юрием Долгоруким. Собор украшен богатой белокаменной резьбой.

непростительны. Всякие попытки даже удачных подделок ошибочны уже в силу того, что каждая эпоха создает свой стиль, и нам невозможно мыслить образами тех людей, проникнуться идеей художника – народа, создавшего такое произведение искусства. Сейчас эта колокольня разобрана¹.

Иваново-Вознесенск. Панская улица. Открытка начала XX в.

В Иваново-Вознесенске я грешил, увлекаясь захватившим меня модным течением в архитектуре – модерном².

Эта парижская зараза настолько была сильна, что я тогда еще не мог глубоко понять такого коренного русского искусства, как собор в Юрьеве-Польском, не мог претворить в себе его художественной концепции, я только изумлялся его оригинальности, архаике и непосредственности художника-каменотеса, высекавшего его причудливую орнаментику барельефов, покрывших весь фасад. Но никто не ценил этого чуда искусства, не понимал его значения, и [некоторые] смеялись над моими восторгами такой «старой рухлядью».

¹ Следует уточнить, что во время обучения И.Е. Бондаренко в МУЖВЗ (1887–1890) молодой гражданский инженер М.Н. Литвинов работал в Казани, где в 1888–1890 гг. им была осуществлена масштабная реконструкция Собора Петра и Павла. В 1781 г. к Георгиевскому собору в Юрьеве-Польском вместо шатровой колокольни XVII в. была пристроена четырехъярусная колокольня, разобранная вместе с другими позднейшими пристройками в 1923–1936 гг.

² См. примеч. 14 к гл. 9.

Иваново-Вознесенск. Вид с Тулиновского моста. Открытка начала XX в.

В Иваново-Вознесенске родные моей жены очень хотели бы видеть меня городским архитектором, на месте которого был какой-то проворный самоучка-чертежник.

«Русский Манчестер»¹, как горделиво называли свой город ивановские купцы, был центром текстильной промышленности. Многочисленные фабрики дымили своими высокими трубами над безличным пейзажем города... Улицы поросли травой, две главных дурно мощены. Через город протекала речка Уводь, зараженная грязными водами, спускаемыми с фабрик и с боен. Вода в колодце тухлая. Канализации в городе не было. Городское управление не могло рассчитывать на средства фабрикантов, очень богатых и скупых людей с большими миллионами, обладавшими только безудержной жадностью выколлотить из труда рабочих копейку на своем миткале.

Держалось купечество гордо и замкнуто; старинные дома охранялись псами и обычаями, все было затхло и пропитано безвкусьем. И лишь новый круг людей свежих, интеллигентных составляли химики местных фабрик, <державших все нити ситценабивного и ткацкого производства. Они давали рисунки, краски, выработку, словом, всю основу, обогащая фабрикантов. Получая большие деньги, эти химики проводили целый день на фабрике, но вечерами сходились дружной семьей, пользуясь возможным культурным окружением своего быта>².

Около этого же круга бывали врачи, учителя местного реального училища и некоторые купцы более культурного типа, к числу которых принадлежал и дом Собиновых, откуда была моя жена, кузина певца Л.В. Собинова. Там я познакомился с некоторыми культурными химиками, вроде В.Ф. Каулена, женатого на сестре известного психиатра С.С. Корсакова, В.Н. Обниблина, его брата археолога и др. Из молодого купечества были способные музыканты, образовавшие местное отделение Русского музыкального общества (т. е. отд[еление] консерватории)³, был один фабрикант Д.Г. Бурялин, составивший интересный

1 Манчестер – город в Северо-Западной Англии, который в XIX в. стал мировым лидером среди центров текстильной промышленности.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 4.

3 Русское музыкальное общество (Санкт-Петербург, 1859 – начало XX в.; Императорское русское музыкальное общество с 1869) – общество для содействия распространению музыкального образования,

музей (историко-художественного типа)¹, был также фабрикант Никон Петрович Гарелин², написавший интересную книгу об Иваново-Вознесенске³, где дал много историко-бытового материала. Но все это единицы. <Местный театрик процветал только благодаря этим химикам, инженерам, врачам. Постоянные поездки в Москву и за границу освежали их и не давали им окунуться в провинциальную тину, хотя Иваново-Вознесенск и не носил специфического оттенка губернской провинции. Это был уездный город, губернским же был глухой Владимир, и⁴ городом ведал полицмейстер, задариваемый фабрикантами, чтобы оставлял их спокойно наживать деньги.

Клуб был местом для официальных торжеств, но фабриканты считали недостойным для себя идти в театр или клуб «со всеми», а самый влиятельный фабрикант А.И. Гарелин построил внутри своего двора и свою церковь⁵.

Под влиянием химиков и инженеров некоторые фабриканты стали ездить с ними вместе за границу, обставляя более культурно свою жизнь, но таковых было меньшинство, «новенькие», как их называло старое поколение.

Я не имел желания быть городским архитектором, видя, как третировался труд местного зодчего и, не усматривая перспектив творческих работ, так как что-либо более значительное, чем перестройка ткацкой [фабрики] или постройка двухэтажной фабричной конторы, поручалось московским архитекторам.

приобщения широкой публики к серьезной музыке, поощрения отечественных талантов. Создано по инициативе великой княгини Елены Павловны, А.Г. Рубинштейна, Ю.Ф. Абазы и других музыкально-общественных деятелей. Во всех городах России отделения общества открывались по инициативе местных музыкантов и любителей музыки. В данном случае речь идет об отделении общества в Иваново-Вознесенске.

1 Создание музея в Иваново-Вознесенске стало заслугой успешного ивановского фабриканта и мецената Дмитрия Геннадиевича Бурылина, который в 1909 г. основал «Товарищество мануфактур Д.Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске» и «Товарищество Шуйско-Егорьевской мануфактуры». В течение 28 лет он избирался гласным городской думы, в 1902 г. стал потомственным почетным гражданином города. Всю жизнь Бурылин собирал коллекцию редкостей и древностей. В 1864 г. он унаследовал коллекцию деда – старинные книги, монеты, редкие вещи... и многократно преумножил ее. Для поиска экспонатов не раз выезжал в Германию, Англию, Турцию, Египет, Грецию, Италию, Францию, Финляндию, Бельгию. В 1913 г. привез из Египта древнеегипетский саркофаг XXI династии с мумией. В апреле 1903 г. коллекция Бурылина впервые была показана публике, а в 1912–1915 гг. Бурылин выстроил для своей коллекции здание музея, которое вскоре перешло в собственность города. В 1919 г. музей был национализирован, с 1993 г. он носит имя основателя – Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина.

2 Бондаренко ошибся в имени Гарелина, поскольку в городе было много представителей этого богатого клана промышленников. Имя Никон принадлежало Никону Ивановичу Гарелину (?–1898), с 1884 г. главе «Товарищества мануфактур Иван Гарелин с сыновьями». Благодаря его умению годовой оборот фабрики к концу XIX в. составил более 5 млн руб. При нем на предприятии была открыта больница, в селе Егорье Шуйского уезда он выстроил церковь, церковно-приходское училище, богадельню, больницу и родильный приют. Много средств Н.И. Гарелин жертвовал на другие благотворительные учреждения. Скорее всего, именно с этим представителем семьи фабрикантов Бондаренко имел деловые связи.

3 Составителем книги, о которой идет речь, был Я.П. Гарелин: «Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад» (Владимирской губернии) / Сост. Я.П. Гарелин. Ч. 1–2. Шуя, 1884–1885. Бондаренко не мог быть знаком с Яковом Петровичем Гарелиным, поскольку тот умер, когда будущий архитектор еще учился.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 4.

5 На средства А.И. Гарелина в Иваново-Вознесенске была возведена Спасская церковь (1903, архитектор Ф.О. Шехтель).

Усадьба А.П. и М.А Собиновых в Уфе. Фото 1988 г.

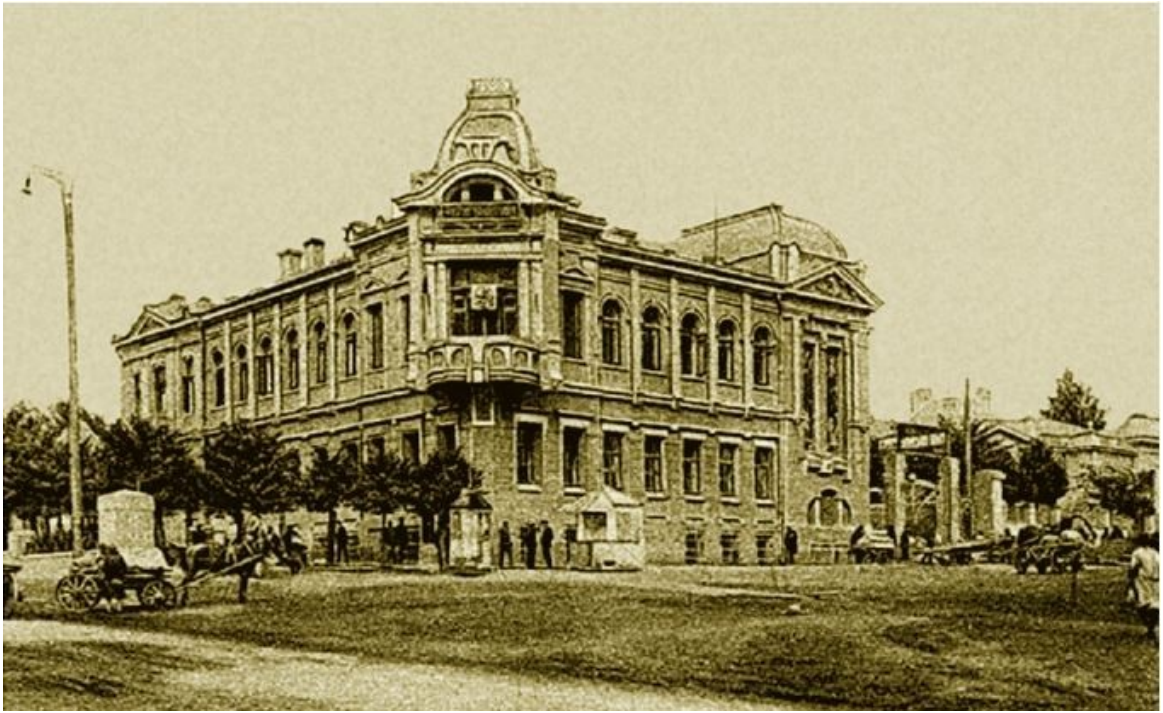
Первым по величине фабрикантом был миллионер Мефодий Гарелин, имя которого многие купцы произносили с благоговением, а жители с почетом и страхом. Отличался [он] скупостью, доходившей до того, что, когда он выходил из церкви и когда нищие на паперти, протягивая руку, просили у него:

– Подайте, Христа ради, Мефодий Никонович, Вам Бог пошлет.

– Вот смотри! – отвечал Гарелин, протягивая свой бархатный картуз к небу, – смотри, много мне посылает Бог-то!

Этот Гарелин возымел желание построить часовню при соборе и, услышав, что приехал молодой архитектор из Москвы <и строит уже в каком-то новом стиле интересный магазин и отделяет кому-то дом, передал через моего шурина>¹ и пожелал, чтобы я к нему приехал в ближайшее воскресенье в 12 час[ов] дня.

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 4 об.

*Иваново-Вознесенск. Дом Д.Г. Бурлылина на углу Александровской улицы.
Открытка начала XX в.*

Я поехал. Позвонил в колокольчик у парадного подъезда. Никто не откликнулся, позвонил вторично, вышла довольно неряшливая кухарка.

– Чего звоните? Чего Вам?

У подъезда стояла великолепная коляска из дома Собиновых с пышным кучером, я был изысканно одет, но это, очевидно, не было принято во внимание кухаркой.

– Скажите Мефодию Никоновичу, что приехал архитектор.

– Ну, архитектор, так иди с черного хода, через кухню, а в парадное и не звони, на кухню и выйдет к тебе Мефодий Никонович, когда будет можно.

– У вас всегда так принимают архитекторов?

– А то еще как! – и кухарка ушла, ворча, – звонит еще в парадную, – какой!

Я уехал обратно. Огорченные мои родственники объяснили мне, что это уж такой обычай.

– Больно гордый! – сказал Гарелин моему шурину, а я просил передать, что не привык к таким приемам.

Позднее уже другой фабрикант, также миллионер (Маракушев) просил меня дать ему проект часовни. Я сделал проект и выстроил часовню с фресками работы художника А.В. Манганари (теперь разобранную)¹.

Так я и не стал городским архитектором в Иваново-Вознесенске и выстроил там только большой магазин и перестроил огромную Крестовоздвиженскую церковь² по заказу другого купца, более культурного, оценившего труд художника-архитектора.

Искание нового в искусстве и жажда ознакомления с архитектурой Европы потянули меня в первую же зиму по возвращении из Парижа снова в Европу. Не связанный какой-либо службой, я был «лицом свободной профессии». Положив себе за правило работать ежедневно не менее 8 часов, вечера я проводил над чтением литературы по русскому искусству и

¹ Ново-Казанская часовня (1915–1917, Иваново, архитектор И.Е. Бондаренко, снесена в 1927). Была построена по заказу местных промышленников З.Л. Кокушкина и И.К. Маракушева.

² Крестовоздвиженская летняя церковь (1795) была перестроена И.Е. Бондаренко в 1910–1912 гг.; разрушена в 1932 г.

вообще по истории искусства. Установил режим: работать, не покладая рук 11 месяцев, а месяц отдыхать, знакомясь с Европой. Позже, когда более позволяли средства, я работал 10 месяцев и два же месяца отводил себе для поездки за границу.

Совершая поездки ежегодно, случалось, что я и дважды в год мог съездить, т. е. в мертвый сезон для строительства, ноябрь, декабрь и январь, или ранней весной, когда постройки еще не начинались, начинались же они обычно после Фоминой недели, первой недели Пасхи, страстную неделю (неделя перед Пасхой) не работали, да еще 6-ю неделю прихватить, – ну и наберется месяц. Иногда и осенью, вместо зимы устраивал я себе каникулы.

Иваново-Вознесенск. Фабрика Гарелина. Открытка начала XX в.

Настало Рождество. <Жена моя уехала в свой родительский собиновский дом в Иваново-Вознесенск>¹. С небольшим чемоданчиком и скромными деньгами отправился я за границу. Поехал смотреть архитектуру, наблюдая жизнь и находя какое-то особое наслаждение в этом постоянном созерцании чужой жизни, косвенно приобщаясь, сливаясь с ней.

И вот я снова за границей. Наметил осмотреть Вену, Прагу, Дрезден и возвратиться через Берлин. <Жизнь на этот период “отпуска” переключалась. Заботы, интересы, ощущения, переживания оставались в маленькой, но уютной нашей квартирке, и с момента отъезда поезда с бывш[его] Александровского вокзала (теперь Белорусского) – все таяло сзади, в дымке оставленной Москвы>².

До границы читался Бедкер – молчаливое справочное бюро. <К искусству устремлялись все интересы, и в поезде я обычно бывал молчаливым, редко выпадали случаи, когда заговаривавший со мной сосед оказывался впоследствии и в числе моих знакомых>³.

Миновали пограничные станции, и все внимание сосредоточилось на новом окружении. Беглые заметки в памятных книжках, летучие зарисовки в карманном альбоме были дополнением к запечатлеваемому памятью [у]виденному.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 5 об.

2 Там же.

3 Там же. Л. 6.

Не было планомерного географического пути следования, ехал, куда влек только интерес к искусству, и случайность нередко выбирала место остановки.

После парижской выставки я аккуратно бывал на всех международных художественных выставках вплоть до 1914 г., кроме американских, так как меня никогда не тянула к себе Америка с ее практицизмом архитектуры. И всегда выставки с их праздничной архитектурой подавляли суетой, так заслоняющей подлинное лицо и города, и народа. Исключением бывали целевые – только художественные или строительные – выставки. Например, выставка венского «Сецессиона»¹ – этой прелюдии целого направления в искусстве, долго державшегося и имевшего много положительных завоеваний, – нельзя было не увлечься оригинальным павильоном, построенным тогда уже знаменитым Ольбрихом и художественным вкусом внутреннего убранства выставки. Декоративное искусство в те годы переживало свою весну, недаром журнал Венского нового художественного общества назывался «Ver Sacrum» («Священная весна»)².

После Парижа Вена была лучшим городом, где выковывался «Новый стиль» где строгая школа Отто Вагнера дала ряд зданий, послуживших образцом целому подражательному циклу. Увы, так часто уродливо переносившему только внешние черты! И как нелепы были у нас в Москве где-нибудь на Сретенке обычные доходные коробки с бессмысленно насаженными на фасадах деталями, или, еще хуже, фасады, облицованные глазурованными плитками, более уместными в ваннах и уборных, чем в оформлении фасадов.

В эту поездку в Вену я приобрел интересное знакомство. В Варшаве в купе венского поезда вошли священник, ехавший в какую-то польскую церковь, и небольшого роста, с энергичными движениями уже почтенный человек, и поместились рядом;

последнего, видимо, раздражало длинное одеяние русского попа;

не стерпев, он обратился ко мне: «Не понимаю, как можно ходить в таких юбках и при этом еще косматому!» (В Западной Европе русские священники обычно носили общечеловеческое платье и всегда были аккуратно острижены.)

Раздражительный субъект оказался полковником русской службы Сергеем Сергеевичем де Бове, внуком известного московского архитектора О.И. Бове, мастера эпохи ампир. Де Бове жил постоянно в Вене и занимался тем, что скупал лошадей для русской кавалерии. Лошадь в Вене, и вообще в Австрии, была очень ходовым товаром, особенно в Венгрии. Узнав, что я архитектор, Бове пригласил меня посетить его и предложил дать мне некоторые советы в отношении осмотра города.

На другой же день Бове навестил меня в отеле «Мюллер» на Грабене, где я остановился и где портье отеля, тоже Мюллер, был очень удобным справочником, кстати, не плохо говорившим по-русски. Я посетил Бове в его изящной квартире в центре города.

¹ Венский сецессион (с 1897) – объединение венских художников в эпоху ар-нуво. Благодаря ему венский вариант стиля модерн называют Венским сецессионом. Первая выставка Венского сецессиона состоялась в 1898 г. в специально построенном павильоне (1898, архитектор Й. Ольбрих).

² «Ver Sacrum» (лат. Весна священная; Вена, 1898–1903) – ежемесячный журнал группы венских художников, в 1901–1903 гг. выходил 2 раза в месяц. Создан Г. Климтом, К. Мозером и др. в целях более широкого распространения своих идей. Учредители – Венский сецессион. Главный редактор – А. Роллер.

³ См. примеч. 14 к гл. 9.

Юрьев-Польской. Георгиевский собор с колокольней. Фото начала XX в.

Бове был охотник, отлично знал весь Тироле, и по его совету я потом посещал интереснейшие места в Тироле, далекие от избитых [и] протоптанных мест путешественниками.

Бове предложил мне войти в компанию по эксплуатации только что изобретенных разборных и переносных домов системы Брюмера.

То, что в наши дни стало стандартным строительством, с тщательно и остроумно разработанными типами и деталями, в те годы было еще совершенной новостью. Я заинтересовался. <Состоялось знакомство с молодым архитектором Брюмером и его финансистом, богатым венским евреем Зильбигером. Насколько Брюмер был шаблонной фигурой венского архитектора, настолько старый Зильбигер был интересным типом. Большой делец, инженер по образованию, он полжизни отдал на строительство дорог в Индии, служа в английской компании, и теперь доживал остаток жизни с взрослой красавицей дочкой, в богатом особняке где-то возле Кертнер-Ринга.

Зильбигер не был узким специалистом: всесторонне образованный, он был большим коллекционером и имел в своем особняке хорошую коллекцию индийского искусства¹.

Мы совершили поездку в Земмеринг², в центр австрийского Тироля, самой живописной его части. Там был выстроен разборный охотничий дом для Ротшильда. <(Мы группой засняты и красуемся на страницах венского каталога... Брюмера)>³.

Бове ввел меня в дело с тем, чтобы попробовать ввести такие дома и в России. <Желая угостить меня национальным венгерским гуляшом, Бове пригласил меня к обеду. Его жена

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 7.

2 Земмеринг – город – старейший горнолыжный курорт Европы, находится на востоке Австрии в 100 км от Вены.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 7.

Мици изготовила действительно превосходный гуляш с красным перцем (паприкой), вызвавшим такую жажду, что английский Эль казался водой. Возвращаясь к себе, я с удовольствием шел пешком, вдыхая свежий ночной воздух и вливая [в себя] в каждом кафе кружку пива. Помню только, как дошел до отеля, как бережно портье сдал меня на руки фрейлин Анне, заботливо уложившей меня, и дальше все пошло в тумане – непропорционально съеденный гуляш, много выпитого венского светлого пива дали себя почувствовать¹.

Павильон Сецессиона в Вене. Арх. Й. Ольбрих. Фото 1898 г.

На следующий год весной Бове приехал в Москву, мы получили заказ от Московской городской управы на пробный разборный дом. Он был выполнен Коломенским заводом; другой был изготовлен в Сорновском заводе, куда мы ездили с Бове, где управляющий заводом (Мещерский) очень интересовался всякими новинками. При этом, как оказалось впоследствии, свою очаровательную усадьбу «Алабино» с домом исключительной архитектуры (еще [по]строен был великим М. Казаковым) довел до разрушения².

Дешевые руки, дешевый лес, а главное – рутина были сильными конкурентами разборного стандартного дома.

О стандартном доме я делал доклад в Петербурге в Соляном городке в Русском техническом обществе³, но дело не пошло. Остался лишь на память каталог, да сохранилась

¹ Там же. Л. 7 об.

² Речь идет о дворце, построенном Н.А. Демидовым в усадьбе Петровское-Алабино (Московская губ., под Наро-Фоминском, последняя четверть XVIII в., предположительно по проекту М.Ф. Казакова). С 1850-х гг. усадьба принадлежала князю А.В. Мещерскому. И.Е. Бондаренко в связи с усадьбой упоминает другого представителя фамилии Мещерских – создателя концерна «Коломна-Сорново» князя А.П. Мещерского.

³ Русское техническое общество (Петербург, 1866–1929; Императорское русское техническое общество с 1874) – научно-техническое общество, ставившее перед собой задачу содействия развитию техники и промышленности в России. Соляной городок – комплекс зданий в центре Санкт-Петербурга. Ограничен наб. реки Фонтанки, Соляным пер., ул. Пестеля и Гангутской. Получил название по складам соли, расположенным в постройках на территории городка до середины XIX в.

надолго наша дружба с Бове, так как мы с ним сошлись помимо деловых операций.

Бове посещал Москву, бывал у меня, и я заезжал к нему в Вене. Бове прожил интересную жизнь. Богатый помещик Пензенской губернии, женатый на Соловцовой (имение «Соловцовка» принадлежало его жене). Сын его – Клавдий Бове был художником и работал потом в Талашкине в художественной колонии княгини М.К. Тенишевой.

С.С. Бове был страстный путешественник, изъездивший полмира, истратив свои капиталы. Потом он развелся с женой, поступил на службу и уехал в Вену, где женился на венгерке и прожил остаток жизни, оборвавшейся внезапно. Прожив остальные деньги и, не желая испытать горечи нужды, он, будучи почти 60 лет, приехал в Париж, потерпел неудачу в каком-то денежном деле и застрелился в отеле «Сюбиз».

Разница лет не мешала нашим дружеским связям; очевидно, в дружбе играют роль душа и ум, а не возраст, тем более что нас роднило еще искусство – этот великий элемент культуры, ее всеобщий язык. Бове любил и понимал искусство, но больше всего ценил природу и умел смотреть на нее, остро ощущая ее красоты. Вот почему я с такой охотой ездил с ним по Тиролю. После нашего осмотра дома в Земмеринге мы с Бове поехали в сердце Тироля – Zell am Ziller ², и дальше стали пробираться в чарующую долину Zillertal ³. Посетили задумчивое, таинственное Achensee ⁴, где в спокойные воды этого очаровательного озера глядят великаны-горы с их ледниками и сокровенной лесной синевой. Как охотник Бове знал какие-то маленькие неведомые городки, где у него были знакомые. Наконец, довольно исколесив, мы добрались до столицы Тироля – Инсбрука, где я провел несколько незабвенных вечеров среди типичнейших тирольских охотников и певцов «йодля».

1 Село Талашкино (Смоленской губ., 18 км к югу от Смоленска) с 1893 г. находилось во владении княгини М.К. Тенишевой, которая создала здесь центр художественной жизни. С целью возрождения крестьянских художественных ремесел М.К. Тенишева и приглашенные ею художники организовали учебные и художественно-промышленные мастерские.

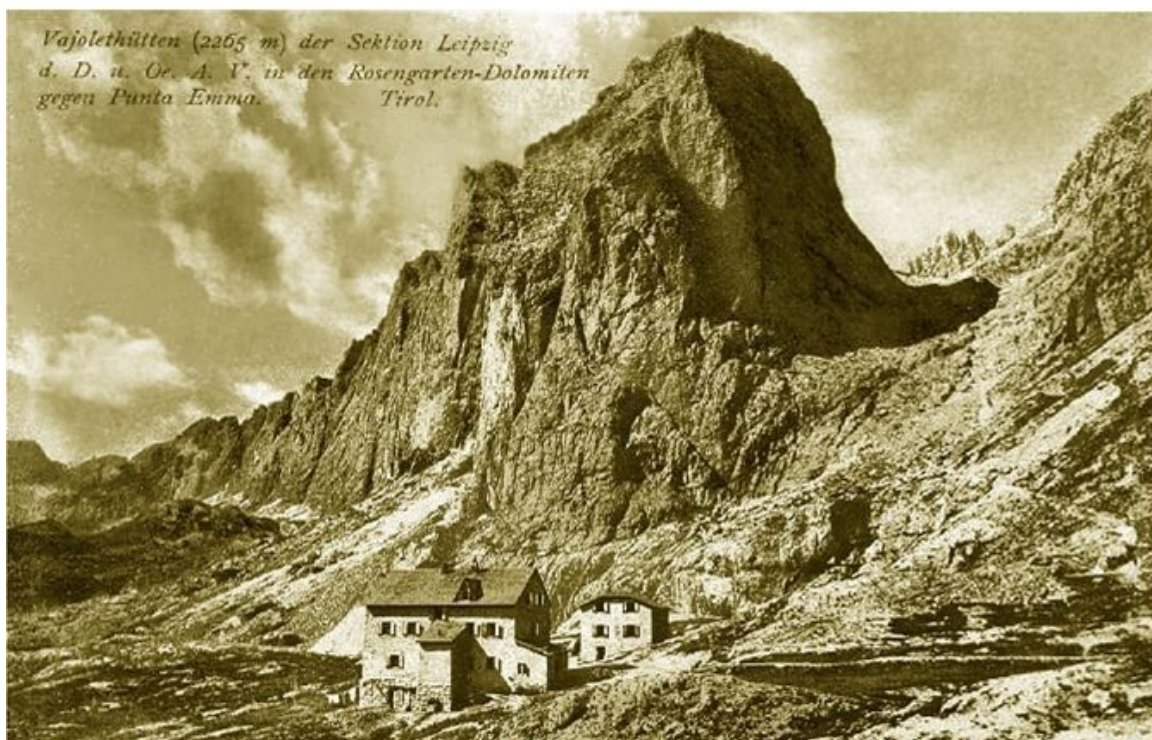
2 Целль-ам-Циллер – ярмарочная коммуна в Тироле (Австрия), где расположен горнолыжный курорт.

3 Циллерталь – долина в Тироле (Австрия), в которой находятся небольшие деревушки и городки Фюген, Целль-ам-Циллер, Финкенберг и Майрхофен, образующие единое пространство горнолыжного курорта.

4 Ахензее – самое большое озеро Тироля. Площадь 7,34 кв. км, глубина до 134 м.

*«Керамический дом» в Вене. Арх. О. Вагнер, 1898–1899.
Фото конца XIX в.*

Пейзаж Тироля. Фото конца XIX в.

<Я никогда не был любителем охоты и был равнодушен к разговорам столь страстным, но я наблюдал в кабаках исключительно картинные типы. Здесь-то и познакомил меня Бове с небольшой труппой, если так можно назвать шесть человек – четырех человек из Боцена и двух тиролек. Цитра, гитара и пение передавали замечательные народные песни с их “йодлами”. Случилось так, что эта труппа ехала в Вену. Как-то на возвратном пути из Италии я снова завернул в Вену, и там в каком-то ресторане мы ужинали с этой труппой Grinzinger-ов, где за бутылками вкусного крепкого красного южно-тирольского вина “Vöslauer” эти певцы пели и записали мне в памятную книжку несколько куплетов особенно пленивших меня тирольских песенок.

Глядя на эти типы, я понимал всю жизнерадостность в живописи Дефреггера, живопись хотя и не очень высокого достоинства, но полную любви к своему народу¹.

Уроженец уфимских степей и видевший только отроги Урала близ Уфы, я был пленен Тиролем, как только увидел его в первый раз, живя в Цюрихе, эту горную симфонию каменного гиганта. Пиренеи, Апеннины, норвежские скалы – ничто так не пленяло, как Тироль с его необычайным уютом. <Там можно было бы прожить всю жизнь и, не скучая, любоваться всегда сменяющейся колористической панорамой, если бы меньше любить родину².

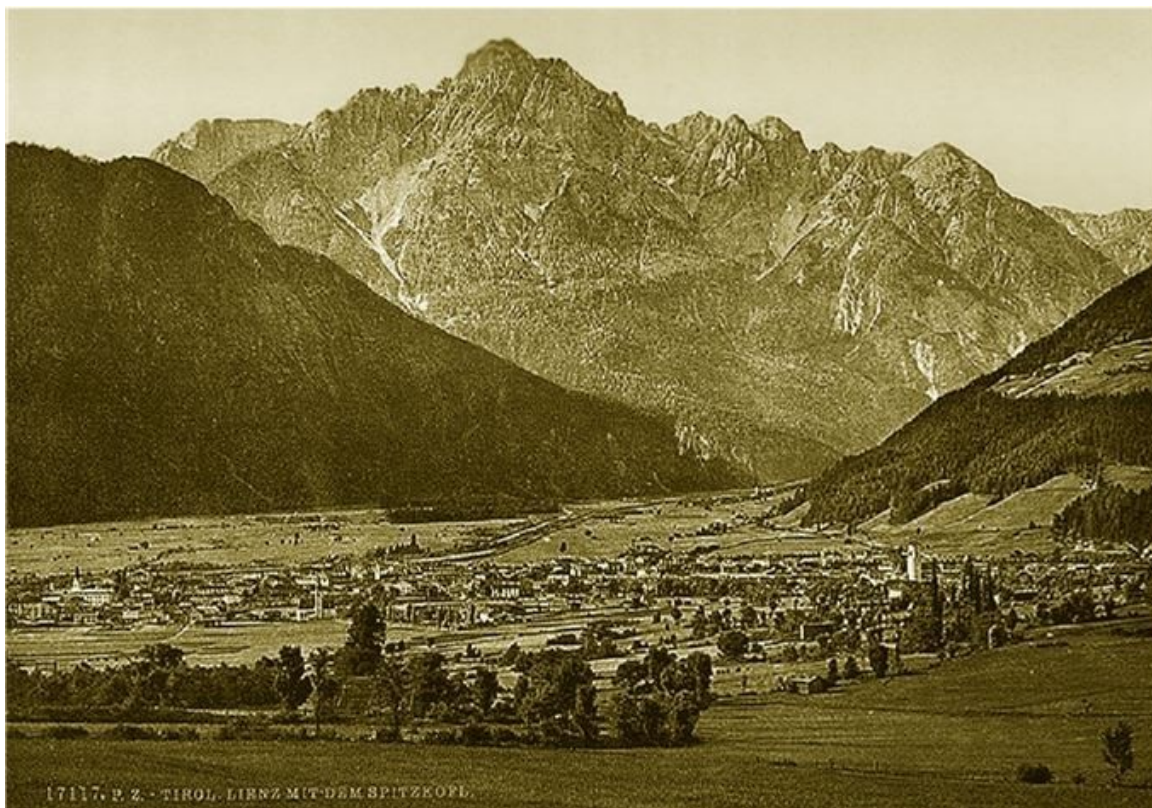
Вена задержала меня больше, чем я рассчитывал. Бове помог мне всосаться в жизнь этого «немецкого Парижа», как иногда называли Вену, но как не говорилось в Вене, где город имел свой специфический колорит, свою культуру. Город, где так долго жили Глюк, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, создавшие глубокую музыкальную культуру, продолженную Брамсом, Малером и Брукнером. Улыбку города, его жизнерадостность так ярко передал Иоганн Штраус в его незабвенных вальсах. И не проходило ужина в «Аннагоф» или у «Ронахера»³, где под звуки вальса всегда изысканного оркестра публика постепенно

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 8 об.

2 Там же.

3 Вероятно, речь идет о ресторанах при отелях «Аннагоф» и «Ронахер» в Вене.

воодушевлялась, подпевала и танцевала так изящно и плавно, как нигде не танцевали вальса, и уже совсем не похоже на легкомысленные танцы Монмартра в Париже. <Масса зелени, даже на фонарных столбах на Ринге (главной и блестящей улицы Вены) были устроены высоко корзинки с цветами>¹.

Пейзаж Тироля. Фото конца XIX в.

В садах и парках – обилие памятников своим музыкантам, художникам, писателям. Штраус стоял, взявшись за руки с Ланнером, отцом венского вальса. Грильпарцер здесь писал, романтик Гёльдерлин в предместьи, в Вейдлинге², могила Ленау. Здесь же много-много веков тому назад уснула навеки бесстрастная душа Марка Аврелия, когда в римские времена Вена еще называлась «Виндобоной»³. <Все это отжило. Замолкли блестящие квартеты Разумовского и Лобковица, а позже и симфонические концерты, и лишь в весенние дни шелестят ажурные листья каштанов о былом. Но и зимой Вена – интересный город, над которым высится башня Св[ятого] Стефана с потускневшими цветными изразцами крыши>⁴.

И в университете, основанном еще в XIV в., существует кафедра музыки... Музыкой была переполнена Вена, модница во всем и раньше других городов воспринявшая модный модерн.

Прежде всего отозвалась на новое веяние живопись. Искрящийся красками Ганс Маккарт был забыт с его огромными полотнами в музеях, которых так много в Вене. На

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 9.

2 Вейдлинг – предместье Вены.

3 Виндобона (от кельтского *vindo* – белый и *bona* – огражденное место, городок) – кельтское поселение на территории современной Вены, существовавшее с середины I в. до конца V в.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 9.

смену пришел иной стиль, стиль «Сецессион». Не богатейшая «Альбертина»¹ со своими тысячами листов рисунков и гравюр мастеров Возрождения тянула к себе в те годы, а, прежде всего «Сецессион».

Эклектизм² [18]70–[18]80-х г[одов] привел мысль художников в полный тупик; безотрадная полоса. [18]70–[18]80-е гг. должны были неизбежно породить какое-либо новое искусство или возродить старое. Но жизнь не ждет, возврата к прежнему быть не может, и новая жизнь ищет новых форм.

Мост в Инсбруке. Фото конца XIX в.

Безотрадность и шаткость всего буржуазного строя показала всю свою гнилостность именно в эпоху [18]80-х годов. <Все разочарованы безнадежностью, доходящей в поэзии и литературе до символизма, питающего и отдельные истоки искусства.

Эта эпоха во всей своей наготе показала свою полную изжитую оболочку. Дух давно умер. Только с рождением отдельных утопистов, вроде Вильяма Морриса, сказавшего впервые новое слово в своей знаменитой книге «Вести ниоткуда», могли появиться новые истоки нового стиля. Подкованного всей культурой, мастерством, но все же скованного безвыходным кольцом распадающегося буржуазного общества»³.

¹ Альбертина – художественный музей в Вене (с 1776), в котором хранится одно из самых крупных и значительных мировых собраний графики от поздней готики до современности. Находится во дворце эрцгерцога Альбрехта (с 1795). Доступно для публики (с 1822). В 1919 г. здание и коллекция перешли от Габсбургов в собственность Австрийской республики. С 1921 г. здание и коллекция носят имя «Альбертина» по имени основателя – герцога Альберта Саксонского-Тешенского.

² См. примеч. 69 к гл. 15.

³ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 9 об.

Кучка английских прерафаэлитов¹ во главе с Вильямом Моррисом, Уоттсом и Рафаэлли², а также Бенджонсом³ с их идеологическим пророком Джоном Рёскином, сказала также новое слово в искусстве.

Прага. Центр города. Открытка начала XX в.

Английское искусство по самому свойству своей национальной природы было философски отвлеченным, изысканно аристократическим, с присущей аристократизму замкнутостью, и казалось, что это искусство не распространится на континенте.

Но новые идеи в искусстве нельзя запрятать ни в какой закрытый клуб прерафаэлитов, и никакие интимные собрания у Джона Рёскина не смогли уберечь их от ищущих и любопытствующих художников остальной Европы.

Как всегда, наиболее чуткая французская натура первая восприняла эти новые элементы, новые пути, и архитектор Плюме первый в Париже строит тогда знаменитый и наивный теперь – «Кастель Беранже»⁴, а за ним Саваж и Жюль Орта⁵ начинают заполнять аристократические кварталы зданиями нового стиля. Основной скелет старой французской

1 Прерафаэлиты – направление в английской поэзии и живописи во второй половине XIX в., образовавшееся в начале 1850-х гг. с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. Название «прерафаэлиты» обозначало духовное родство с флорентийскими художниками эпохи раннего Возрождения, то есть художниками «до Рафаэля» и Микеланджело: Перуджино, Фра Анжелико, Джованни Беллини. Самыми видными членами прерафаэлитского движения были поэт и живописец Данте Габриэль Россетти, живописцы Уильям Холман Хант, Джон Эверетт Милле, Мэддокс Браун, Эдвард Бёрн-Джонс и др.

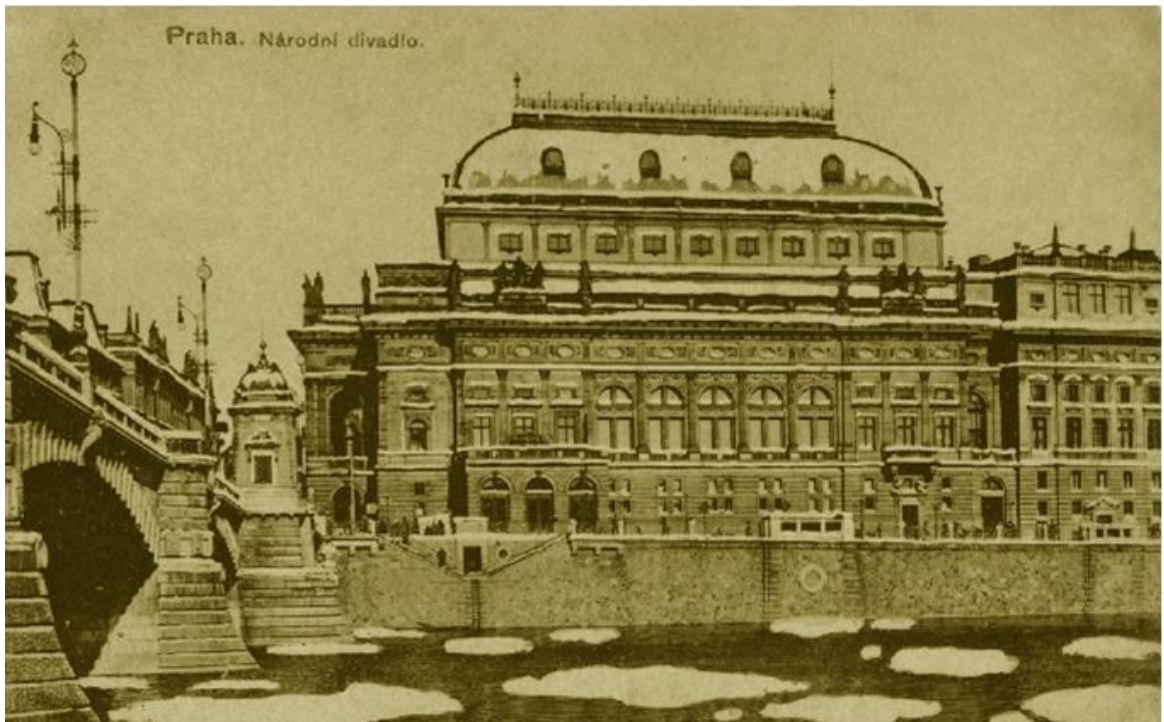
2 Вероятно, Бондаренко имел в виду французского художника итальянского происхождения Жана-Франсуа Рафаэлли, который не принадлежал к прерафаэлитам.

3 Правильно: Эдвард Коли Бёрн-Джонс.

4 В тексте ошибка: многоквартирный дом «Замок Беранже» (Castel Béranger, Rue Jean de la Fontaine, Paris) был построен Эктором Гимаром (1867–1942) – известным французским архитектором и дизайнером, представителем стиля модерн (ар-нуво), создателем знаменитых входных павильонов парижского метро.

5 Следует уточнить, что речь идет о Викторе Орта.

архитектуры изжитого французского эклектизма одевался новой декоративной формой, не подчиненной логике архитектоники¹ и всего архитектурного замысла, а исключительно лишь побуждаемой мастерством, изящностью техники и безудержной фантастической беспредметностью.

Прага. Народный театр. Открытка конца XIX в.

Но мода заразительна, а новое в искусстве всегда захватывает. <Поэтому наиболее трезвая немецкая архитектурная общественность во главе с группой дармштадтских архитекторов, начиная с молодого знаменитого тогда Жозефа Ольбриха, вырабатывает в Дармштадте стиль настолько интересный и новый, что этот новый немецкий модерн быстро становится законодателем вкусов во всей Западной Европе на протяжении почти двух десятков лет.

Родственной чертой дармштадтского искусства разворачивается блестящее искусство модерна группы венских архитекторов во главе с Отто Вагнером и Коломаном Мозером при участии дармштадтского архитектора Ольбриха. Основали самостоятельное художественное общество, так наз[ываемый] “Сецессион”. Это общество, полное веселой жизнерадостности в своих работах, издавало также и журнал, который назывался “*Ver Sacrum*” (“Священная весна”). Это общество в Вене выстроило для себя очаровательный павильон»². В Дармштадте [родился] стиль немецкий модерн, ставший законодателем вкусов во всей Западной Европе на протяжении почти двух десятков лет.

В «Сецессионе» в 1900–1903 гг. устраивались художественные выставки живописи, скульптуры и декоративного искусства, главным образом мебели, утвари и тканей. <Часть венского общества оделась в костюм, рисованный художниками группы. Платья, вышитые по рисункам, славились, а изящные венские головы и тонкие шейки украшались очаровательными золотыми изделиями работы парижского художника-ювелира Лалика. Он подносил аристократическому обществу Парижа высокохудожественно отделанную гальку, простой камень в компании с изумрудами и жемчугом, но отделанную необычайно

¹ Архитектоника (с греч. – строительное искусство) – построение художественного произведения. Синоним – композиция.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 10–10 об.

утонченно>¹.

Вот это-то проникновение декоративного искусства в жизнь и быт и явилось решающим моментом в развитии всего декоративного искусства 1890 и 1900-х гг. Никогда, ни в одну эпоху, человечество не имело столь обильного бытового искусства, как в эпоху нового стиля. <Особенно этим отличалась мюнхенская группа художников. Образовавшееся в Мюнхене художественное общество “Jugend” чрезвычайно много сделало для художественного оформления бытовой стороны жизни>².

Жизненная, насыщенная Голландия дала художника Ван де Вельде, основавшего целую школу архитекторов с новым направлением, украсившим целые улицы Гааги, Гарлема ³ и Амстердама рядом зданий, одетых в детали нового стиля.

Чисто внешне усвоили новое искусство художники Италии, и Туринская выставка 1901 г. при всей ее пышности и многообразии не дала впечатляющих образцов и не оставила после себя продукции, могущей вдохновить художника <или даже подражать всему тому декоративному искусству, чем была наполнена эта выставка>⁴.

Бельгия в своей художественной культуре шла рука об руку с французами, и лучшие мастера Бельгии Орта и Ганкар целиком повторяли мотивы, впервые появившиеся на парижской выставке, но также поверхностным внешним очерком <без глубокой проникновенности и, пожалуй, без той любви, с которой работали, например, немецкие художники.

Если искать формализм в области нового искусства, то его нужно искать среди французских и бельгийских художников декоративного искусства. Это формальное отношение к такому искусству не заставило себя долго ждать, и мы видим, что раньше других наций французы остыли к погоне за блестящим новым стилем. Долше всех удержалось это искусство только в Германии, особенно в южной ее части – в Баварии, в Мюнхене, а также в Австрии>⁵.

1 Там же. Л. 10 об.

2 Там же.

3 Харлем (нидерл. *Haarlem*; в русских текстах часто транслитерируется как Гарлем или Гаарлем) – город и община на западе Нидерландов, столица провинции Северная Голландия.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 11.

5 Там же.

Прага. Карлов мост. Фото начала XX в.

Венские постройки 1900-х годов остались наиболее показательными для истории развития нового стиля, постепенно переходящего в строгую, почти классическую форму, как, например, произведения лучшего венского архитектора Отто Вагнера, создавшего целую школу; подражателем его был наш московский архитектор И. Иванов-Шиц.

Из Вены я поехал через Прагу в Дрезден и Берлин. <Возвращаться домой, в Москву, только не через Берлин! Назойлива до противного эта столица, эта гнусная Пруссия, и я поехал через Байрот на Прагу> ¹. После чужой и венской неметчины потянуло к родным славянам.

Ранним утром розовый туман над рекой Влтавой (Моравой) ² и сквозь легкий флер акварельный силуэт – это Градшин – пражский Кремль, высоко над городом обрисовывается. А над всем городом – общий золотистый колорит, недаром название города «Zláta Praha» (Золотая Прага).

Было воскресенье. Перезвон колоколов смешивался с мелодичными звуками башенных курантов – это общий аккорд музыкальных мелодий города: нигде нет в мире другого города, где бы столько было часов с музыкой. Прага – город исключительно музыкальный. Чуткая славянская душа долгими годами культивировала гармонию звуков на основе глубоко национального мелоса. С пением священных гимнов шли чехи в бой сражаться за свою независимость еще в XIV в. ³ И недаром возлюбил этот город великий Моцарт, где впервые

¹ Там же. Л. 12.

² Следует уточнить, что Влтава – важнейшая река Чехии, протекающая через Прагу и впадающая в Лабу. Морава – третья по значимости река страны, которая протекает по Южной Чехии.

³ Вероятно, речь идет о Гуситских войнах XV в. – военных действиях с участием последователей Яна Гуса, а также между ними, в Богемии (современная Чехия; 1419–1434).

оценили его талант, и для пражского театра написана была им опера «Дон-Жуан»¹, впервые здесь поставленная. Многие из москвичей еще помнят знаменитые «чешские квартеты». Музыка Сметаны, Дворжака хорошо известна, и только немцы тщательно исключали из программ этих славянских композиторов.

В соборе Тынском² мраморная статуя Кирилла и Мефодия – «первоучителей славянских», – а перед дворцом архиепископии бронзовый Ян Гус напоминает об эпохе борьбы за свободу своей родины. Ранних времен хроники и сказания этого народа еще с XIV в. полны ненависти к угнетателям-немцам. Своеобразные церковные песнопения «моравских братьев» в XVI в., проповедуя борьбу за национальную свободу, питали поэзию народа и одушевляли его в тяжелые дни Тридцатилетней войны³ и жестокой католической реакции...

Все это вспомнилось, когда Прага захватила меня тогда целиком. Музей (национальный)⁴ зачаровал своим исключительно богатым собранием богемского хрусталя, столь родственного нашему цветистому «мальцевскому» и «бахметьевскому»⁵.

Неисчерпаема сокровищница чешских миниатюр, по которым учились те же нюрнбергские мастера. И недаром всегда красуются на почетном месте в витринах музеев Вены, Кракова, Британского музея и др. средневековые чешские «лицевые» рукописи, т. е. с миниатюрами. Это – утонченная область искусства, как [бы] скрывающая вольность и мощную даровитость славянского народа, равно как и фрески в старых чешских церквях.

1 Моцарт В.А. «Дон Жуан, или Наказанный развратник». Опера-буфф (1787, премьера состоялась 29 октября того же года в Сословном театре в Праге).

2 Тынский храм или Храм Девы Марии перед Тыном (Прага, Староместская площадь, 1; 1339–1551).

3 Моравские братья – протестантская деноминация, выросшая из движения гуситов (последователей чешского реформатора Яна Гуса). Организационно религиозная община Чешских братьев оформилась в 1457 г. под названием «Братское единение». Чешские братья не признавали Римско-католическую церковь. «Братское единение» подвергалось преследованиям, во время Тридцатилетней войны (1618–1648) оно было практически уничтожено в Чехии и Моравии (1627). Тридцатилетняя война – военный конфликт в центре Европы между католическими и лютеранскими (протестантскими) князьями Германии за гегемонию в Священной Римской империи и Европе.

4 Национальный музей в Праге (1818, здание музея открыто в 1891 г. на Вацлавской площади) – крупнейший государственный музей Чехии. В здании на Вацлавской площади расположены «Музей естествознания и истории» и Библиотека.

5 Богемское стекло (бемское стекло) – дутое стекло, которое производится по старинным традициям в Чехии с XIII в. Речь идет о продукции хрустальных заводов, основанных А.В. Мальцовым в 1756 г. во Владимирском уезде Московской губернии при сельце Никулине (современный Гусь-Хрустальный) и А.И. Бахметевым в 1764 г. в селе Никольско-Пестровка в Пензенской губернии (Никольско-Бахметевский хрустальный завод).

Дрезден. Старый город. Открытка конца XIX в.

Разноевековая наслоенность архитектуры не изгладила самобытных черт внешнего облика города.

Начиная с древнего моста, украшенного ранней пластикой XIV в.¹, кончая готическими сооружениями – все свое, здешнее. И готику создали здесь не немцы, а французский мастер (Маттиас) из Арраса². Пражский замок³ – в основе романская постройка; готические башни у моста (Пороховые ворота) – это средневековый романтизм, сплетается он с барочными церквями, составляя единое целое.

Красив костюм народный, цветистый, нарядный, яркий. Жизненный и неумолчный снует веселый народ, понаехавший в воскресенье из окрестных мест. И речь чехов так радостна нам, в ней много общих русских слов (улица, двор, гости, баба и др.).

Оригинальный город, своеобразие его архитектуры и богатство его музеев оставили глубокое впечатление, вылившееся в упорное желание посетить Прагу еще раз, что и сделал в один из следующих «наездов в Европу».

Так близок от Вены Дрезден и так далек своей архитектурой и всем своим бытом.

Тон городу дала широкая Эльба, одетая изящной набережной с широкой импозантной брюллевской террасой. Близость гор саксонской Швейцарии делает климат мягким. В Дрездене немного зданий барокко, но зато это были такие исключительные по насыщенности стиля здания, как Цвингер⁴, строенный Пёппельманом для дворца и теперь превращенный в

1 Карлов мост – средневековый мост в Праге через реку Влтаву, украшенный тридцатью скульптурами, преимущественно религиозного содержания. Большинство скульптур были установлены с 1683 по 1714 г.

2 Речь идет о фламандском архитекторе Матьё Аррасском.

3 Пражский Град (основана в IX–X вв.) – крепость в Праге, представляющая собой комплекс зданий, храмов и фортификационных сооружений, располагающихся вокруг трех главных дворов, площади Святого Георгия и Иржской улицы. Архитектурная доминанта – собор Святого Вита.

4 Цвингер – дворцово-парковый комплекс в Дрездене из четырех зданий. Название происходит от его местоположения (в Средневековье цвингером называли часть крепости между наружной и внутренней крепостными стенами). Три стороны Цвингера были построены до 1732 г. немецким архитектором М. Пёппельманом. Четвертая сторона архитектурного ансамбля была спроектирована Г. Земпером и возведена в 1847–1855 гг. Здесь находится Дрезденская картинная галерея (Галерея старых мастеров; 1855) – собрание из

картинную галерею с прославленной «Сикстинской Мадонной» Рафаэля. <Рафаэль не произвел еще на меня тогда должного впечатления. Больше я был пленен собранием саксонского фарфора, с его особенным мягким колоритом и тонким рисунком.

Католическая церковь – совершенное барокко, позднее только и напоминала, что существует католицизм; кроме чисто протестантского саксонского Дрездена И зданий нового стиля в нем было очень мало. Крепки были устои прежней культуры. Да, это «саксонский Версаль»!

Еще меньше модерна было в Берлине; словно заплесневел он в старой сухой архитектуре Шинкеля и Шлютера, эклектика же 1860–1870-х гг. была на редкость безвкусной. Безотрадными домами с кондитерской лепниной заполнены Фридрихштрассе, Унтер дер Линден и другие центральные улицы города. Скука, казарма, пошлость, и меньше всего искусства я нашел в Берлине.

Глава 17 [Выставка «Нового стиля»²]³

приблизительно 750 картин мастеров, приобретенных в XVIII в. саксонскими правителями из альбертинской линии Веттинов. И.Е. Бондаренко упоминает картину Рафаэля «Сикстинская мадонна» (1513–1514), которая находится в галерее с 1754 г.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 11 об.

2 Первая выставка искусства модерна в России – Московская выставка архитектуры и художественной промышленности Нового стиля проходила в новом доходном доме на углу Петровки и Столешникова переулка в декабре 1902 г. – январе 1903 г. под патронажем великой княгини Елизаветы Федоровны. В Комитет по устройству выставки входили архитекторы И.А. Фомин, В.Ф. Валькот, В.В. Воейков, И.Е. Бондаренко, В.В. Иордан, Н.Л. Шевяков и др. На ней был представлен небольшой раздел традиционных архитектурных проектов, основу выставки составили проекты в стиле модерн интерьеров жилых помещений с сопутствующими элементами (вазами, картинами, посудой и т. д.). Фотографии экспонатов выставки были опубликованы в журнале «Мир искусства» (1903. № 3. С. 97–120).

3 Отсутствующее в рукописи название главы взято из содержания воспоминаний.

Архитекторы И.А. Фомин, Вильям Валькот и пишущий эти строки явились инициаторами этой выставки «Нового стиля», привлекая наиболее способных художников-архитекторов и мастеров декоративного искусства.

Выставка была открыта в 1902 г. Размещалась она во 2-м и 3-м этажах только что выстроенного дома на углу Петровки и Столешникова переулка, имела несомненный успех своей новизной². *На выставку приехал из Дармиштадта Ольбрих и из англичан Макинтош – один из членов рёскинского клуба*³, а также Коломан Мозер из Вены.

Ольбрих прислал несколько отдельных вещей, Макинтош – целую комнату, а Коломан Мозер – серию вышитых ковров.

На общем фоне выставки «Нового стиля» в Москве мы показали жизненность нашего народного искусства, устроив отдельную комнату, где кустари Троице-Сергиевой лавры и других мест под нашим руководством сделали целый ряд превосходных вещей по рисункам Головина, Фомина, Давыдовой и моим, а также хорошего мастера Лиштвана, при участии большого мастера кустарного дела Боруцкого.

Повторением показа кустарных изделий народного творчества явились впоследствии две выставки под названием «Русское народное творчество», устроенные в Петербурге группой художников и руководителей кустарных музеев⁴.

Выставка «Нового стиля» была взрывом в тихо дремлющей жизни Московского архитектурного общества⁵, приютившегося в неудобных залах в 1-м этаже дома в Златоустинском переулке.

Марка нашей выставки была талантливо нарисована художником Егоровым: черная пантера с закрученным хвостом. Эта эмблема служила ироническому названию нашего общества со стороны старых рутинеров – «Кошкин хвост», и когда я приходил в Московское архитектурное общество – это было время выборов его членов, – то величественная фигура – арх[итектор] А.К. Боссе, с его пышной бородой, всегда меня встречал громовым голосом: «Кошкин хвост пришел».

В Московском архитектурном обществе был ряд архитекторов, работавших в так

1 Данная фраза в рукописи завершала 16-ю главу – вероятно, ошибка машинистки.

2 Подробнее о выставке и ее участниках см.: *Наццокина М.В.* Московский модерн. СПб., 2012. С. 98–104.

3 С конца XIX в. в английских городах существовали так называемые «Клубы Рёскина», объединявшие учеников и последователей английского мыслителя Джона Рёскина. Автор многочисленных книг, статей и лекций по искусству, получивших широкое распространение, как в Великобритании, так и за ее пределами, Рёскин был профессором искусств Оксфордского университета, преподавал рисование в Рабочем колледже Лондона и приобрел большую популярность в среде ремесленников и рабочих, выступая также с критикой капитализма с позиций христианского социализма.

4 Речь идет о Всероссийских кустарно-промышленных выставках в Петербурге. Первая выставка была организована Министерством земледелия и государственных имуществ под покровительством императрицы Александры Федоровны в 1902 г. и проходила в Таврическом дворце. В ней приняли участие около 4 тысяч представителей 56 губерний и областей России. Вторая выставка была организована Главным управлением землеустройства и земледелия также под покровительством императрицы в марте 1913 г., она разместилась в четырехэтажном каменном здании гербария Ботанического сада на Петроградской стороне. Количество участников увеличилось до 6 тысяч. На выставках были представлены образцы гончарного дела, мебели, изделия из соломки и металла, кружева, вышивки, ковры и золото-швейные изделия, ткачество, игрушки, иконопись, экспонировались также станки и орудия для кустарного производства. Выставки пользовались огромным успехом у публики, демонстрируя высокий уровень изделий кустарного производства.

5 Московское архитектурное общество (1867–1930) – первое творческое объединение московских архитекторов и инженеров-строителей, образованное по инициативе М.Д. Быковского. Общество занималось разработкой теоретических, исторических и технических проблем архитектуры, систематическим изучением древнерусской архитектуры, организацией съездов архитекторов, первой в России архитектурной выставки, проведением конкурсов и т. д. В начале XX в. оно размещалось в Малом Златоустинском пер., 4. В 1914 г. правление Общества переехало в собственное здание в Ермолаевском пер., 17 (архитектор Д.С. Марков).

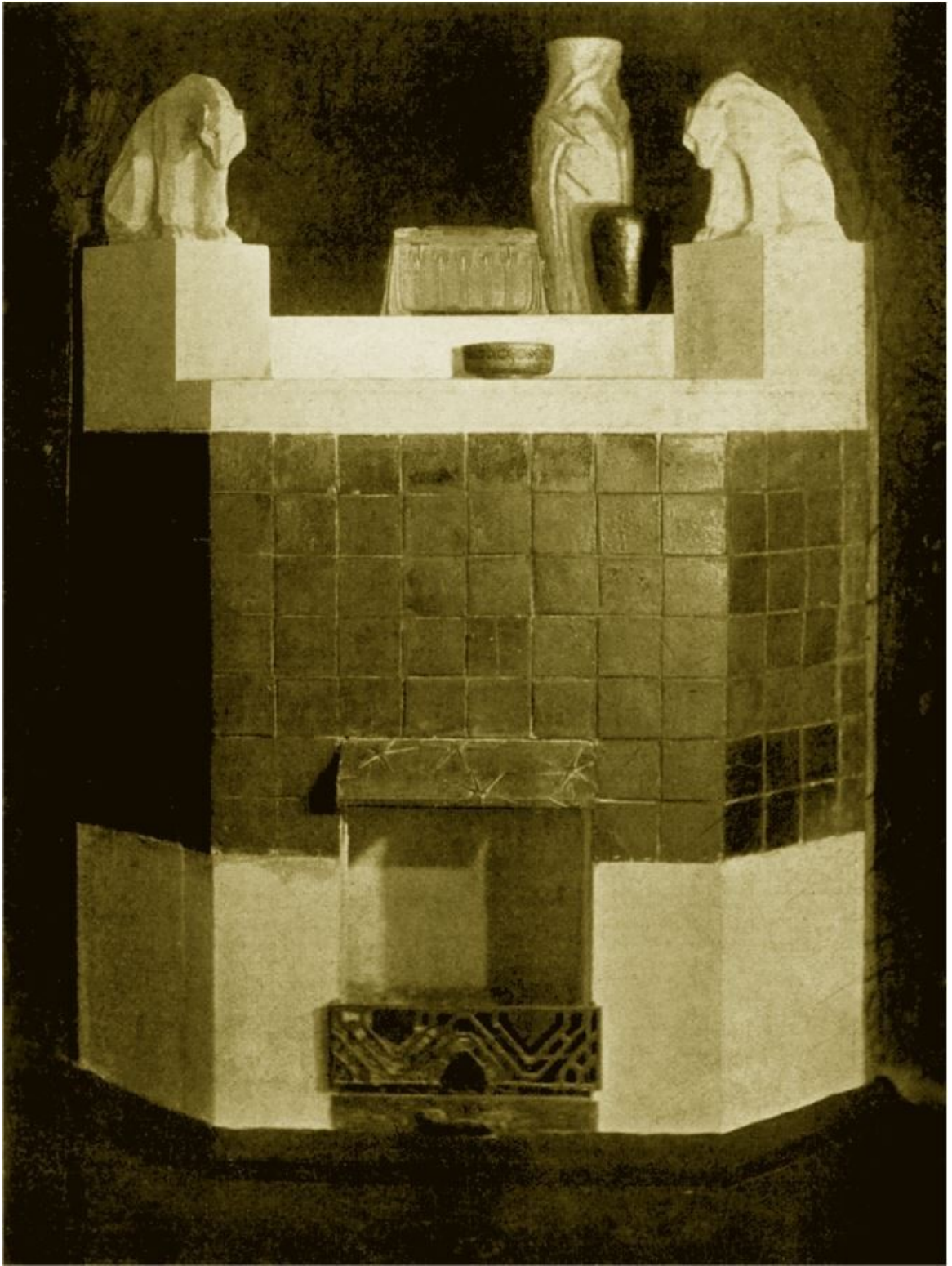
наз[ываемом] «русском стиле». Другая часть работала в избитых формах Ренессанса, но была и иная часть нас, архитекторов, работавших в формах «нового стиля».

Жена подолгу жила летом в родительском доме. Я приезжал и из Иваново-Вознесенска ездил в Кинешму. Оттуда паромом до Ярославля или Нижнего Новгорода полюбоваться архитектурными пейзажами Волги.

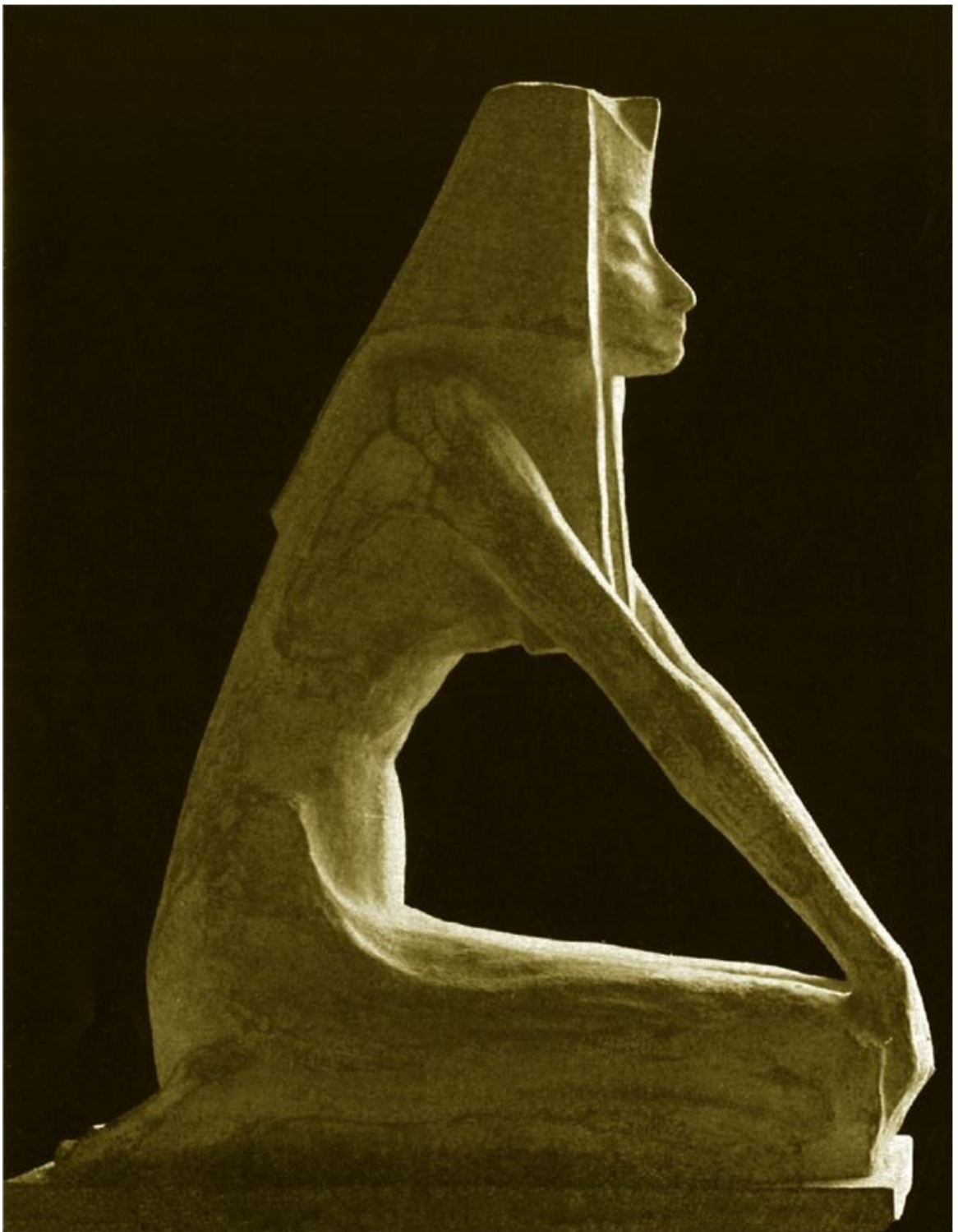
Район г[орода] Иваново и вся Владимирская губерния, Поволжье мне нравились, там много было интересной старой архитектуры. В Поволжье шатровые колокольни были полнозвучными произведениями сочного народного творчества.

Юрвец, Пучеж, Балахна¹ – заместниками архитектуры.

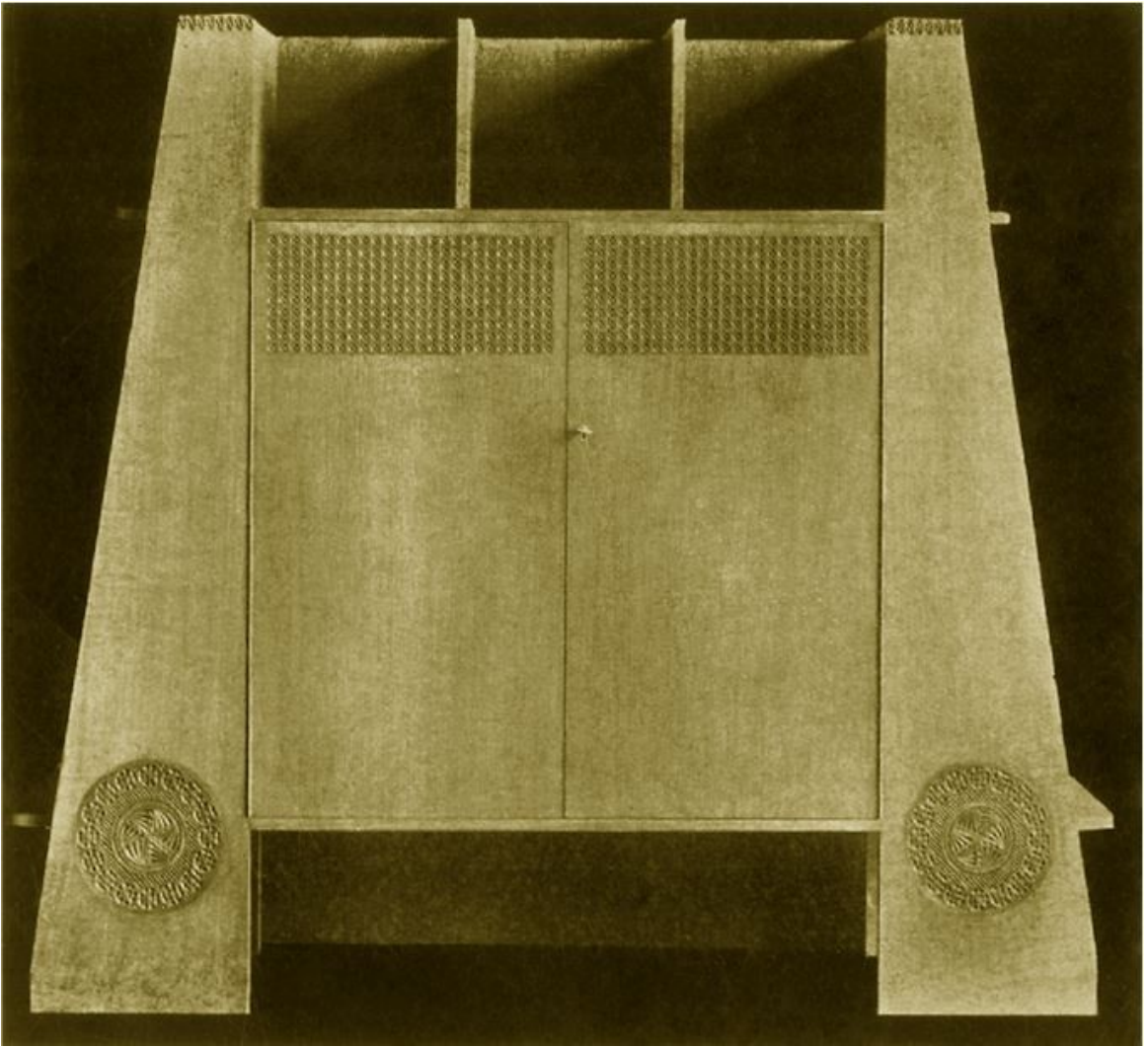
¹ Далее пропуск в тексте (1–2 слова), в связи с чем смысл предложения неясен.

И. Фомин. Камин из песчаника с красными изразцами. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

*И. Фомин. Бронзовая фигура египтянки на камин.
Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.*

И. Фомин. Дубовый шкаф. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Волжские кратковременные поездки оставляли глубокое впечатление и побуждали к изучению русской архитектуры. К прямой тематике моего строительства в то время эти волжские мотивы отношения не имели.

Новое искусство стало быстро вянуть... Уже после нашего праздника молодого задора почувствовалось некое разочарование в этом искусстве. Сказывалась его нежизненность. «Не то! Не то», – повторяло сознание.

И следующая после выставки заграничная поездка показала недолговечность росписей модерна, увядание уже ощущалось...

Не удовлетворял и тот «русский стиль», что царил в школе и архитектурной практике.

И. Фомин. Стол карельской березы с эмалью. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Тот русский стиль, который разрабатывался некоторыми архитекторами, вроде Чичагова, и его учениками, а также Померанцевым, не мог удовлетворить знающего подлинную красоту русской архитектуры.

Непонимание основных форм, навязанная классическая симметрия, совершенно чуждая русскому стилю, сухие детали, набранные из всех эпох русской архитектуры, делали, в конце концов, из подобного здания какой-то пряник, несмотря на большое мастерство строительной части постройки.

Русское народное творчество, показанное на Парижской выставке и развернутое в целом ряде последующих выставок, давало мотивы оформлений бытовой стороны жизни.

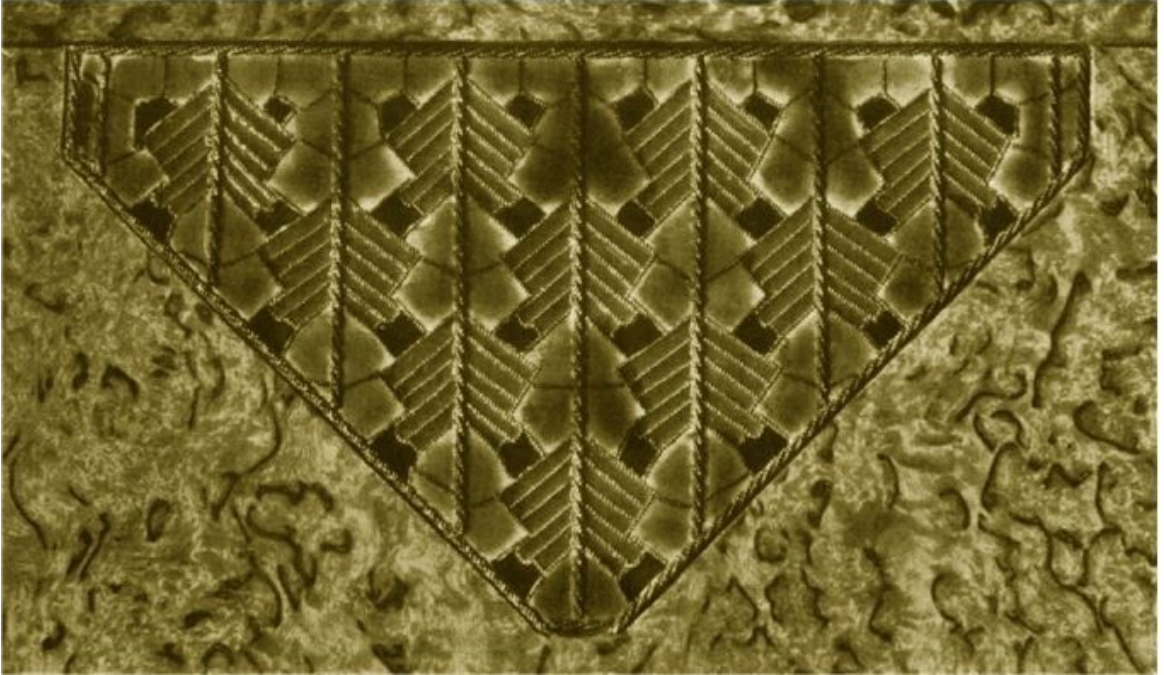
Постройка русского кустарного отдела в Париже явилась действительно первым воплощением архитектурных форм народного русского зодчества, но зажиточная часть русского общества, ее заказчики, захваченные общим безвременьем эпохи, не могла проникнуться основами самобытного народного искусства.

Даже исключительные типы таких заказчиков, как купец Щукин, наибольший не только любитель, но и знаток русского искусства, отдавший всю свою жизнь и средства на собирание предметов русского искусства и составивший себе прекрасный музей в Грузинах, не мог найти надлежащего оформления для своего музея. Здания, выстроенные по проектам архитекторов Фрейденберга и Эрихсона, – это чистая эклектика отовсюду набранных русских форм без их логической связи и без их художественной ценности¹.

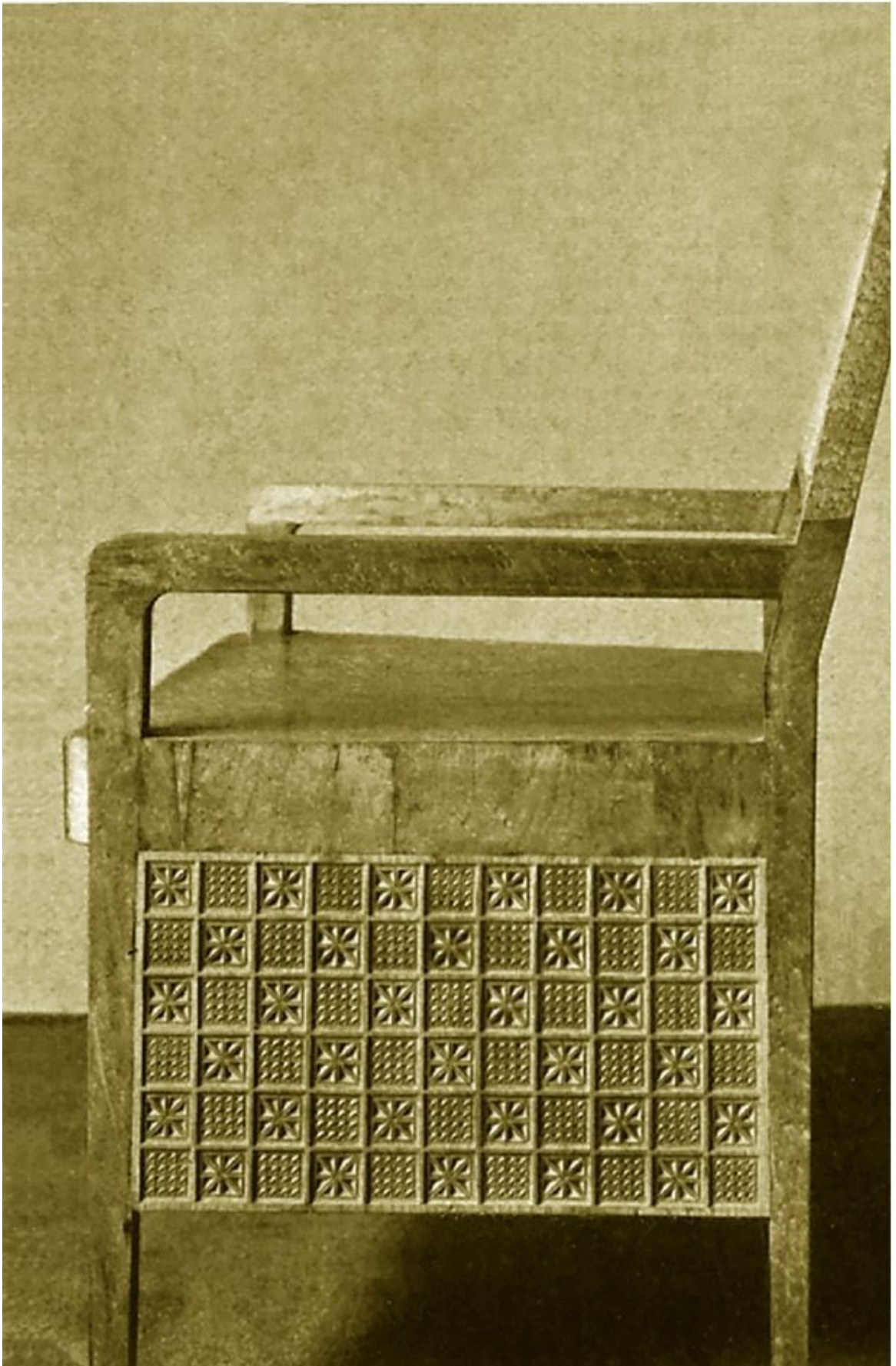
Петербургская Академия художеств, неудовлетворенная однообразным толчением на месте своих программ, не выходящих из круга Ренессанса или классики, пошла по линии применения в проектах так называемого «русского стиля», который по существу также не может быть назван русским по совершенно ложно понятой архитектонике его форм и

¹ См. примеч. 48 к гл. 12.

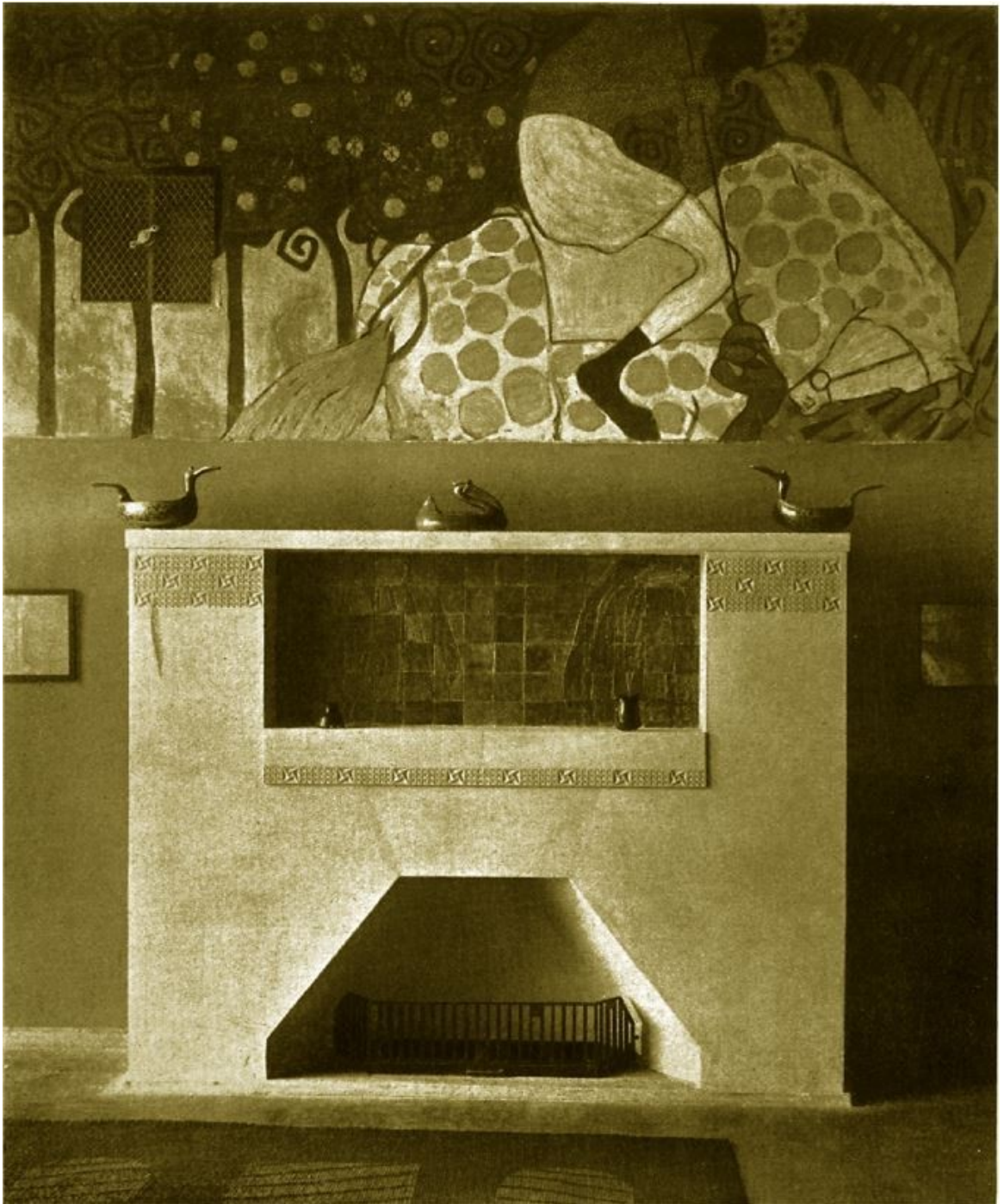
конструктивной сущности.

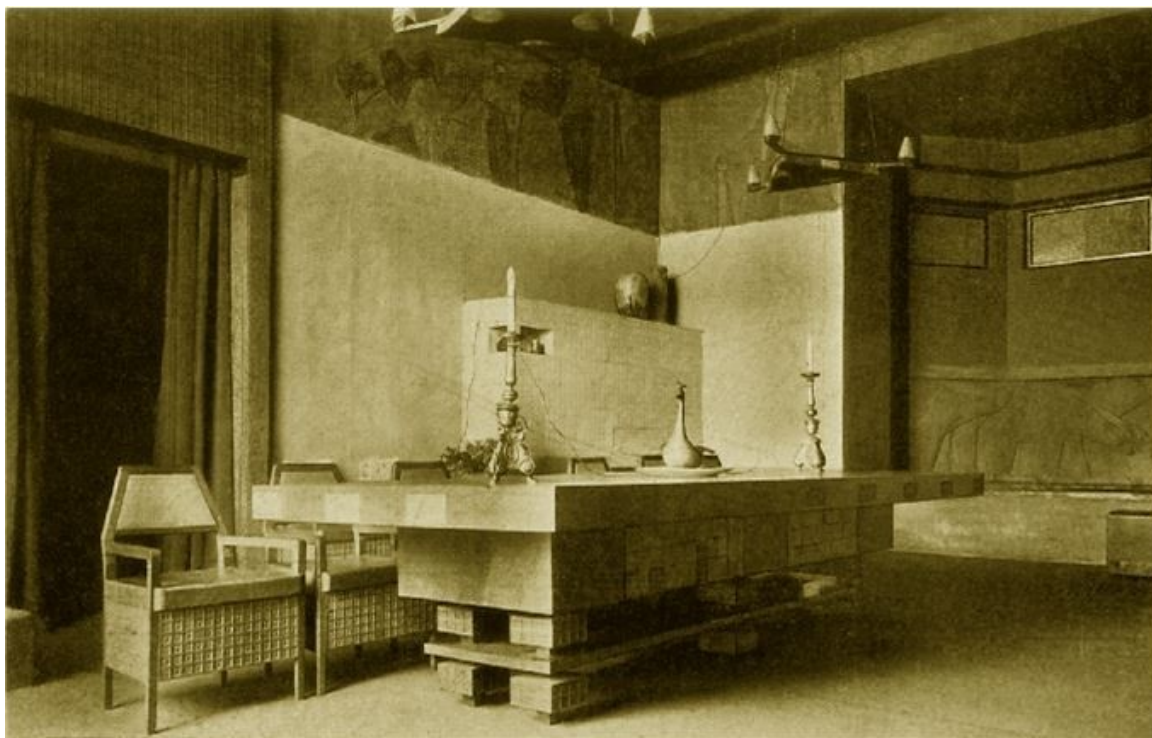
*И. Фомин. Эмалевая вставка в кресло. Экспонат выставки Нового стиля.
Фото 1903 г.*

И. Фомин. Стул серого клена из столовой. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

*И. Фомин. Камин из песчаника с изразцами.
Фриз работы В. Егорова. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.*

И. Фомин. Столовая серого клена. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Петербургские архитекторы – Шрётер, Китнер, Леонтий Бенуа – выстроили целый ряд зданий с применением русских форм, выполненных прекрасно, но лишенных органичности русского искусства.

В академических программах все чаще и чаще стали даваться темы проектирования в русском стиле общественных и церковных зданий и особняков. Под рукой такого талантливого архитектора, как В.А. Щуко, выходили интересные проекты, всецело проникнутые наставлениями вышеупомянутых профессоров, но все же такие проекты были далеки от подлинно русской архитектуры.

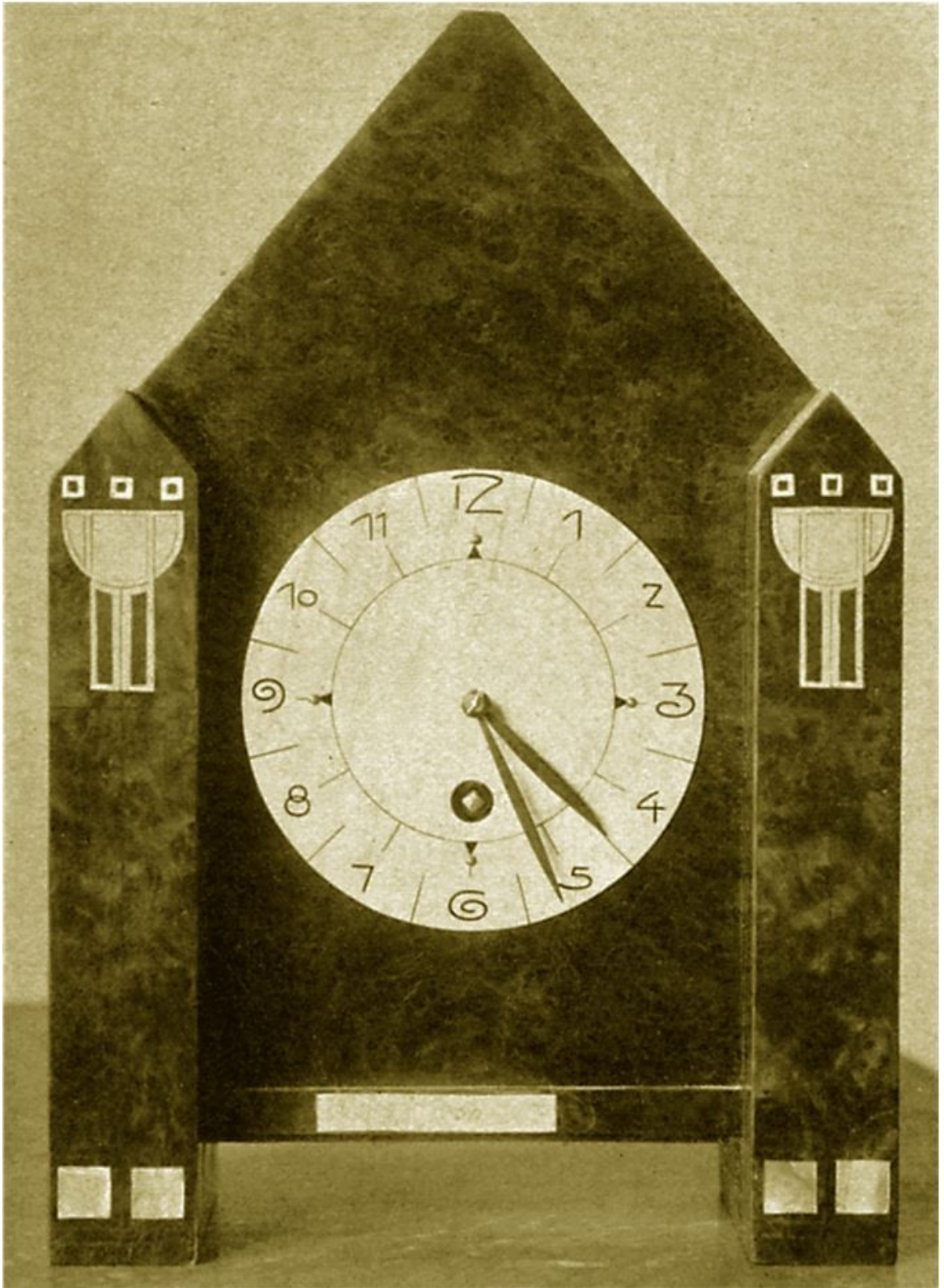
Между тем та же Академия художеств произвела в деле изучения русского искусства громадный сдвиг, издав труд в 7 выпусках Сулова «Материалы русской архитектуры», впервые показавший подлинную красоту северных деревянных построек и самобытную архитектуру каменных форм.

Как это бесконечно далеко от того «русского стиля», которым восторгался Стасов, когда архитекторы Ропет и Гартман выстроили русские павильоны на Всемирных Парижских выставках 1878 и 1889 гг. и когда архитекторы Резанов и Монигетти начали строить доходные дома, украшая [их] деталями, заимствованными с узоров русских полотенец с их петушками, откуда и получился термин «петушиный стиль», нашедший яркое выражение в отделке особняка в[еликого] кн[язя] Владимира на набережной в Петербурге³.

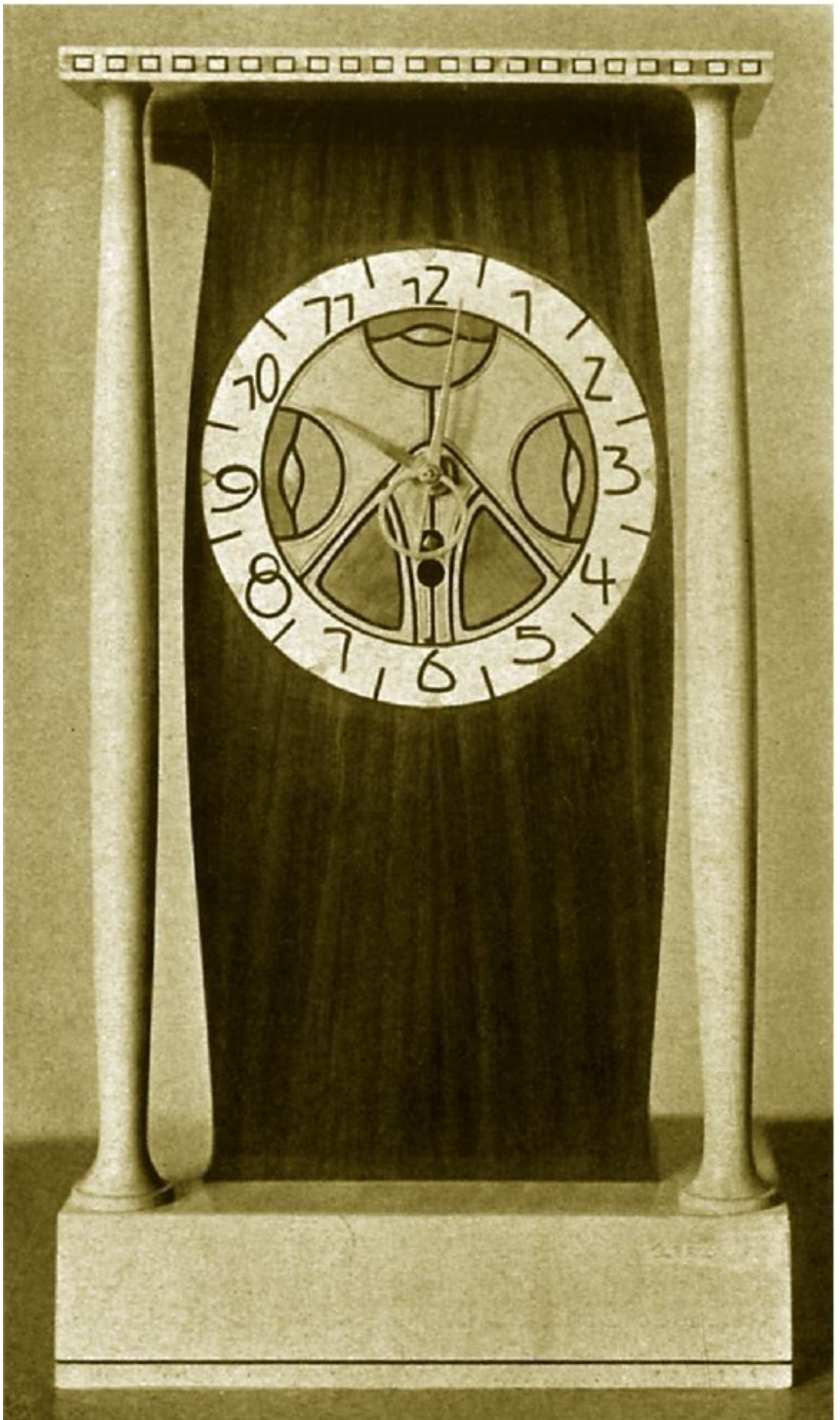
¹ Имеется в виду следующее издание: Сулов В.В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. 1–7. СПб., 1895–1901.

² Следует уточнить, что участие в проектировании российских павильонов на Всемирной выставке в Париже 1889 г. принимал архитектор В.А. Мазырин. В.А. Гартман спроектировал Морской отдел Русского павильона на Всемирной выставке в Вене 1873 г.

³ Речь идет о дворце великого князя Владимира Александровича (Петербург, Дворцовая наб., 26; 1872, архитектор А.И. Резанов).

Й. Ольбрих. Часы. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Й. Ольбрих. Часы. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

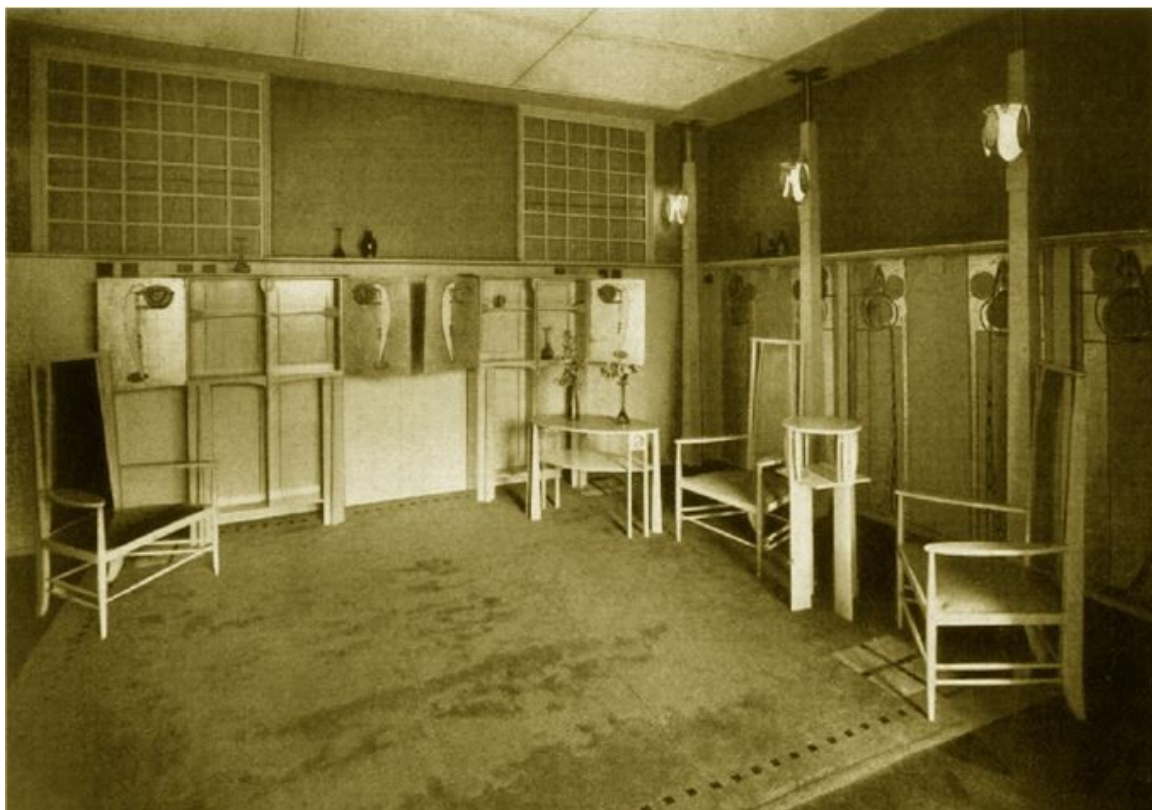

Й. Ольбрих. Столовая серого дуба. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Нужно отдать справедливость Стасову, когда я привез к нему проект парижского кустарного отдела, он долго вглядывался в рисунок и затем сказал: «А ведь это ново! Ведь это по-русски! Это – здорово! Вот ведь оно где – наше русское народное!»

С еще большей убедительностью говорил об этом народном творчестве и, в частности, о нашем кустарном отделе боевой тогда журнал русской художественной мысли «Мир искусства»¹, во главе с Дягилевым – утонченным эстетом и тонким знатоком подлинного искусства. Он мало отводил страниц для народного творчества, отдавая главное предпочтение пропаганде нового западного искусства и его последним достижениям, но всегда оттеняя творчество Коровина, Головина, Малютина, Давыдовой и других художников, работавших в области развития народного искусства.

¹ См. примеч. 45 к гл. 14.

Ч. Макинтош. Салон. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

После закрытия журнала «Мир искусства»¹ московский купец, поверхностно меценатствующий, Николай Рябушинский стал издавать претенциозный, богатый по внешности журнал «Золотое руно»², литературная часть которого насквозь была проникнута символизмом в различных его проявлениях. Но и «Золотое руно» должно было дать место для воспроизведения на своих страницах образов подлинного народного искусства.

К этому времени поднимался интерес к изучению древнерусской живописи, и двойной выпуск «Золотого руна», посвященный образцам русской живописи: старым иконам, русской стеной росписи, как бы искупил вину издателя³.

Изучая русское искусство, русскую архитектуру, особенно по московским памятникам зодчества, я не мог не остановиться на забытом искусстве XVIII в[ека]. «Мир искусства» и его глашатай А. Бенуа⁴, начавший издавать журнал «Художественные архитектуры

¹ Журнал прекратил свое существование в 1904 г.

² «Золотое руно» (М., 1906–1909; редактор-издатель Н.П. Рябушинский) – ежемесячный художественный и литературно-критический журнал. Всего вышло 34 номера. Журнал имел высокий художественный уровень оформления, содержал многочисленные иллюстрации, виньетки и другие украшения страниц, выполненные Л.С. Бакстом, Е.Е. Лансере, К.А. Сомовым. Первоначально в «Золотом руно» печатались основные представители русского символизма. После ухода руководителя литературного отдела С.А. Соколова-Кречетова вследствие конфликтов с Рябушинским в 1907 г. с журналом порвали В.Я. Брюсов, Андрей Белый, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, М.А. Кузмин, Ю. Балтрушайтис. Руководящую роль в литературном отделе «Золотого руна» стали играть Вяч. Иванов, А.А. Блок, Г.И. Чулков, С.А. Ауслендер. В журнале сотрудничали также К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, С.М. Городецкий и др.

³ Речь идет о строенном номере журнала «Золотое руно», посвященном древнерусскому искусству, в котором были напечатаны статьи крупнейшего исследователя А.И. Успенского: «Иконописание в России до 2-й половины XVII в.» (23 снимка с икон), «Фрески паперти Благовещенского собора в Москве» (6 снимков), «Влияние иностранных художников на русское искусство во 2-й половине XVIII в.» (6 снимков), «Живописец Василий Познанский, его произведения и ученики» (28 снимков), «Русский жанр XVII века» (Заметка об истории русской миниатюры; 7 снимков) (Золотое руно. 1906. № 7–9. С. 5–88.)

⁴ «Мир искусства» (1898–1924) – художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х

XVIII в.»⁵, подтолкнул на внимательное рассмотрение архитектуры XVIII в., раззолоченного искусства Растрелли и памятников русского классицизма и ампира.

Та же группа архитекторов, которая с таким увлечением устраивала выставку «Нового стиля», с не меньшим увлечением теперь занималась изучением русского народного творчества и естественно подошла к изучению русского классицизма и особенно эпохи ампира.

Лето вышло удачное. Большая моя постройка была отложена на год, новые проекты можно было начать и осенью. И я решил посвятить летние два месяца обзору своего родного искусства.

Потянуло в глубь Заволжского края и Поволжья, хотелось зафиксировать виденное более основательным и детальным фотографированием памятников русского зодчества. Все приходит в свое время.

*Кресла Ч. Макинтоша. Стол К. Коровина. Экспонат выставки Нового стиля.
Фото 1903 г.*

гг. Под тем же названием выходил журнал, издававшийся с 1898 г. Членами объединения были знаменитые художники, рисовальщики А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, Е.Е. Лансере, а также С.П. Дягилев и др. В 1904–1910 гг. большинство членов «Мира искусства» входило в состав «Союза русских художников». После революции многие деятели эмигрировали. Последняя выставка «Мира искусства» проходила в Париже в 1927 г. С 1908 г. в петербургской газете «Речь» еженедельно печатались «Художественные письма» А.Н. Бенуа, в которых он выступал как «летописец» современной художественной культуры, касаясь самых разнообразных вопросов ее развития.

5 Речь идет об иллюстрированном ежемесячном сборнике «Художественные сокровища России». Издавался в 1901–1907 гг. Обществом поощрения художеств. Выпущено 84 номера. Редакция находилась на набережной реки Мойки, д. 83. Главный редактор А.Н. Бенуа, с 1903 г. – А.В. Прахов. В сборнике публиковались (на отдельных листах) репродукции производственной живописи, скульптуры, архитектуры, декоративно-прикладного искусства и их описания; имелся отдел хроники культурной жизни. Отдельные тематические номера были посвящены описанию художественных собраний, музеев и дворцов Петербурга и Москвы.

К. Орлов. Мебель серого дуба. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Познакомился я с фотографом Д.И. Певецким, энтузиастом, беззаветно любившим старую ушедшую Русь. Мы отправились в поездку по верхней Волге – от Савелова до Нижнего, с остановками в наиболее интересных местах.

Условия поездки были примитивными: маленькие пароходы с каютами внизу и открытой палубой наверху. Долгие стоянки на пристанях, где можно было найти пропитание более обильное, чем в убогом пароходном буфете, приютившемся в грязном углу около машины и уборных.

Долгое чаепитие на палубе, когда под вечер особенно красива неширокая здесь Волга, с поэтическими берегами и овянной лиризмом тишиной спокойной реки. Лишь изредка нарушалась эта тишина, когда, например, наш пароход, обгоняя плоты, обдавал их волной, за что с плотов зычный голос бурлака посылал укоризну:

В. Фролов. Ваза; смальт с железом. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Н. Давыдова. Дубовая полка. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

– Потише ходи! Заливает волной-то! (И родительское упоминание, крепкое, чисто волжское.) – Грузен плот-от, размывает ободья. (Снова скандированная речь с «материнским благословением».)

На что следовало краткое замечание штурвального, типичного волжского лоцмана:

– Ишь ты, словно «Апостола»¹ читает!

И снова тишина с ритмическим стуком пароходного колеса и криками чаек... А запад гаснет, и уже силуэтом темным рисуется впереди причудливая группа старых зданий Углича, раскинувшегося по зеленому берегу направо, а налево против дремлет старый Паисиев монастырь².

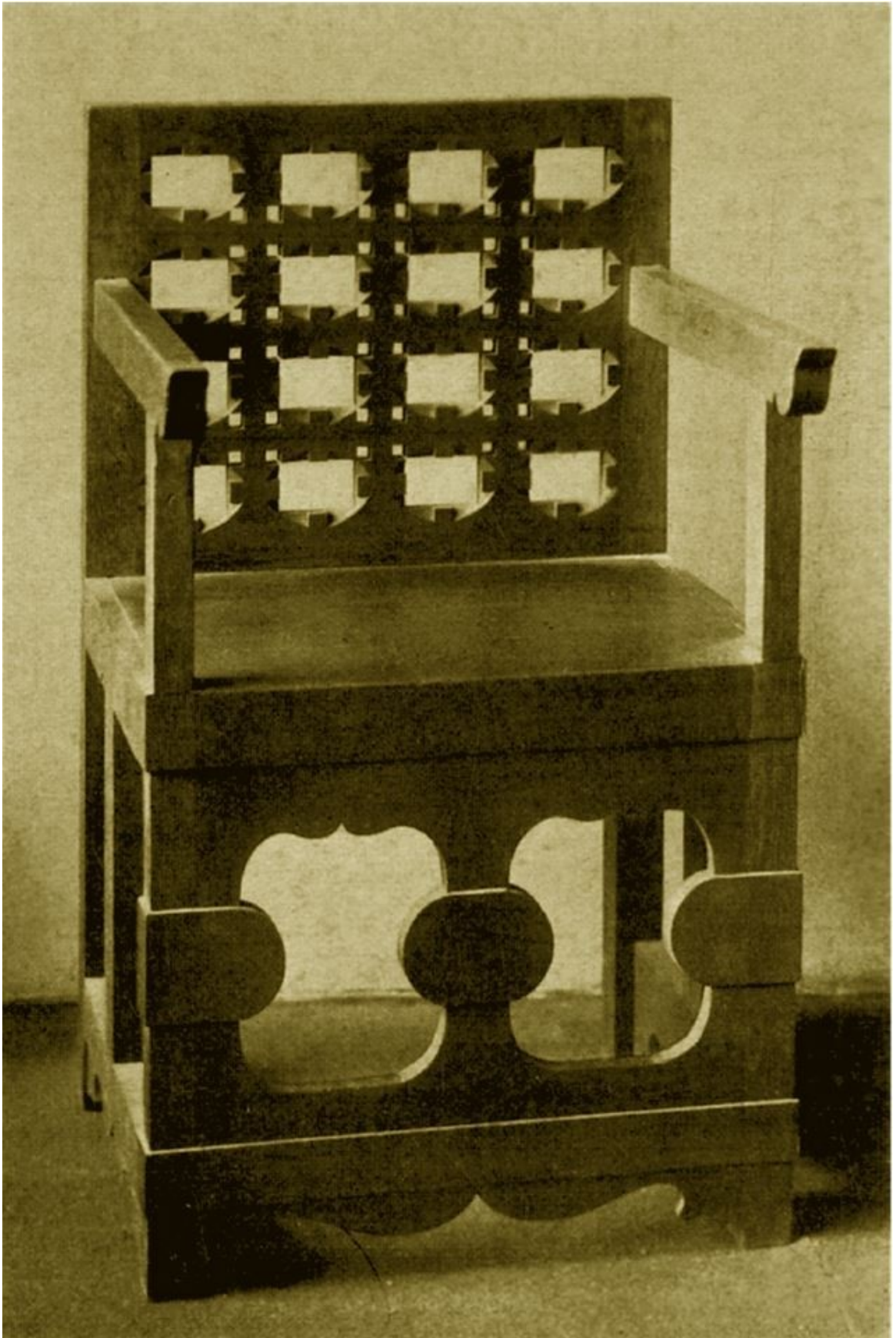
Вот мы и в Угличе. В единственную гостиницу пускают неохотно.

Разговоры с Василь Митричем, очевидно, хозяином и вместе с тем портье «отеля» под громкой вывеской «Гостиница Берлин», причем вырезные золоченые буквы вывески были в свободном начертании, вплоть до того, что слово «Берлин» изображено через «ять».

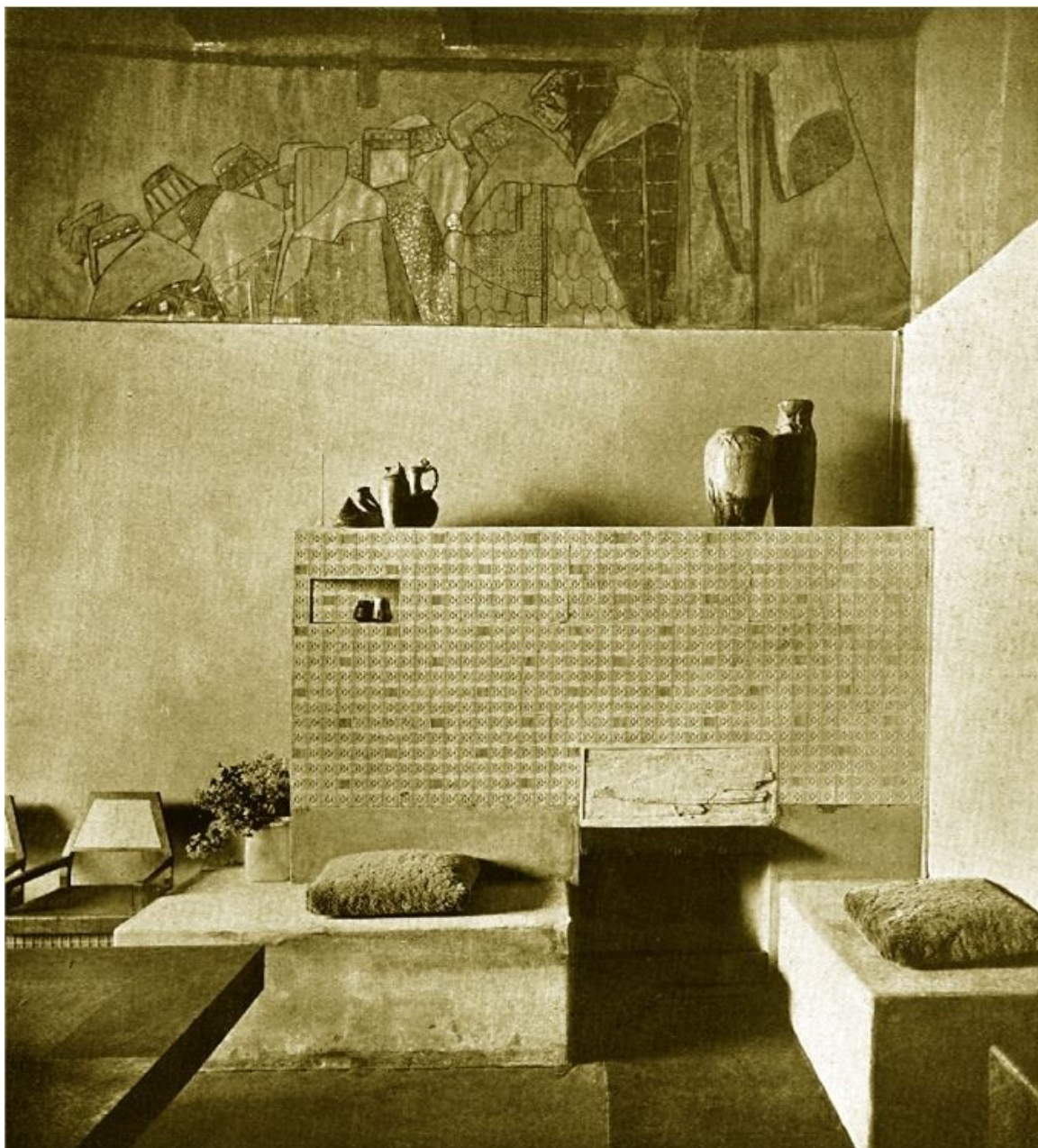
Устроились. С самого раннего утра обзор Углича и фотографирование его изумительных памятников русского зодчества. Целый день, не отрываясь, фотографировали, осматривая всякую деталь, и к вечеру – в гостиницу обедать.

1 См. примеч. 50 к гл. 2.

2 Паисиев Покровский мужской монастырь (XV в.) стоял на берегу Волги напротив Углича, в конце 1930-х гг. при строительстве Угличской ГЭС был разрушен, а его территория затоплена.

*Л. Браиловский. Дубовый стул. Экспонат выставки Нового стиля.
Фото 1903 г.*

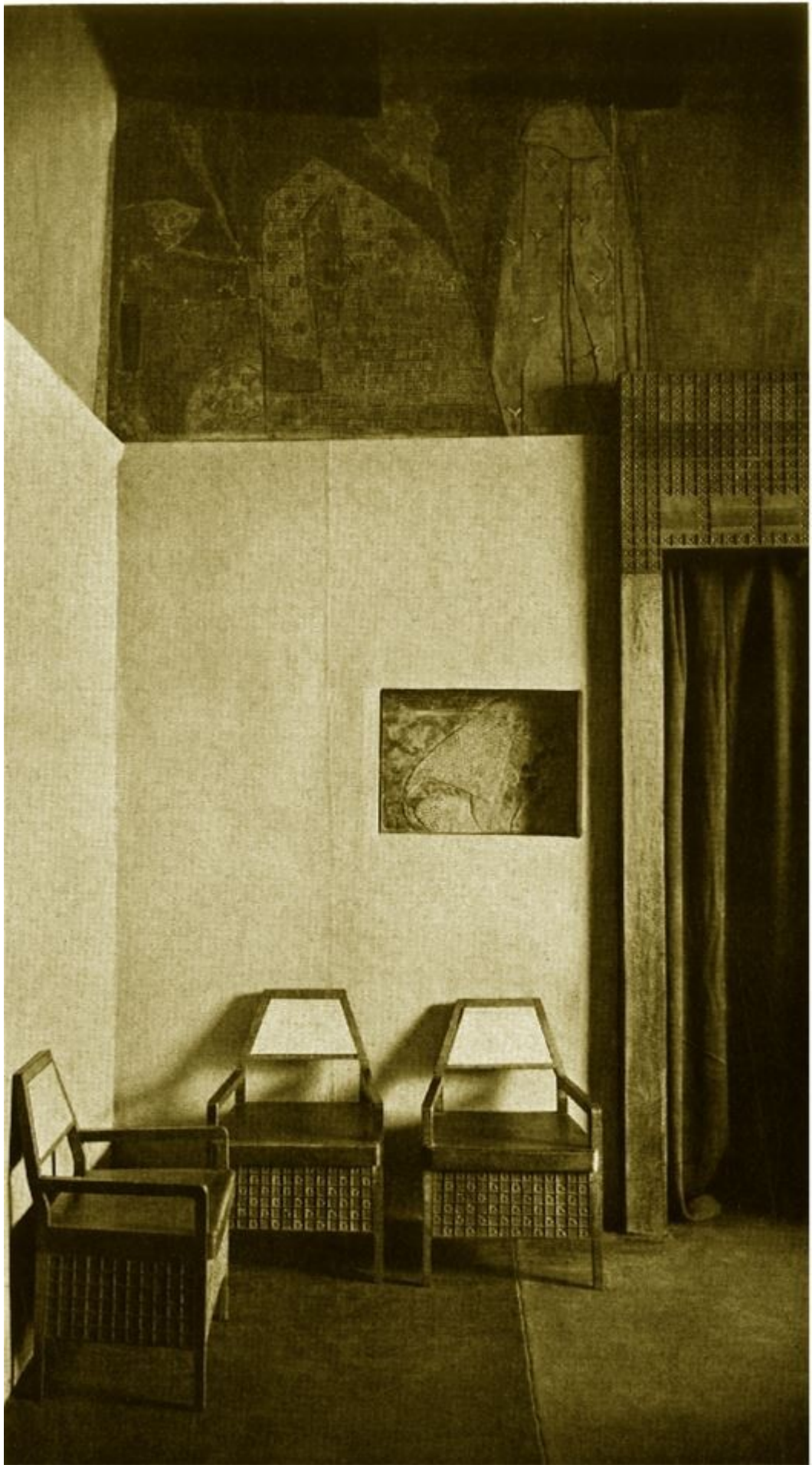

И. Фомин. Камин-печь в столовой. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

← Пожалуйста в дворянское отделение! – Это комната почище, налево. В центре за стойкой типичный буфетчик любезно предлагает: “Соляночку из стерляди, да уточки домашние. Вам полпорции?”

Еще не зная здешних обычаев, мы заказываем по целой порции. Изумленный буфетчик поднял только брови и кротко сказал:

“Слушаюсь!”

И. Фомин. Столовая серого клена. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

К. Орлов. Мебель серого дуба. Экспонат выставки Нового стиля. Фото 1903 г.

Зал архитектуры на выставке Нового стиля. Фото 1903 г.

Зал № 2 на выставке Нового стиля. Фото Эйхенвальда, 1903 г.

Оказывается, полпорции вполне достаточно не только для одного. Велико было наше удивление, когда перед нами оказалась огромная кастрюля, набитая рыбой, и на блюде 4 домашних утки! Это и есть две порции. На вопрос – нет ли виноградного вина, – последовал ответ:

– Есть, да только уж очень давнишнее, ведь у нас здесь никто такого не спрашивает, мы вам со скидкой дадим!

Оказалось – выдержанный старый крымский лафит!>¹.

А ночь уже окутала рано засыпающий Углич, в то время глухой городок, отрезанный от железной дороги. Городские [с арками], с сундуками, привязанными к столбу цепью. Под арками по проволоке на длинной цепи собака бегает. Караульщик изредка покрикивает: «Слушай!» <В опустелом городском сквере нас останавливает какой-то весьма подвыпивший мастерской:

– Нет, ты, милый человек, рассуди! Нешто эфто порядок? Ведь так можно изувечить человека, а? Нет, по какому праву?..

Панорама Кинешмы с реки. Открытка конца XIX в.

Долго еще негодовал этот, очевидно, пострадавший человек>². Два шатра Алексеевской церкви, недаром названной «Дивной»³, силуэт ее незабываем. Еще немного и прошли – город весь. Волга заснула, огонек на барже, на пристани никого нет, парохода не ждут сегодня. Все уснуло!

После Углича съездили мы на Мологу и на пустынную реку Шексну. Затем вернулись и занялись Романовым-Борисоглебском (теперь город Тутаев).

Там на высоком берегу, над Волгой неведомый зодчий соорудил незабываемый памятник русского зодчества – собор, остроумно поставив его под углом к плесу реки, делавшей здесь излучину, рассчитав аспект наиболее эффектного обзора с Волги этого красивого сооружения⁴.

Так же, как и в Угличе, и всего города, раскинувшегося по двум берегам Волги, также

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 16.

2 Там же.

3 Речь идет о церкви Успения Пресвятой Богородицы (Успенской Дивной церкви; 1628) Алексеевского (в настоящее время женского) монастыря в Угличе. Следует уточнить, что храмовая часть здания завершается тремя шатровыми главами, образующими как бы трезубую корону.

4 Имеется в виду Воскресенский собор (1652–1678), расположенный на высоком месте в правобережной, западной части Тутаева.

проста жизнь с малым своим масштабом, интересами и большой нуждой. Сонный городок. Только еще на берегу около пристаней какая-то жизнь, тут кормилица Волга вносит оживление.

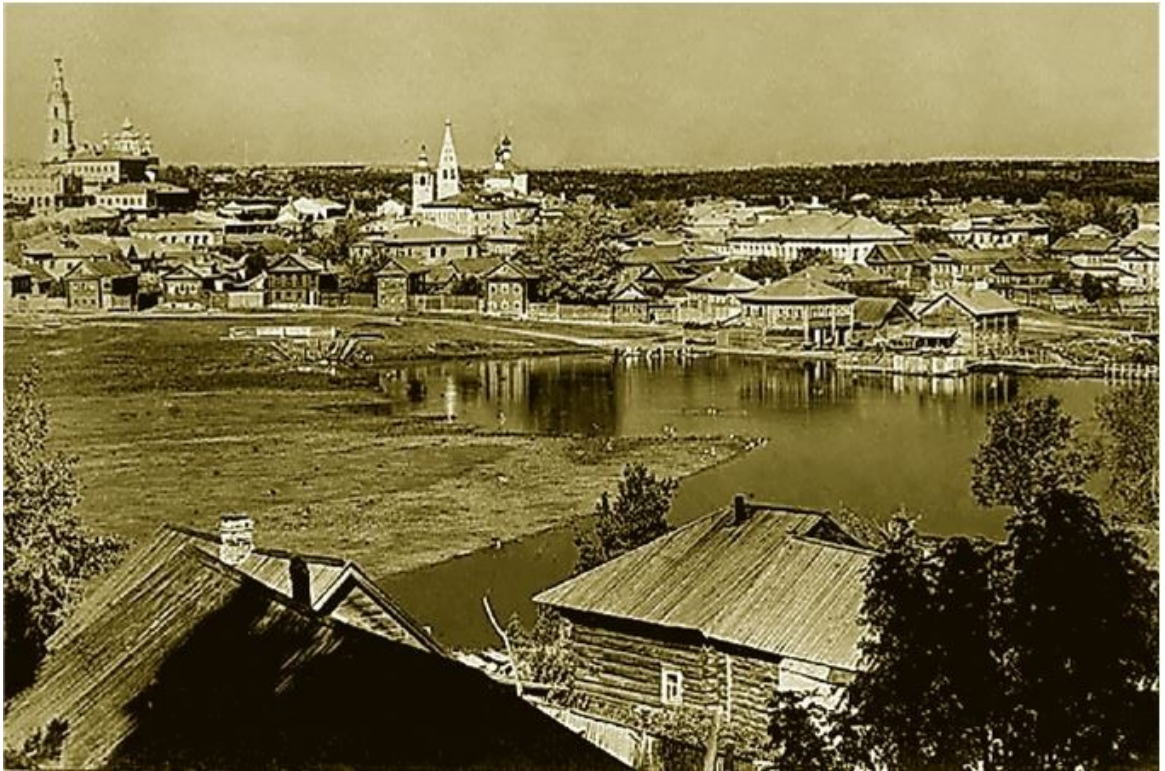
Кинешма.

Кинешма. Пристань. Открытка начала XX в.

Кинешма.—Kineshma. № 9.
Вид на городъ отъ р. Кинешмы.

Кинешма. Вид на город от реки Кинешмы. Открытка конца XIX в.

Кинешма. Панорама города. Фото С.М. Прокудина-Горского. Начало XX в.

Дальше по Волге мы останавливались в Костроме, Решме, Кинешме, Балахне, до Нижнего – одно место живописнее другого. Всюду находили памятники зодчества и любовались нарядными изделиями расписных дуг, фигурных пряников, сочной резьбой на избах и на кормах баржей.

Сколько материала! И какого интересного!

Это уже не угличский музей, устроенный в реставрированном (архитектором Султановым, и неудачно!) домике, называемом «Домиком Дмитрия» где эти образцы народного творчества выглядят какими-то мертвыми, а здесь все это в живом окружении и живет вместе с этим простым трудолюбивым волжским народом.

Это лето было продуктивным, было осмотрено все верхнее Поволжье; отличные фотографии Певецкого служили источником, вдохновляющим и обучающим.

Но в следующее лето я предпочел один съездить в Вологду, на Сухону и по Северной Двине.

¹ Палаты Андрея Горя или царевича Дмитрия – дворец угличких удельных князей (1480-е), построенный в Угличском кремле на берегу Волги. От большого деревянного дворца сохранилась только парадная престольная палата из кирпича – старейшее здание Углича.

Молога. Вид с реки. Фото конца XIX в.

Всякая совместная поездка, с кем бы то ни было, все же обязывает к разговорам и мешает сосредоточенно наблюдать и думать. Вот почему я и предпочел быть один в том изумительном крае Русского Севера – этой сокровищнице народного искусства.

Но пришлось и пожалеть, что не было хорошего фотографа около меня, да и поездку свою я не мог растянуть на долгий срок.

Работы стало больше, и дела потянули скорее обратно в Москву, за свой стол, за чертежи, на постройки, где уже нельзя обойтись только помощниками.

Художественная жизнь Москвы оживлялась.

Из интимных собраний художников, так наз[ываемой] «Среды» у В.Е. Шмаровина ¹, выросло большое дело.

Бухгалтер по специальности, Шмаровин был большим любителем искусства, покупал сначала на Сухаревке картины русских художников, а затем стал собирать у себя по средам художников, даривших ему свои картины, или он покупал их у них. Сначала бывали у него и Левитан, и Коровин, когда были они молоды, но затем они ушли; пришли другие, более мелкие, ставшие завсегдатаями «Среды» – это были: Н.А. Клодт, Калмаков, Аладжалов (пейзажист), Синцов и др. Собирались они и вели так наз[ываемый] «протокол» – рисовали на большом листе бристоля и в альбом кто что вздумает, в течение долгих лет, пока были живы «Среды», собралась большая коллекция этих, подчас очень интересных рисунков,

¹ «Шмаровинские среды» (Москва, с 1886) – художественный кружок, созданный по инициативе В.Е. Шмаровина, просуществовал 38 лет. Кружок объединял членов Товарищества передвижных художественных выставок, московского Товарищества художников и Союза русских художников – С.И. Ягужинского, И.И. Левитана, К.А. Коровина, А.С. Степанова, С.М. Волнухина, Н.В. Досекина, В.А. Симова, В.И. Сурикова и др. Кружок был задуман как художественный клуб, где еженедельно проводились рисовальные вечера, музыкальные концерты, литературные чтения. На «Средах» присутствовали художественный критик С.С. Голоушев (Сергей Глаголь), придумавший название кружка, В.А. Гиляровский, Ф.И. Шаляпин, В.Ф. Комиссаржевская, А.П. Ленский, С.В. Рахманинов, Ю.А. Бунин и И.А. Бунин, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин и др. Собрания проходили на квартире Шмаровина в Савеловском переулке, затем на Большой Молчановке, д. 25. Художники – члены кружка рисовали акварели, графику, виньетки, карикатуры, а с 1892 г. – обязательно так называемый Протокол «Среды», большой лист картона или бристоля, в середине которого помещался текст, на полях – рисунки. Кружок организовывал выставки в 1897, 1911 и 1918 гг.

большей частью акварелью.

Молога. Афанасьевский монастырь. Фото начала XX в.

В начале революции, кажется в 1918 г., «Среды» окончились ¹. Я был раза три на этих собраниях, где после рисунков и беглых разговоров, иногда чтения стихов случайно заезжавшим Брюсовым, время проводилось в усиленном питии, вплоть до устройства мертвецкой. Популярный тогда «дядя Гиляй» находил удовлетворение в этих «Средах» («дядя Гиляй» – псевдоним В. Гиляровского, написавшего живописные меткие очерки «Москва и москвичи», где едва ли не первым описал «дно», «Хитровку» и вообще плесень московской трущобной жизни)².

Типичен был и сам Гиляровский среди этой компании, – коротенький, с усами как у Тараса Бульбы и постоянной табакеркой – это был целостный тип вездесущего репортера, всех знавший, как и его все знали.

¹ «Среды» закончились в 1924 г. в связи со смертью в октябре этого года В.Е. Шмаровина.

² *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Книга очерков, над которой автор работал с 1912 г. до конца жизни. Впервые издана в 1926 г. «Хитровка» – название очерка, посвященного описанию быта и нравов одного из самых криминальных районов Москвы.

Молога. Вид с реки. Фото начала XX в.

И вот, из этих «Сред» вышло «Общество московских художников»¹, куда вошли М. Врубель, К. Коровин, В. Переплетчиков, Н. Клодт и др.

Н. Синцов рисовал русские сказки, но эти слабые рисунки потухли, когда появился И.Я. Билибин, знавший русское искусство, побывавший на нашем Севере и выполнивший целую серию рисунков к нашим сказкам и русским былинам. Билибин – серьезный график, плодовитый и весьма талантливый.

Началось тяготение к русскому искусству, даже глава московских поэтов-символистов – В.Я. Брюсов начал ездить осматривать наши церкви XVII в. и заинтересовался древнерусской живописью Симона Ушакова.

Передвижные выставки держатся еще, – там Репин, Поленов, Мясоедов, Нестеров и др.

Но рождалось уже иное направление. Еще осенью 1898 г. появился журнал «Мир искусства», и как бы тусклым отражением старевших передвижников Н. Собко одновременно издает на средства «Общества поощрения художеств» журнал «Искусство и художественная промышленность»². Это было состязание двух направлений.

¹ Автор имеет в виду или Московское общество любителей художеств (МОЛХ) – русское благотворительное общество любителей художественного искусства (1860–1918), или Московское товарищество художников (МТХ) – сообщество художников Москвы, существовавшее в 1893–1924 гг. Указанное им Общество московских художников было основано только в 1928 г., в него вошли бывшие члены объединений «Московские живописцы», «Маковец» и «Бытие», а также члены «Бубнового валета». Ни один из названных Бондаренко в ОМХ не состоял.

² Императорское общество поощрения художеств (Петербург, 1820–1929; до 1882 г. Общество поощрения художников) было создано с целью содействовать развитию изящных искусств, распространению художественных знаний, образованию художников и скульпторов. Оно сыграло важную роль в пропаганде изобразительного искусства путем тиражирования произведений, благодаря обществу в России серьезно было продвинуто развитие эстампа: литографии и ксилографии. Общество способствовало освобождению талантливых крепостных художников из крепостной зависимости. См. примеч. 47 к гл. 15.

Кострома. Вид с реки. Фото конца XIX в.

Кострома. Набережная. Открытка начала XX в.

Дягилевский журнал «Мир искусства» был свежим и интересным. Остроумные статьи, проникнутые долей задора и эстетизма, знакомили нас, русских, с западноевропейскими передовыми художниками. Впервые мы узнали талантливых художников Финляндии, впервые вскрываются сокровища искусства частных собраний¹, постепенно узнали и русское народное искусство, несмотря на иронические улыбочки А. Бенуа, наиболее талантливого художника и наиболее серьезного критика.

И тот же Бенуа стал издавать журнал «Художественные сокровища России», где показал и архитектуру Севера, и Ярославля, а также собрание русской старины П.И. Щукина в Москве и другие собрания, выявляя подлинную красоту.

Журнал «Мир искусства» отразил все новое и живое и по-новому подошел со свежим взглядом к богатству русского национального искусства.

Журнал «Искусство и художественная промышленность» сразу же показал всю затхлую

¹ Речь идет о выставках, организованных С.П. Дягилевым: Выставка русских и финских художников (Петербург, 1898) и Историко-художественная выставка русских портретов в Таврическом дворце (Петербург, 1905).

атмосферу сюсюкающих «охранителей» искусства, по существу далеких от подлинного искусства. Какая-то дешевая галантерея с претенциозной внешностью. Все было бестолково и пусто. Первые номера журнала спасало имя В. Васнецова и статьи В. Стасова. Но было ясно одно: старое должно умереть и дать дорогу новому. В старом искусстве, подлинном, много заложено сил, вскармливающих молодое направление, но в данном случае Собко показал плохое старое искусство, гнилое.

Журнал «Мир искусства» субсидировала кн[ягиня] М.К. Тенишева, жаждавшая прослыть меценаткой, и сама была художницей. И у С. Мамонтова однажды в 1898 г. появился молодой, слегка пшютоватой¹ внешности С. Дягилев. Он сумел заинтересовать Мамонтова; поддержали его Серов и Коровин, – и средствами журнал был обеспечен. (Мамонтов вносил 7 000 р[ублей] ежегодно.)²

В журнале «Шут»³ уже появлялись талантливо нарисованные карикатуры Щербова (подписывался он: [«Old judge»⁴. – *Примеч. ред.*]). И вот однажды в нарисованной корове все узнали М.К. Тенишеву с ее челкой на лбу. Корову доит Дягилев, в очереди ждет Философов, тут же и Нестеров с вышивкой, а Репин умиленно кормит лаврами Тенишеву. Вдали гонят доить мамонта⁵.

1 Пшют, пшюта (разг. пренебр. устар.) – фат, хлыщ.

2 М.К. Тенишева вспоминала: «... муж принял у себя Дягилева и Мамонтова, и условие было подписано. Мы вносили по 12 500 руб. в первый год на основание художественного журнала “Мир искусства”... Мамонтов поступил со мной в высшей степени недобросовестно. Оказывается, он подписал со мной условие накануне своего краха, который он, конечно, не мог не предвидеть, и потому внесенные им пять тысяч рублей было все, что он сделал для журнала. Таким образом, все расходы по “Миру искусства” пали всецело и исключительно на меня». (*Княгиня М.К. Тенишева. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 162, 166.*)

3 «Шут» (СПб., 1879–1914) – еженедельный художественный журнал карикатур; с 1897 г. – художественный журнал с карикатурами. Первый издатель-редактор – Д.А. Есипов. С № 24 издатель – В.Я. Эренпрейс, редактор – Д.А. Есипов.

4 Old judge – старый судья или старый знаток (англ.).

5 О карикатурах М.К. Тенишева писала: «Но “Мир искусства” в то же время был принят столь враждебно, что даже и это мое приобретение (панно М.А. Врубеля “Русалки” меценатка купила на открывшейся в 1899 г. в Петербурге выставке одноименного объединения. – *Примеч. ред.*) обрушило на меня целый ряд неприятностей. Отразилось все это в ряде самых неприличных карикатур Щербова, работавшего в “Стрекозе”. Он, говорят, искал меня везде, чтобы нарисовать с натуры, но так как видеть меня ему не удалось, то он изображал меня всегда со спины и аллегорически». (*Княгиня М.К. Тенишева. Указ. соч. С. 166.*) Следует уточнить, что Щербов сотрудничал в журнале «Шут». Речь идет о карикатуре: Щербов П.Е. Идиллия (Шут. 1899. № 13. С. 8–9).

Кострома. Общий вид Сусанинской площади. Открытка начала XX в.

Тенишева обиделась¹. Прекратила субсидию журнала. В это время у Мамонтова случился крах. Тогда Щербов дал следующую иллюстрацию этого происшествия: Репин отказался от участия в журнале Дягилева, в чем его приветствует В. Стасов. Дягилев плюнул в сторону Репина, а на горизонте уходящие выдоенная корова и мамонт. Не в бровь, а в глаз?²

Но журнал продолжался. Дягилев умел находить деньги и выхлопотал правительственную субсидию при посредстве В. Серова, тогда писавшего портрет царя³.

Шесть лет мы с неослабным интересом читали «Мир искусства», пока жизнь не выдвинула новых идей... <Журнал Дягилева был прелюдией к устраиваемым им выставкам>⁴.

Дягилев устраивал художественные выставки. Эти выставки были большим и решающим событием в художественной жизни России. Выставка «Мира искусства» была устроена в залах Академии художеств в Петербурге⁵.

1 Отказ М.К. Тенишевой в финансировании издания журнала «Мир искусства» был обусловлен направленностью издания, о чем она вспоминала: «Я не могла примириться с постоянным раздуванием “Ампира”, вечным восхвалением всего иностранного в ущерб всему русскому и явно враждебным отношением к русской старине». (Княгиня М.К. Тенишева. Указ. соч. С. 167.)

2 Речь идет о карикатуре: Щербов П.Е. Радость безмерная (Шут. 1900. № 4. С. 8–9).

3 Серов В.А. «Портрет Николая II» (1868–1918) (ГТГ, 1900). Авторская копия портрета. Оригинал был уничтожен в 1917 г. во время штурма Зимнего дворца.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 19.

5 Речь идет о третьей выставке журнала «Мир искусства», проходившей в залах Академии художеств (Петербург, 1901). На ней демонстрировались 238 работ 32 художников, в том числе посмертно были выставлены картины И.И. Левитана.

Кострома. Торговые ряды. Открытка начала XX в.

На выставке все было интересно для широкой публики: убранство, где затянутые холстом академические стены украшались фризами тех великолепных панно К.А. Коровина, какие производили фурор в русском отделе Парижской выставки 1900 г.¹ Уже одно убранство было не тем обычным шаблоном, как бывало на передвижных выставках. Все лучшее в русской живописи и скульптуре, все молодое блеснуло своими талантливыми произведениями. Уже одно перечисление имен говорит за глубокое значение выставки. Все были «гвозди» – и серовские портреты, и врубелевский «Пан»², и скульптура Трубецкого и Обера, сомовские пленительные реминисценции ушедшего быта и проникновенно вдумчивые эскизы Нестерова, задумчивые пейзажи В. Васнецова, изысканные портреты Бразы. Много-много превосходного: карикатура талантливо острая, акварельные утонченные рисунки Щерб[ова], вплоть до лучеиспускаемой радужной абрамцевской майолики, вышитых скатертей и ковров Якунчиковой и Давыдовой. <Это была цветущая весна русского искусства. Когда же некоторые произведения с этой выставки появились на международных художественных выставках в Мюнхене, Вене и Берлине, то они были там свежим, полноценным явлением в западноевропейском художественном мире>⁴.

1 Для оформления павильона Азиатской России и Сибири на Всемирной выставке в Париже 1900 г. были использованы живописные панно К.А. Коровина, в исполнении которых принимал участие Н. Клодт. Полотна с видами Архангельска, Мурманска, Новой Земли, тундры, с изображением тайги у Байкала, добычи золота и пушного зверя и др. служили фоном для экспонатов. Они были высоко оценены европейской критикой и отмечены множеством наград. После закрытия выставки коллекция панно была передана в этнографический раздел музея Александра III (в настоящее время ГРМ). См.: Морозова О.В. Оформление русского отдела Всемирной выставки в Париже 1900 года художниками Абрамцевского кружка / Выпуск III. Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Материалы научной конференции 1994. М., 2000. С. 108–117.

2 Врубель М.А. «Пан» (ГТГ, 1899).

3 В данном случае имеется в виду художница в области декоративно-прикладного искусства М.Ф. Якунчикова.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 19 об.

Балахна. Фото конца XIX в.

Эти выставки явились как революционное событие в художественной жизни России.

В залах Академии художеств и вдруг – выставка «Мира искусства»! Но в этом-то смелом, до нахальности умелом проникновении Дягилева в мир академической рутин и была победа «Мира искусства».

«Эту заразу нельзя пускать в Академию», – орали заправилы – старики и обскуранты, близорукие и тупые. Но Дягилев нашел ход и вошел в Академию. А Щербов тотчас же нарисовал карикатуру, как Дягилев, одетый в костюм балерины, садится на купол Академии, откуда как раз перед этим была снята фигура Минервы¹. Академики в ужасе! Это же взрыв бомбы в залах Академии, затянутых паутиной тихого бесцветного жития.

Поднялись дебаты академического ареопага, и только чуткие Куинджи и Репин смело приветствовали это новое явление. Пресса заворчала. Стасов разразился грозной страстной филиппикой². Но его тромбонистый голос только больше собирал публики на выставку. В самой крупной (реакционной) газете «Новое время»³ плохой художник и нелепый критик Н.И. Кравченко писал статьи, ругал выставку, расписывался в своей отсталости и наивности.

¹ Купол здания Академии художеств венчала гипсовая, покрытая оловом скульптурная группа «Минерва», окруженная мальчиками – гениями искусств (в 1875, установлена в 1885, скульптор А.Р. фон Бок). 17 марта 1900 г. в здании Академии произошел пожар, пострадали помещения и статуя, 20 марта из-за угрозы падения статуи она была разбита ломами (из-за огромного веса по-другому снять ее было невозможно). Скульптура была восстановлена в бронзе к 300-летию Санкт-Петербурга в 2003 г. Имеется в виду карикатура: Щербов П.Е. Торжество Дягилева «Новая Минерва» (Шут. 1901. № 2. С. 8–9).

² Речь идет о статье: *Стасов В.В.* Декаденты в академии // *Новости и биржевая газета.* № 33. 2 февраля 1901. С. 2.

³ «Новое время» (СПб., 1868–1917) – ежедневная газета (с 1869), затем выходило 2 издания – утреннее и вечернее (с 1881 г.). С 1891 г. издавалось еженедельное иллюстрированное приложение. Длительное время издателем газеты был А.С. Суворин (1876–1912), далее Товарищество А.С. Суворина «Новое время» (1912–1917). В русском либеральном обществе сложилась репутация «Нового времени» как реакционной и беспринципной газеты. Она была закрыта большевиками на другой день после Октябрьской революции, 26 октября (8 ноября) 1917 г.

*Балахна. Покровский монастырь. Фото начала XX в.
Романов-Борисоглебск. Общий вид. Открытка начала XX в.*

В Москву, к сожалению, эта выставка не попала. Дягилев и его круг «Мира искусства» всегда очень скептически относились к московскому художественному миру, где действительно, наряду с такими колоссами живописи, как Врубель и Серов, было много мелкотравчатого. Когда через год возникла в Москве выставка «36 художников»¹, то журналу

¹ «36 художников» – выставочное объединение, образованное в декабре 1901 г. в Московском училище живописи, ваяния и зодчества по инициативе Ап. М. Васнецова, С.А. Виноградова, В.В. Переплетчикова, Н.В. Досекина. Объединение выступало против неравноправного положения молодых художников, существовавшего в Товариществе передвижных художественных выставок. Участие в выставках «36 художников» (всего их было

Дягилева это очень не понравилось, и отзыв был дипломатически сдержанным ¹. Произведения с этой выставки появились на международных выставках в Мюнхене, Вене и Риме и на выставках «Сецессиона» в Берлине. Западноевропейский художественный мир оценил полноценность этой новой русской живописи.

Художественная Москва питалась из этого же живительного источника «Мира искусства» и своего журнала не имела. Какие-то случайные рисунки были в журнале «Весы»², издававшемся только с 1904 г.; довольно тускла была графика в этом журнале.

В издательстве «Гриф» М. Дурнов рисовал малоинтересные обложки и иллюстрации к [произведениям] Оскара Уайльда³.

На внешность книги Москва мало обращала внимания, и полиграфическое искусство было далеким от петербургской продукции, где, например, литографии Кадушкина, помещаемые в «Мире искусства», были художественно выполнены.

Все внимание было сосредоточено на содержании всяких сборников и затем журнала «Весы». Царство символизма сказывалось на каждой странице. Имена Бальмонта, Брюсова, Гиппиус, Мережковского пестрели всюду. Московские философы жевали жвачку, Грот и Лопатин аккуратно издавали «Вопросы философии и психологии»⁴, где философ Н. Бердяев писал стихи на восьми языках⁵; «великий учитель жизни» Н. Федоров «поучал» заходящих к нему в библиотеку Румянцевского музея⁶, Лев Толстой прохаживался в полушубке и валенках по Хамовническому переулку, Алексей Филиппов в пустых десяти комнатах дома Делянова в Настасьинском переулке по М[алой] Дмитровке⁷ поднимал бурю, принимаясь за издание «Русского обозрения»⁸, и ругался с Н.Н. Черногоубовым, якобы укравшим у него оригинал стихов Фета. В своем особняке В. Морозова устраивала литературное чтение⁹ и т. д. И все это

две – зимой 1901/02 и 1902/03 гг.) было свободным, без отборочного жюри. В 1903 г. «36 художников» совместно с петербургским объединением «Мир искусства» организовали «Союз русских художников».

1 В отзыве без подписи выставке давалась положительная оценка: «Выставка “36” отличается от других выставок художественностью общего уровня произведений. На ней нет томительных и оскорбительных вещей, которыми обыкновенно переполнены выставочные залы... слабые вещи являются на ней исключением на общем фоне талантливых работ». (Мир искусства. 1902. № 1. С. 13.) Отмечались работы Ап. Васнецова, С. Виноградова, С. Коровина, А. Рябушкина и др.

2 См. примеч. 13 к гл. 15.

3 Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Роман. Пер. А.Р. Минцловой. Рисунки М. Дурнова. М.: Книгоиздательство «Гриф», 1906.

4 «Вопросы философии и психологии» (М., 1889–1918) – философский журнал, издававшийся Московским психологическим обществом при Московском университете. В 1889–1890 гг. было издано 5 книг, с 1891 г. журнал стал выходить с периодичностью в 5 книг ежегодно. Редакторы: Н.Я. Грот (1889–1893), соредактор Л.М. Лопатин (1894–1895), второй соредактор В.П. Преображенский (с 1895 г.).

5 Бондаренко ошибся: поэтом и переводчиком с десятка европейских языков был старший брат философа Николая Бердяева – Сергей Бердяев. Н.А. Бердяев действительно печатал свои философские работы и критические статьи в журнале «Вопросы философии и психологии».

6 С 1874 г. в течение 25 лет Н.Ф. Федоров работал библиотекарем Румянцевского музея, где в свободное время проходили заседания дискуссионного клуба, посещавшегося многими выдающимися современниками. С Федоровым регулярно общались Л.Н. Толстой, Вл. Соловьев, философские идеи Федорова высоко ценили Ф.М. Достоевский и В.Н. Ильин, большое влияние оказал Федоров на К.Э. Циолковского.

7 Следует уточнить, что в 1901–1903 гг. А.Ф. Филиппов жил в доме Е.А. Деляновой в Дегтярном пер. на Малой Дмитровке.

8 См. примеч. 52 к гл. 12.

9 Усадьба В.А. Морозовой (Воздвиженка, 14; 1886–1891, архитектор Р.И. Клейн).

было скучное, серое.

«Художественно-литературный кружок»¹ задавался целью объединить и художественный мир. Был и я выбран членом этого кружка, но там все интересы искусства и литературы глохли за карточными столами и ужинами.

Рефераты в кружке были шумны, но вращались темы все около того же символизма и философических измышлений Мережковского, Минского и им подобных.

Борьба за новое искусство была лишь в поэзии, и москвичи повторяли лишь глупое слово о декадентстве, а между тем родитель этого словечка – Париж – уже изживал и самое направление.

Неясное, глухое брожение сказывалось. Отражалось оно и в художественном мире, где блеснула своей скульптурой Голубкина, и в небольшом домишке на Пресне С. Коненков долбил из дерева своих «лесовичков»².

Насыщенной жизнью жил лишь только новый, молодой театр «Художественный», уже откинувший свое первоначальное название «Художественно-общедоступного», и переселившийся в новое, отделанное Шехтелем помещение в Камергерском переулке³.

Декоративное искусство театра радовало своими свежими подходами и смелыми оформлениями. Еще более интересной стала декоративная сторона спектаклей Большого театра.

В декорациях работы Головина шла «Псковитянка» с Шаляпиным в роли Грозного. Коровин дал блестящие декорации к «Садко», «Русалке», «Коньку-Горбунку», «Саламбо». В «Кармен» мы увидели подлинную Испанию, так тонко воспринятую Головиным и так убедительно показанную⁴. К. Коровин уже стал преподавателем в Училище живописи, [ваяния и зодчества].

Нарождались и другие театры. Вдохновенная Комиссаржевская изумляла игрой в «Пелеасе и Мелизанде», и Метерлинк увидел русскую сцену⁵.

Студии, кружки, театр, театр и театр – заполняли художественную жизнь.

А в музыкальном мире волновались новыми звуками симфонии Скрябина.

Над Москвой в апреле 1903 г. пронесся ураган: так неожиданно, среди бела дня

1 Литературно-художественный кружок в Москве (1899–1920) был создан по инициативе А.П. Чехова, К.С. Станиславского, М.Н. Ермоловой, А.И. Южина-Сумбатова, А.Ф. Кони и др. Кружок состоял из действительных членов, кандидатов (артистов, ученых, общественных деятелей) и членов-соревнователей (крупных фабрикантов, банкиров, адвокатов, инженеров, врачей). На заседаниях («вторниках») выступали русские и зарубежные писатели, артисты, читались доклады и лекции, проходили диспуты, отмечались юбилеи. Первоначально кружок размещался на Воздвиженке (здание не сохранилось), в 1905–1919 гг. – на Большой Дмитровке, д. 15а.

2 С.Т. Коненков с 1914 по 1923 г. работал в мастерской, находившейся в доме № 9 по Большой Пресненской улице (с 1918 г. Красная Пресня). Дом не сохранился.

3 Осенью 1902 г. МХТ начал работать в здании в Камергерском пер., д. 3, которое принадлежало Г.М. Лианозову и было перестроено летом того же года на средства С.Т. Морозова архитектором Ф.О. Шехтелем, при участии И.А. Фомина и А.А. Галецкого.

4 Перечислены спектакли Большого театра: Римский-Корсаков Н.А. «Псковитянка» (пост. 1901 г., художник А.Я. Головин), Римский-Корсаков Н.А. «Садко» (пост. 1906 г., художник К.А. Коровин), Даргомыжский А.С. «Русалка» (пост. 1900 г., художники К.А. Коровин, П.Ф. Лебедев, И.Н. Феоктистов), Пуни Ц. «Конек-Горбунку» (пост. 1901 г., художник К.А. Коровин), Аренде А. «Саламбо» (пост. 1910 г., художник К.А. Коровин); речь идет о спектакле Мариинского театра: Бизе Ж. «Кармен» (пост. 1908 г., художник А.Я. Головин).

5 Метерлинк М. «Пелеас и Мелисанда». Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской на Офицерской. Режиссер Вс. Мейерхольд, художник В. Денисов, композитор В. Шпис фон Эшенбрук. Премьера состоялась 10 октября 1907 г. Спектакль и исполнение В.Ф. Комиссаржевской роли Мелисанды вызвали волну критики, считаются провалом актрисы.

уничтожив многовековую Анненгофскую рощу с прилегающими домишками слободы, срывая крыши, вывески, свалив телеграфные столбы, заборы¹. Буря в природе. Буря накопилась и в общественной жизни, давно искавшей выхода из-под гнета реакционного петербургского императорского правительства.

Как показательна волна этого грядущего шквала. В литературных беседах Петербурга, во всяких даже открытых диспутах так настойчиво проскальзывает ожидание чего-то нового – нового правительства, грядущей революции. «Всеобщий календарь»², издаваемый из года в год А. Сувориным, на страницах отдела «Русская летопись» показывает рост этого ожидания нового. Предостережения газетам и журналам, закрытия их идут в возрастающей прогрессии.

Так, например, в 1900 г. было 5 таких ударов по печати, в 1901 г. их 12, в 1903 г. – 16 и в 1904 г. – 20. За этот же период возрастают студенческие волнения и крестьянские восстания, называемые на официальном языке – «смутами», причем в рубрику «смут» занесены были и покушения на министров, губернаторов и прочей администрации.

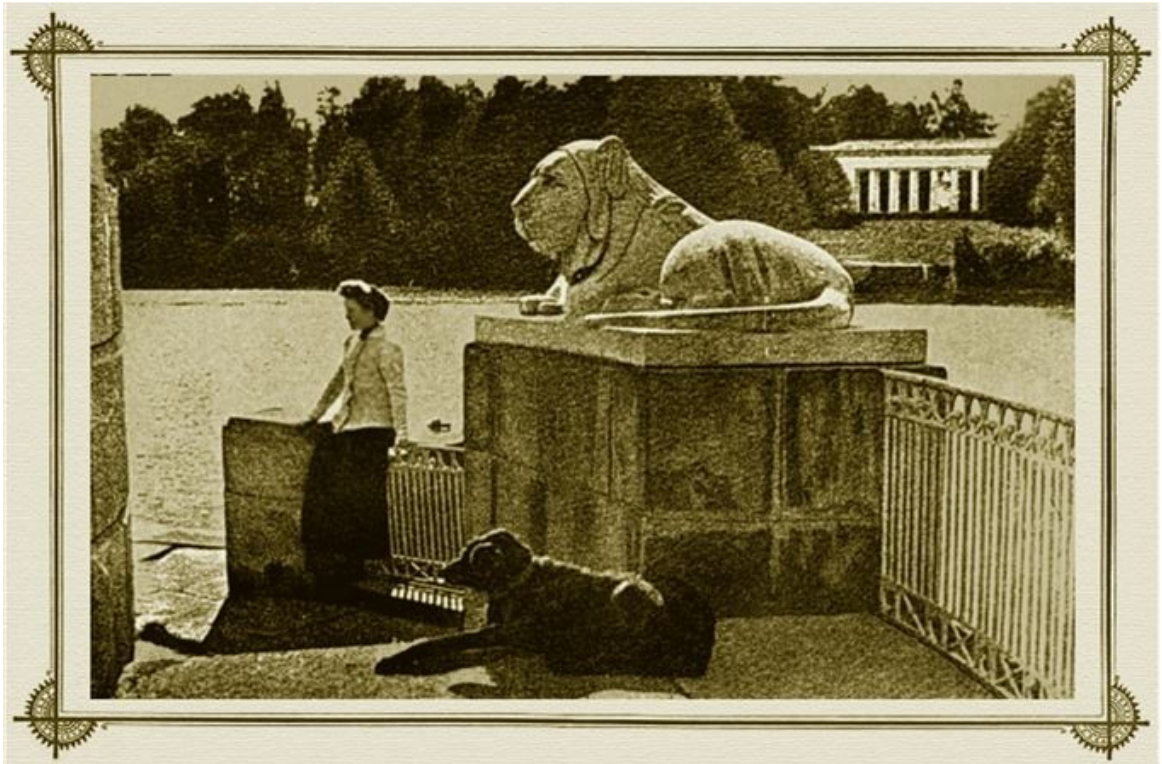
В 1901 г. – 5 случаев, в 1902 г. – 7, в 1903 г. – 9 и в 1904 г. – 16, а в 1905 г. – 52, и дальше возрастает шкала народного недовольства. Наконец – 1905 г. – Москва восстала! «Бунт в Москве» – как отметила реакционная суворинская летопись 1905 г.

Глава 18 **1905 год**

1 Следует уточнить, что разрушительный смерч пронесся над Москвой 16 (29) июня 1904 г. Анненгофская роща – парк в Москве в районе Лефортово, был основан в 1730-е гг., уничтожен (буквально «сбрит») смерчем, уничтожившим в Москве также Карачарово, Андроновое, лефортовские казармы и часть Сокольников. Катастрофа унесла десятки людских жизней.

2 Речь идет о справочном ежегодном издании А.С. Суворина «Русский календарь» (издавался с 1872), в котором публиковались: календарь православных праздников, своды законов, перечни образовательных заведений, статистические данные по составу населения, финансовому положению, о состоянии образования, внутренней и внешней торговле России и др.

3 Сведения о количестве случаев за 1903 и 1904 гг. взяты из черновика. (РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 22.)

В конце сентября – забастовка. 18 октября – манифестация; красные флаги развеваются над улицами Москвы. Дни подъема, трепетного волнения. Н. Шебуев издает выпуск первого номера журнала «Пулемет»¹ с отпечатком на манифесте 17 октября кровавой руки. И вот 7 декабря всеобщая забастовка. Трепетное, настороженное и радостное [настроение]!

Встали конки, замолкли телефон и телеграф, закрылись аптеки, магазины, – все остановилось!

Уже с утра 9 декабря начали спиливать телеграфные столбы и строить баррикады сначала по Садовой, близ старой Триумфальной площади. В эти дни, конечно, всякая работа была отброшена, все на улицу! Митинги всюду. Начались на Пресне (13–17 декабря) бои дружинников с озверелыми войсками, во главе с опозорившим себя Семеновским полком. Стрельба и избиение казаками всех, кто попадал под нагайку. Попал и я, будучи на Тверской против генерал-губернаторского дома (теперь здание Моссовета). Подъезд гостиницы «Дрезден» спас меня.

А затем – Государственная дума², и пошла волна реакции с «черной сотней» во главе.

Отображено было это время и в многочисленных сатирических журналах, где наряду с журналами, плохо изданными, были и художественные издания, вроде журнала «Зритель»³. Художник И.Я. Билибин попал в тюрьму за рисунок эмблемы царствующего дома (осанна

1 «Пулемет» (СПб., 1905–1906) – политический антиправительственный сатирический журнал. Издатель Н.Г. Шебуев, художник И.М. Грабовский. Первый номер, на задней стороне обложки которого был изображен текст «Манифеста 17 октября» с отпечатком ладони руки красного цвета с подписью под ним: «К сему листу Свиты Его Величества генерал-майор Трепов руку приложил», был конфискован, редактор арестован. Всего в 1905–1906 гг. вышло 5 номеров и один дополнительный, «Экспресс»; журнал ненадолго возродился после Февральской революции 1917 г.

2 Первый в России избранный населением представительный законосовещательный орган – Государственная дума Российской империи I созыва провела одну сессию с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 г., после чего была распущена императором.

3 «Зритель» (СПб., 1905, 1906, 1908) – еженедельный сатирический журнал. Редактор Ю.К. Арцыбушев. Всего вышло 39 номеров. Выпуск журнала неоднократно останавливался властями, отдельные номера подвергались аресту.

трону с императорскими атрибутами)¹.

«Мир искусства» с его эстетизмом Дягилева окончился. Сделал попытку Н. Тароватый издать в Москве художественный журнал «Искусство»², продержавшийся лишь один год. Тароватый был культурным художником, энергичным организатором, хорошо знакомым с полиграфическим делом. Собраны были средства на издание журнала. Предполагалось обойтись одними московскими литературными и художественными силами.

И.А. Фомин дал обложку уже с намеками ампира. Много места было уделено московской хронике, и впервые давалась меткая и острая характеристика новым московским постройкам, отведено много места архитектуре и русскому народному искусству.

Рерих дал заметку об иконах, Фомин писал о русской резьбе, Бальмонт – о мексиканских древностях; отрывочные афоризмы Уайльда, критические статьи о музыке и о новых книгах овеяны еще символизмом, приправленным специфическими грезами и неясными мечтаниями, и фантастикой. Художественный отдел усиленно и настойчиво пропагандировал живопись П. Кузнецова, С. Судейкина, Н. Сапунова, А. Арапова, В. Денисова и других членов «Московского товарищества художников». Тут же были даны снимки интересных работ Врубеля, Сомова, Ван Гога, Гогена, Карьера, а также японских художников.

Появились статьи А. Бенуа, большая обстоятельная статья Н. Врангеля о портретной выставке в Таврическом дворце, устроенной Дягилевым³.

<Но вот грянул в Москве бой Пресни>⁴.

Журнал остановился и закончился на восьмом номере. Мою статью «Об архитектуре Севера» не успели напечатать. Вскоре умер и Тароватый.

1 Речь идет о карикатуре: Билибин И.Я. «Осел» (Жупел. 1906. № 3. С. 9.). На ней в окружении императорских регалий и грифонов с герба Дома Романовых был изображен символ глупости – осел. Карикатура имела широкий общественный резонанс, художник был арестован и сутки просидел в «Крестах», также был арестован редактор З.И. Гржебин, журнал запрещен, все номера конфискованы полицией.

2 «Искусство» (М., 1905) – художественный и художественно-критический журнал. Редактор Н.Я. Тароватый. Иллюстрации делали художники М.А. Врубель, К.А. Сомов, М.В. Якунчикова, И.Э. Грабарь, М.В. Добужинский и др. Всего было издано восемь номеров.

3 Речь идет об организованной С.П. Дягилевым Историко-художественной выставке русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. Выставка работала с 6 марта по 26 сентября 1905 г., на ней экспонировалось 2286 портретов конца XVII – начала XX в., созданных несколькими сотнями художников, от столичных портретистов до безвестных провинциальных живописцев. *Врангель Н.Н.* Портретная выставка в Таврическом дворце // Искусство. 1905. № 4. С. 54–58; № 5, 6, 7. С. 110–142.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 23.

Чугунные ворота у въезда в усадьбу Кузьминки. Фото начала XX в.

Выставка исторических портретов и появляющиеся статьи об искусстве XVIII в. – явление вполне закономерное.

Молодой, ищущий круг художников, стремящихся к новому, и в старом не мог ограничивать своих интересов рамками XVII в., допетровской Руси.

Древняя русская живопись настолько открывала мир чрезвычайно интересного мастерства идейных композиций, рисунка и колорита, [что] невольно возникал вопрос: а живопись XVIII в.? А все искусство XVIII века?

И вот, наиболее чуткие ко всему художественному, увидели и поняли величайшую красоту в этом искусстве.

И карандаш тонкого художника заострился на нашем недавнем былом мире искусства послепетровского периода.

Чувствующий до чрезвычайно тонкой эмоции Дягилев развернул в классических залах Таврического дворца удивительное собрание портретов XVIII и начала XIX в. Показана была впервые так убедительно русская живопись; отсюда один шаг к показу и всего декоративного искусства и, конечно, мощной и пышной архитектуры XVIII в.

Писатель утонченный, с яркой и трепещущей любовью к этому былому искусству – Н.Н. Врангель, а также большой эрудит и отличный писатель А.Н. Бенуа первыми заговорили громко и ярко на страницах сначала «Мира искусства», а затем и в других журналах.

Приоритет в этом увлечении остался за петербургским художественным миром.

Москва откликнулась несколько позже. Только очень малая кучка нас, энтузиастов, приподняла завесу этого былого мира XVIII в., заинтересовалась искусством близкого прошлого, поняла его особенности как своего русского искусства, хотя и в иностранной оболочке.

Художник-архитектор С. Ноаковский, преподававший тогда в Строгановском училище, на лекциях перед слушателями развертывал картину искусства эпохи Анны [Иоанновны], <поясняя, как “этакая бобелина, тетеха” с оплывшим от русских пирогов [лицом], оделась во французский роброн и требует окружения своего придворного быта, “как в Еуропе”>

1 Там же. Л. 23 об.

Историк В. Ключевский выпустил свои лекции с запечатлевающими характеристиками придворной жизни XVIII в. Ряд статей, изданий, снимков – все по XVIII в. – лежал на наших столах.

Но чувство творческой неудовлетворенности сказывалось, и особенно ощутительной оказалась такая скука в зодчестве после поездки к истокам русского искусства. Но в моих работах еще не было места применению русской архитектуры. Отводил я душу в маленьких забавах рисования плакатов и обложек для Кружка любителей русской музыки¹.

Темперамент искал выхода в своем родном искусстве, а не в модерне. Особенно тянуло к эпохе ампир.

Вышло само собой.

Я стал проводить лето на даче в Кузьминках. Тогда там в имении кн[язя] С.М. Голицына сдавались под дачи капитально выстроенные служебные домики. В одном из них я и поселился. <Это был каменный двухэтажный домик, в так наз[ываемом] “оранжерейном дворе”. Домик небольшой, удобный, с огромной террасой, обставлен был старинной мебелью, которую мы, немногие дачники, выбирали по своему вкусу из огромного мебельного склада. Мебели было много, и мебель все эпохи ампир.

Въезд в усадьбу Кузьминки. Фото начала XX в.

На этой же даче поселился и П.С. Коган. Его шумные собрания я посещал; сначала было интересно послушать говорливого Бальмонта, Чулкова, Полякова, издававшего журнал “Весы”.

Но больше я любил отдыхать в пустынных тогда аллеях парка, где подолгу сидел на чугунных ампирных скамейках в виде диванов и глядел на сонные пруды, задернутые кувшинками².

Постройки усадьбы: Конный двор, дворец, Пропилеи³, беседки и другие памятники

¹ См. примеч. 66 к гл. 12.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 24–24 об.

³ Пропилеи – парковый павильон в виде колоннады дорического ордера на берегу пруда напротив Львиной пристани.

блестящего мастерства Джилярди и Григорьева¹ невольно приковывали к себе. Не только одна их живописность среди красивого пейзажа заставляла подолгу смотреть на них, но и в них я уже видел свое русское искусство, столь разнящееся от того позднего классицизма, который видел на Западе, где все носило характер официальной торжественности, холодной передачи классицизированных форм. Здесь же все было проникнуто особой мягкостью, несмотря на строгость стиля, все было, прежде всего, просто и, главное, уютно.

Вряд ли это было только ощущением молодости, молодой восприимчивости, рожденной в тихом укладе всей жизни и спокойного труда.

И вот я заглянул в старые описания Москвы и путеводители в весенние вечера и особенно по субботам, когда я имел обыкновение оканчивать работу в 12 час[ов] дня, отдавая остаток субботы и воскресенье для своих научных экскурсий.

Незаметно составилась исторический материал по этим ближайшим моему взору памятникам зодчества, а затем я ездил по Москве и любовался на здания эпохи классицизма и ампира.

Познакомился я как-то с фотографом К.А. Фишером, имевшим у себя фототипию и издательское дело. Зимой я познакомился с художником В.В. Всеволожским, большим поклонником ампира, и с его братом А.В. [Всеволожским]. Их эстетическое любование прежним искусством мне послужило как бы руководством. [Осмотр] музейных собраний дополнял обзор стилевых особенностей мебели, бронзы, скульптуры и других отраслей декоративного искусства.

Я все более стал постигать сокровенную красоту ампира, и вот с весны следующего года с хорошим фотографом я стал снимать памятники архитектуры.

Осенью 1904 г. был отпечатан издательством К. Фишера мой первый научный труд «Архитектурные памятники Москвы»². Первым выпуском, посвященным эпохе ампира, я начал это издание. Его приветливо приняли мои друзья, но критик газеты «Новое время» Буренин выругал меня за то, что я нашел разницу между петербургским и московским ампиром, а московский художественный критик С.С. Голоушев (писавший под псевдонимом Сергей Глаголь) похвалил мое издание, отметив лишь отличные снимки.

К критике я был безразличен. Я верил в правоту своего дела и надеялся издать «Архитектурные памятники Москвы», идя ретроспективным образом. На следующий год вышли еще два выпуска, осветившие эпоху Екатерины II и послепетровское барокко.

Это был первый научный опыт освещения русского послепетровского зодчества, называвшегося обычно временем «упадка» русской архитектуры или в лучшем случае снисходительным термином «ложноклассическая архитектура».

¹ Два архитектора упомянуты автором не случайно: А.Г. Григорьев обучался в строительной семейной фирме Жиллярди, вместе с Доменико Жиллярди учился в Архитекторской школе при Экспедиции кремлевского строения. В дальнейшем они нередко работали вместе: например, проектировали и строили здание Конного двора в Кузьминках. Доменико Жиллярди в этой усадьбе принадлежат многочисленные постройки первой трети XIX в.: дворцовые флигели, Пропилеи, павильон Березовый домик, Львиная пристань, Ваннный домик и др.

² Архитектурные памятники Москвы / Редакция и текст И.Е. Бондаренко. В 3 выпусках. М.: Издание художественной фототипии К.А. Фишер, 1904–1906. Речь идет о вып. 1: Эпоха Александра I. М., [1904].

Главный дом в усадьбе Кузьминки. Фото начала XX в.

Конечно, мой опыт был далек от углубленных исторических изысканий и, доверяясь без критического подхода и без достаточных знаний всяким источникам вроде путеводителей, я, конечно, мог допустить и ряд ошибок в датировках.

Но в оценке эпохи я был искренен и непоколебим. Исторический музей мне принес огромную пользу с его богатыми материалами, а особенно благодаря просвещенным указаниям А.В. Орешникова (старшего хранителя музея). Открылся мне путь и к архиву [Министерства] императорского двора, находившемуся в Троицкой башне Кремля где хранитель архива Б.С. Пушкин всегда любезно предоставлял мне нужные материалы, разрешал их фотографировать. Бедный студент Ю.И. Шамурин был моим переписчиком исторических материалов и почерпнул от меня много полезных сведений. Впоследствии он написал [несколько] книг в издании Г. Балицкого о русских городах [для серии] «Культурные сокровища России»².

К этому изданию Ю. Шамурин, к сожалению, отнесся слишком легко, допустив поверхностно ряд ошибок и произвольных измышлений.

К помощи переписчика я обратился еще и потому, что моя архитектурная практика не давала мне достаточно свободных часов для исторических [изысканий].

Первый мой труд по истории московской архитектуры классицизма и ампира побудил и арх[итектора] И.А. Фомина осветить эту же архитектуру на страницах журнала «Мир искусства».

Большим удовлетворением было позже письмо Ф.Г. Беренштама, библиотекаря Академии художеств, указавшего мне, что мой труд служит постоянным руководством для

¹ Документы Общего Архива Министерства императорского двора (1869–1918) были размещены в оборудованных помещениях в Троицкой башне Московского Кремля, где они были доступны для использования. В 1882 г. было создано Санкт-Петербургское отделение архива, документы которого находились в специально построенном здании на ул. Шпалерной, д. 34.

² Ю.И. Шамурин подготовил несколько книг для серии «Культурные сокровища России», выпущенных Московским Книгоиздательским товариществом «Образование»: Ярославль; Романов-Борисоглебск; Углич (М., 1912); Калуга; Тверь; Тула; Торжок / Ю. и З. Шапурины. (М., [1913]); Ростов Великий; Троице-Сергиева лавра (М., 1913); Великий Новгород (М., 1914). Всего в этой серии с 1912 по 1917 г. было издано 15 выпусков, посвященных также религиозно-историческим центрам России.

учеников Академии¹.

В своих архитектурных работах я незаметно отошел от модерна, он уже опошлится, и его безыдейность слишком была ясна.

Подход к ампиру в теоретическом изучении русского искусства был логичен, но карандаш все еще не находил себе простора для архитектурных композиций. Мало кто желал тогда строить в [стиле] ампир.

С радостью ухватился за первый же выдавшийся случай. В журнале «Мир искусства» (за 19[03 г.]) был объявлен конкурс на эскизный проект дома-особняка для кн[язя] П.П. Волконского. Требовался лишь один рисунок фасада.

На конкурсе первую премию получил С.В. Ноаковский, прекрасный рисовальщик, вторую – И.А. Фомин, третью – я. Для меня это было неожиданно, так как я послал только набросок карандашом, очень беглый, без проработки, одно лишь выражение первой идеи.

В московской газете (<кажется>², в «Русском слове»³) появилась заметка, где говорилось, что «вот наше Московское архитектурное общество бесталанное, ничего не могут дать оригинального, а вот инициаторы выставки Нового стиля – Фомин и Бондаренко – получили премии на конкурсе».

Еще более для меня было неожиданно, когда в моей квартире появился изящно одетый молодой человек с вдумчивым взором на красивом строгом лице. Это был П.П. Волконский. Он поблагодарил меня за удачное выполнение его конкурса и предложил мне поехать с ним пообедать в ресторан «Эрмитаж» и поговорить по этому делу.

Музыкальный павильон в усадьбе Кузьминки. Фото начала XX в.

Там он мне высказал, что желает заказать мне составить подробный проект этого дома с

1 Указанное письмо Ф.Г. Беренштама в архиве И.Е. Бондаренко не сохранилось.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 26.

3 «Русское слово» (М., 1895–1917) – ежедневная дешёвая газета. Редактор-издатель А.А. Александров (1895–1897); издатель И.Д. Сытин (с 1897), редактор Ф.И. Благов (с 1901), фактическим редактором являлся В.М. Доросевич (с 1902).

рисунками всех интерьеров, причем дал свои довольно оригинальные задания в отношении планировки этого небольшого дома-особняка. Передав мне план участка, спросил, могу ли я ему представить проект 15 октября в 12 час[ов] дня в его дом в Петербурге на Сергиевской улице; при этом, ничего не сообщив об условиях оплаты, Волконский, мирно побеседовав, простился со мной; в этот же вечер он уехал за границу, в Копенгаген, где в то время служил в посольстве.

Я с удовольствием занялся этим проектом и в обусловленный срок привез ему в Петербург план с чертежами и смету.

Все ему понравилось, и, поблагодарив, [он] передал мне 3000 руб[лей], сумму по тому времени более чем большую. Опять также быстро уехал за границу, прося меня, если встретится надобность в дополнении или изменении, приехать к нему в Мюнхен или Рим (где он будет в то время).

Узнав, что я всякое Рождество или Пасху езжу отдыхать за границу, Волконский предложил мне приехать к нему отдохнуть в Шотландию, где он сам любил отдыхать на своей вилле около Эбердинга¹.

Вскоре я получил от Волконского письмо, также меня обрадовавшее, где он извещал, что показывал мой проект Габриэлю Зайдлю, лучшему тогда архитектору Мюнхена, строителю большого здания Национального музея². Волконский был сведущим в искусстве, искренним и простым человеком, без спеси и чванства, <но на адресах любил, чтобы ему писали не иначе, как “Его светлости”, т[ак] к[ак] он был из светлейших князей Волконских>³. У нас завязалась переписка. Он делился со мной [сведениями] о художественных новостях Запада.

Глава 19 Поездка в Италию

1 Абердин (*Aberdeen*) – третий по величине город в северо-восточной части Шотландии, главный морской и рыболовецкий порт, в окрестностях которого сохранилось немало старинных замков и вилл.

2 Здание нынешнего Баварского национального музея было построено в 1894–1899 гг. по проекту архитектора Габриэля фон Зайдля.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 26 об.

1905 г. начинался как будто спокойно, еще не предвиделась такая жестокая грядущая зима с восстанием и Пресней. Ожидалось «что-то», но не ожидалось так скоро!

Таким же заведенным порядком намечался отдых, на этот раз весенний. Пасха была поздняя, а Пасхой регулировались строительные работы, обычно начинающиеся недели полторы позже пасхальной недели. «Раскачивались». Когда я, бывало, торопил моих клиентов начать работы, меня удерживали чисто русским: «Куда торопиться?»

<Посылался дворник в участок взять свидетельство “о неимении препятствий” к выезду за границу:

– Пожалуйте три рубля.

– На марку?

– Нет, кроме марки, нужна трешница письмоводителю за то, что печать поставить.

Через час приносилось свидетельство, а с ним посылалось в канцелярию генерал-губернатора заявление о выдаче заграничного паспорта, прилагая русский. Завтра едешь лично в Чернышевский переулок (теперь ул. Огарева), где в одноэтажном домике тесная канцелярия, и в оконце любезный какой-то бессменно-вечный Шрамченко спрашивает вашу фамилию и вручает заграничный паспорт, предлагая уплатить 5 р[ублей] 10 коп[еек].

– Это на полгода, если дальше желаете остаться, благоволите в русском посольстве или консульстве сделать отметку и внести еще 5 р[ублей] 10 коп[еек]¹.

Билет до Берлина в кармане, Бедкер по Италии в небольшом ручном чемодане. Брестский (теперь Белорусский) вокзал, второй класс с четырехместным купе, спальных принадлежностей не давали еще, ну кое-как ночь поспишь, а на другой день – Варшава.

Очень понимал я Чехова, сказавшего, что в поезде «люкс», где один только первый роскошный класс, ездят только отбросы человечества (см[отри] его «Записную книжку»²).

За окном ранний весенний пейзаж родных, еще пустых полей. С утра уже иное население на станциях – белорусы. После обеда – Варшава. Пароконный извозчик везет по железному грохочущему мосту через Вислу. Пошатался по знакомому уже городу, потолкался

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 27.

2 Точная цитата такова: «В поезде luxe – это отбросы общества». (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения. В 18 т. Т. 17: Записные книжки, записи на отдельных листах, дневники. М., 1980. С. 75.)

на улицах Краковского предместья и на Новом свете ¹. Взглянул на памятник Копернику, вокруг которого извозчики устроили свою стоянку, и – на Венский вокзал, к поезду на Берлин. В Италию более короткий путь был через Вену, но крайне неприятно проезжать было австрийские границы с жандармами в черных лаковых киверах, привязывающимися к каждой мелочи, лишь бы сорвать лишний гульден.

Ночью граница – Александрово. Последний стакан русского чая, размен оставшихся двугривенных на немецкие пфенниги и марки. <Процедура с паспортом> ². Запирают вагон, отбирают паспорта для отметки, <и возвращающийся жандармский ротмистр спрашивает вашу фамилию, вежливо достает из портфеля, что почтительно держит жандарм, ваш паспорт – и все>³.

Через полчаса станция Торн. Немецкие вагоны. Таможня с быстрым осмотром багажа, поисками запретных папирос и чая.

*Памятник Бетховену на выставке Венского Сецессиона (1902).
Скульптор Макс Клингер*

Раннее утро, еще не совсем рассвело, поезд грохочет над просыпающимся Берлином, минуя вокзалы Силезский и Александерплац. Наконец въезжаем под гигантскую арку вокзала Фридрихштрассе. Через дорогу отель также «Фридрихштрассе». <Чистенький номер за две-три марки (тогда это было 1 р[убль] 15 к[опеек]). Скорый туалет, и на улицу>⁴.

Моросит мелкий дождь, теплый, весенний, а мостовую моет господин метельщик в

¹ Краковское предместье и Новый Свет – прогулочные улицы, составляющие Королевский тракт в Варшаве.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 27 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 28.

синей блузе, <белом воротничке и котелке> ¹. Магазины уже открыты. Жизнь начинается рано. <Утренний завтрак в кафе и бесцельная прогулка по городу, где чистота и порядок такой, что не знаешь, куда бросить окурок сигары, а сигарами уже запаса. Лавочек с сигарами не меньше, чем домов, и начинается истребление этих умело обработанных листьев неизвестного растения чуть ли не с восходом солнца. Бедный люд сосет сигары по 5 пфеннигов, т. е. по 2 коп[ейки]. Но на Унтер ден Линден в магазинах отличные гамбургские сигары. Настоящая “Гавана” была мне еще не по средствам для повседневного курения>².

Комо. Площадь Кавур. Открытка начала XX в.

Какая удача: в Потсдаме строительная выставка! Смотришь, учишься – как нужно работать, и постигаешь отличительную черту немецкой строительной техники – это законченность и тщательность выполнения каждой мелочи. <Все нужно делать хорошо! И работают вдумчиво, не спеша, но и без отдыхов поминутных, без почесываний, покуривания, на что уходило у нас в России на это целые часы. Уклад жизни там обязывает к бережливости времени>³. До противной скрупулезности сказывалась всюду особая немецкая скардность, так кидавшаяся в глаза нам, русским.

Музеи старался миновать, для них нужно время, забежал лишь в Фридрихсмузеум взглянуть, как Макс Клиггер изваял Бетховена из мрамора четырех цветов и вышел плакат, а не скульптура, не передавшая черт гениального музыканта ⁴. Но миновать Музей художественной промышленности я не мог, уж очень поразительное было там собрание тканей. Ну и довольно, тем более что берлинская толпа – это что-то скучное и противное, офицерство с закрученными усами а-ля Вильгельм надоедливо своим наглым видом и

1 Там же.

2 Там же.

3 Там же.

4 Речь идет о скульптуре: Клиггер М. «Бетховен» (1902, Лейпциг, Музей изобразительного искусства). Композитор представлен в виде олимпийского божества. В создании полихромной скульптуры были использованы белый и цветной мрамор, гипс, бронза, слоновая кость.

бросаньем фраз особенным жаргоном, плоско берлинским. Дальше!

Комо. Фуникулер. Открытка конца XIX в.

Не задержался и в Мюнхене. Так хорошо его уже знал раньше, посмотрел лишь выставку «Сецессион». Оригинально были выставлены картины: они врезаны в фон серого полотна натянутых стендов, без рам и с большими интервалами. Видишь только живопись, а не раздражающую позолоту ненужных рам. На выставке наши Сомов, Малявин, Серов останавливают толпу подолгу. Они свежи, крепки, интереснее.

Скорее через Цюрих, в Италию. В Цюрихе обязательная встреча с Чернышевым. Оживленная давней дружбой беседа о России, о русских в Цюрихе; радуется Чернышев, что все же я добился своего и таким солидным стал, что стоит зайти к фотографу, на память открытка останется. Заглянул в знакомые аудитории Политехникума, к прежней хозяйке зашел, – как она постарела! А маленькая Аннели выросла в красивую барышню. Визит в Цюрих мимолетный. Прощальный взгляд на город, и поезд помчался дальше. <Берлин и вся Германия – это для меня была большая почтовая станция, по-своему интересная, но где можно и подолгу засидеться на этом мировом тракте европейской культуры. Но время нужно беречь. Никакая служба не связывала меня, и только власть долга, такого приятного к выполнению любимого дела. Положенные два месяца нужно использовать отдыхом, насыщенным солнцем и искусством вечным, к которому тянется человек, как мотылек к свету, как пчела к цветку>¹.

Остаться долго на лазоревых берегах озера Комо и Лугано – времени тоже нет. <К мечтательности располагают эти северные итальянские озера>². А вот когда возвращаешься с большим запасом впечатлений, [то] чтобы разобраться в них, перечувствовать виденное – лучшего места нет, чем эти пленительно тихие озера... Альпы остались позади, началась Ломбардская равнина. Прежде всего, на пути Милан.

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 29.

² Там же.

Синьория Висконти¹ и Сфорца давнего Кватроченто² теперь стал городом промышленности, банков, торговли. Город итальянский по языку, город, проживший свою славу. Давний Медиоланум³ – только отдельные его куски остались еще старые, без налета европеизма, торгующего, шумного. Всюду говор суетливый, приправленный жестами быстрыми, и язык такой чистый, тосканское наречие с немногими звуками местного диалекта. Черты лиц не резкие, но своеобразные. Взгляды острые, чего-то ищущие, не рассеянность, а деловитость, хотя люди, по-видимому, и лодырничают. Но ведь чем-нибудь они живут? Жуликоватая все же эта толпа. Наивное жульничанье даже и в государственном банке. Меняешь русскую радужную сторублевку, и кассир, отсчитывая 268 лир, непременно всучит две-три бумажные лиры фальшивые. Отодвинешь их ему обратно, наглядно линяет краска и рисунок плох на них. Спокойно, без всяких объяснений положит в ящик обратно. «Не тебе, так другому сплавлю». <Претензии неуместны>⁴.

Миланский собор. Открытка начала XX в.

Толпа еще гуще на корсѣ около собора, огромного, филигранного мраморного.

1 Синьория – тирания, форма политического устройства ряда городов-государств Северной и Средней Италии 2-й половины XIII – середины XVI в., характеризовавшаяся сосредоточением всей полноты гражданской и военной власти в руках единоличного правителя – синьора (тирана). Например, синьория Висконти в Милане.

2 Кватроченто – принятое в итальянском языке наименование XV в., в искусствознании условное обозначение периода Раннего Возрождения в Италии.

3 Медиоланум – первоначальное название Милана.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 29 об.

5 Одно из значений слова «корсо» в итальянском языке – широкая улица, проспект. В данном случае Бондаренко, видимо, имеет в виду корсо Витторио Эмануэле II.

Отточенные вертикали пилястр¹ с приклеенными фигурами скульптурно-живописными. Все здание завершается гигантскими сталактитовыми иглами. Одинокая башенка на кровле увенчана статуей Богоматери. Готика? Нет, это не готика. Это чисто итальянское здание, одетое в готизированные детали². Да разве духу живого итальянского народа свойственна готическая вдумчивая устремленность? В разновременной скульптуре, в таком чрезмерном изобилии облепившей фасад собора, нет ничего готического, а все эти святые перенесены в камень с фресок Кватроченто. Но фрески – целостнее, содержательнее и неизмеримо художественнее этого скульптурного сбора.

Можно рассматривать собор подолгу, с интервалами целых лет, рассматривать в разное время года, а лучше всего в свойственный Милану утренний молочный легкий туман – и все же этот Дуомо³ глубокого впечатления не оставит. Здесь нет архитектуры запечатлевающейся, поражающей единством замысла и выполнения.

Интереснее толпа.

Милан. Галерея Виктора-Эммануила. Открытка начала XX в.

В ранний утренний час за столиком кафе воссел аббат (падре), типичный такой, что и оторваться нельзя. Движения размеренные, пропитанные самодовольством, благодушием. Принесли ему бутылку вермута, этого портвейно-полынного вина – помогает от лихорадки – и спиртовку-машинку для закуривания длинной, вроде лучинки, черной сигары, «вирджин»⁴; падре достал из своей широкой сутаны портсигар, выбрал [сигару], которая показалась ему

1 Пилястр – вертикальный выступ стены, условно изображающий колонну.

2 Собор Рождества Девы Марии (итал. *Cattedrale di Santa Maria Nascente*) – кафедральный собор Милана, построен в стиле готики из белого мрамора. Строительство начато в 1386 г., а завершилось лишь в начале XIX в., когда по распоряжению Наполеона I был закончен декор фасада. Некоторые детали, однако, доделывались до 1965 г.

3 Дуомо (итал.) – собор, в данном случае кафедральный собор в Милане (итал. *Duomo di Milano*).

4 Речь идет о сигаре, изготовленной из листьев одного из основных видов табака – вирджинского, из которого выведено большинство сортов табака, используемых для выработки качественной продукции.

лучшей, положил ее на подставку над огоньком спиртовки, чтобы обгорела, иначе не закурится, затем налил в большой фужер вермута, прихлебнул, пожевал, не торопясь проглотил, впевнив взор плутоватых глаз куда-то в пространство. Также не спеша закурил и перешел в поэтическое оцепенение. Медлительно выпит и второй бокал, докурена сигара наполовину, остальную затушил и спрятал в портсигар. Вынул из черного широкого пояса часики, взглянул и не спеша отправился в собор служить мессе. Я пошел за ним.

Собор весь окутан темнотой, зажжены немногие свечи, у скамейки четыре аббата уже перелистывали какую-то огромную книгу, а над ними в вышине подвешенный к своду эффектно освещен большой крест. Волной полились звуки органа, а скоро и наш подкрепившийся падре стал совершать обедню. Жизнерадостное отношение к литургическим таинствам!

Милан. Центральный вокзал. Открытка конца XIX в.

Там же около собора, под арками дворца расположился с папкой торговец старыми гравюрами. Я нашел гравюры Персье и Фонтена «Римские виллы», несколько листов. Начался торг, и за 10 лир, наконец, сошлись. <Дождь перестал, солнце неуверенно проглянуло>². Нужно зайти в Амброзиану³. Полно захватывающего интереса, в ней ведь рисунки Рафаэля, гравюры, рукописные книги. Над ними месяцами можно просидеть.

Конечно, и в старую столовую монастыря Санта-Мария-делле-Грацие, где остатки

1 Основоположниками стиля ампир во Франции архитекторы, художники и декораторы Шарль Персье и Пьер-Франсуа-Леонар Фонтен работали вместе, по заказам Наполеона I они перестраивали и отделяли интерьеры Лувра, Мальмезона, Фонтенбло и других дворцов в стиле ампир. В 1801 г. выпустили книгу «Собрание эскизов для украшения интерьера», которая послужила образцом для мебельщиков и декораторов всей Европы.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 30 об.

3 Художественная галерея Амброзиана (Пинакотекка Амброзиана) в Милане основана в 1618 г. архиепископом Федерико Борромео. Сегодня это уникальное хранилище живописи и ценных рукописных материалов, многие из которых датируются временами Средневековья.

фрески «Тайной вечери» еще хранят божественную кисть Леонардо¹, приковывая к вдумчивым типам апостолов, переданных с поражающей экспрессией. <Никого нет. Белесоватый путешественник, с неизменным Бедкером в руках, недоуменно взглянул на фреску, на меня, очевидно, подумал: “Чего тут смотреть?!” И снова тишина, холодно, пахнет сыростью. На воздух!>².

Венеция. Пристань у площади Святого Марка. Фото конца XIX в.

А вот уголок старого Милана – Кастелло Сфорцеско³. Сфорца⁴, вероятно, не узнали бы своей крепости, где столько было пролито крови и где художники во главе с Леонардо занимались инженерией, устраивая поостроумнее защиту герцога. Теперь так был обновлен этот замок, так реставрирован, что всё стало мертвым кладбищем, складом для археологических фрагментов. <Нарочитая недоделанность, полуразрушенные, починенные стены дают обманчивое впечатление старины, а ее-то и нет в этом замке, мало ее и во всем Милане, если не считать двух-трех церквей ломбардской архитектуры, да остатка римского портика, еще не поврежденных реставрацией. А дождь снова начался>⁵.

1 «Тайная вечеря» – монументальная роспись работы Леонардо да Винчи, изображает сцену последней трапезы Христа со своими учениками. Создана в 1495–1498 гг. в доминиканском монастыре Санта-Мария-делле-Грацие в Милане.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 30 об.

3 Название резиденций миланских герцогов династии Сфорца в Милане.

4 Сфорца (итал. *Sforza*) – миланские герцоги, правящая династия в Италии периода Ренессанса. Основателем рода был Муцио Аттендоло (1369–1423), прозванный Сфорца (от итал. *sforzare* – напрягать, давить; глагол, производный от итал. *forza* – сила).

5 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 30 об.

Ночной поезд на Венецию. Еще темно, когда приезжаешь на вокзал, жандарм провожает к гондоле и спрашивает: «В какой вы едете отель?» – и записывает номер гондолы. Много было случаев, что до отеля не доедет приехавший иностранец, находя успокоение вечное в грязных водах канала.

Венеция ночью – это увертюра к неведомому, и звуки так новы и таинственны. Разве только один Уистлер смог передать ночной мираж, далекий от земного. Кругом одна вода, темная, небо еще черней и слабо освещены силуэты невиданных еще зданий. Утро сгонит ночное видение, и многое станет давно знакомым по репродукциям, но никакие увражи¹ не смогут передать подавляющего впечатления от лучшего куска старой царицы Адриатики – Пьяцетты².

Венеция. Площадь Святого Марка. Фото конца XIX в.

Спешешь утром на эту площадь, большую, квадратную, обстроенную произведениями эпохи расцвета Ренессанса. Библиотека Сансовино, где под аркадой магазины с фотографиями, мозаичными изделиями дурного вкуса, всяким вздором, почему-то необходимым для чемоданов путешественников. Высоко сторожит город Кампанила³, ее я

¹ Увраж – здесь: полиграфическое роскошное, богато иллюстрированное художественное издание большого формата в виде отдельных листов или альбома, как правило, состоящее из гравюр.

² Речь идет о Площади Сан-Марко в Венеции, пространство которой условно делится на три части: Площадь Сан-Марко (итал. *Piazza San Marco*, между Старыми, Новыми и Новейшими прокурациями и расположенными напротив собором и колокольней); Маленькая площадь Сан-Марко (Пьяцетта; итал. *Piazzetta San Marco* – пространство перед Дворцом Дожей и Библиотекой, являющееся своеобразным коридором, ведущим от моря к самой площади); Маленькая площадь львят (итал. *Piazzetta dei Leoncini*) – примыкающая к западной стене собора, выходящей на Дворец патриарха (получила свое название благодаря двум статуям львов).

³ Кампанила (колокольня) собора Святого Марка (итал. *Campanile di San Marco*) – отдельно стоящая колокольная башня высотой 98,6 м при соборе Святого Марка в Венеции на площади Сан-Марко.

видел еще раньше, и тогда ее стены XV в. еще не рассыпались от осадки, а внизу у подножья этого квадратного столба колокольни была еще цела очаровательная лоджетта ¹, мраморная, миниатюрная работы Сансовино, навсегда погребенная под камнями рухнувшей Кампанилы (теперь Кампанила восстановлена). Но глаз всегда останавливается на завершении площади: Соборе Святого Марка! Эта церковь дивная, выстроена в IX в. мастерами из Далмации. Старая легенда лежит под постаревшими плитами осевшего здания. Лев Св[ятого] Марка неотступно всегда перед вами: и над входом в церковь, и над соседним порталом Дворца Дожей, и на высокой колонне также бронзовая фигура твердо опустила лапу на раскрытую книгу с надписью: [«*Pax tibi Marce, evangelista meus*» ²], а на другой (парной) колонне патрон города, Св[ятой] Теодор, попирает крокодила.

Теперь бесстрашно можно пройти между этими двумя вещими столбами³. <Существовало поверье: прошедший между колонн, обречен на гибель> ⁴. Вспоминается дож Марино Фальеро, здесь обезглавленный. Прямо вода широкого Большого [канала], и опять вдали очарование: произведение Лонгена – церковь [Санта Мария деле Салюте]⁵ поднимается из воды, за ней островок с высокой, чисто венецианской колоколенкой Джудекка ⁶, и дальше опять вода лагуны с тонкой полоской железнодорожной дамбы и мостом, едва поднимающимся над гладью серой воды.

У набережной – гондолы, их черные носовые завершения («стрелы») едва колышатся, и гондольеры дремлют на ступенях под утренним теплым солнцем. Непередаваемое очарование, истома, летаргия. Тишину Пьяццы покрывает гульканье голубей. Над входом базилики Св[ятого] Марка цветистая мозаика Тинторетто зовет внутрь.

Тихий час, утренним светом сияет позолота мозаик, с патиной на фонах и на примитивных фигурах. Все стены в мозаике, но не чувствуешь ее избытка – так слилась она с плоскостью стен и так гармонична в своих красках спокойных, блеклых теперь и умиротворенных. Вот также слитны с архитектурой были наши чудесные фрески Спаса Нередицы в Новгороде⁷, так безумно погубленной фашистской немецкой ордой. Пол базилики с мраморной мозаикой местами осел, заметные ямины. <Заходит женщина, опустится на одно колено, перекрестится и спешит с корзинкой за рыбой на Риальто. Вялой походкой прошел священник в сакристию> ⁸. «*Pax tibi Marce, evangelista meus*». И редкое явление: шатающаяся толпа путешественников-англичан с крикливым гидом, войдет и

1 Лоджетта – здание из мрамора в форме триумфальной арки, построенное архитектором Джакомо Сансовино в 1537–1540 гг. рядом с колокольней на площади Сан-Марко в Венеции. Предназначалось для встречи вельмож, с 1559 г. стало караульным помещением для охраны Дворца Дожей. После обвала колокольни в 1902 г. лоджетта была восстановлена.

2 «*Pax tibi Marce, evangelista meus*» – в переводе с лат. «Мир тебе, Марк, мой Евангелист».

3 На Пьяццетте у столбов приводились в исполнение смертные приговоры.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 31 об.

5 Собор Санта-Мария делла Салюте (итал. *Basilica di Santa Maria della Salute*) – собор в Венеции на Гранд-канале в районе Дорсодуро. Построен в честь избавления города от чумы 1630–1631 гг. архитектором Бальдассаре Лонгена в 1631–1682 гг.

6 Джудекка – длинный узкий остров в форме рыбьей кости, расположенный к югу от Венеции.

7 Церковь Спаса на Нередице (Спас на горе Нередице) – храм Преображения Господня, расположенный в 1,5 км к югу от Великого Новгорода на правом берегу бывшего русла Малого Волховца. Построена в 1198 г. князем Ярославом Владимировичем. Храм был расписан в 1199 г. Фрески храма являются одним из самых знаменитых памятников монументальной живописи мирового значения.

8 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 31 об.

быстро исчезнет¹. Службы нет, и не нужно ее, даже звуки органа здесь неуместны. Не для молитвенных настроений теперь эта церковь, а для созерцания красоты вечного искусства. Прощаешь новенькие резные скамьи и позднего Ренессанса аналои и люстры – все это меркнет под излучающимся золотистым сиянием легкого полумрака церкви.

Венеция. Улица Ботиселла. Фото конца XIX в.

Веками разделенные два чуда искусства: Св[ятой] Марк и Паллацо Дожей. Ничем несхожие в своих архитектурных фасадах и интерьерах, а оба родные братья одного народа, его искусства, искреннего и логичного в своем появлении и своем выражении. Розоватая мраморная стена дворца с редкими оконными пролетами воздушна, несмотря на массу ее, подпираемую лесом колонн, приземистых, романских. А внутри нежданное богатство фресок Тьеполо, Тинторетто и Веронезе². Время еще не потушило красочного фейерверка.

Здесь смотришь на искусство иными глазами, словно какой-то сон, дремота наяву. Чувство полного покоя, забвения при полной отрешенности от всех житейских забот в этом городе бесшумных водяных улиц-каналов. Говорливая разноязычная толпа под вечер становится тихой <и задумчивой>³.

Печать легкой грусти лежит на всей Венеции, словно сладостное воспоминание о прожитой блестящей ее жизни, окончившейся последними карнавалами XVIII в. Теперешняя вся жизнь – это отражение в тусклом зеркале <былого. Группы венецианок с золотистыми тичиановскими волосами и черными шалями на плечах толпятся в узкой улочке за собором.

Книги здесь не читаются. Когда ложишься усталый в теплую постель, просмотришь только что купленную “Историю Венеции” Жалиберта (Galibert L. Histoire de la république de

1 Там же. Л. 32.

2 Упомянуты великие живописцы Венеции.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 32.

Venise. Paris, 1847. – *Примеч. ред.*). Не хочется брать в руки даже и Бедекера¹.

Но долго в этих грезах не проживешь.

Произведений искусства здесь так много, нужны месяцы для их обзора, и нельзя же говорить только о дворцах, не коснувшись Карпаччо и Беллини. «Это потом!» – говоришь себе и едешь дальше <в Равенну или Верону. Последнюю проехал мимо, едучи в Венецию из Милана, но тянет в нее, а оттуда через Падую на Болонью в Рим>².

Есть две Италии: одна – это подавляющие своим сгущенным богатством большие города, как Милан, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Генуя, а другая Италия – это сердцевина ее народа, ее маленькие городки, где знакомишься с буднями итальянской жизни.

Незначительное расстояние между этими городами Ломбардии соблазнительно. Как же миновать Феррару, Парму, Модену³ прежде, чем попадешь во Флоренцию? Спишь в вагоне, бегаешь из города в город <не для отыскания в Бедекере жирным шрифтом отмеченных примечательных зданий, а чтобы видеть жизнь города во всем его объеме, с людьми и зданиями. И везде что-то свое, присущее данному местечку.

1 Там же.

2 Там же. Л. 32 об.

3 Перечислены города области Италии Эмилия-Романья.

Венеция. Школа Сан-Марко и госпиталь. Фото конца XIX в.

Венеция. Остров Сан-Джорджо. Фото конца XIX в.

Недостаток времени для детальных осмотров был лишь вторым условием быстрого поглощения пространства и городов Италии, главной же целью всей поездки была потребность вздохнуть другим воздухом, другое солнце ощутить и взором окинуть иную жизнь¹.

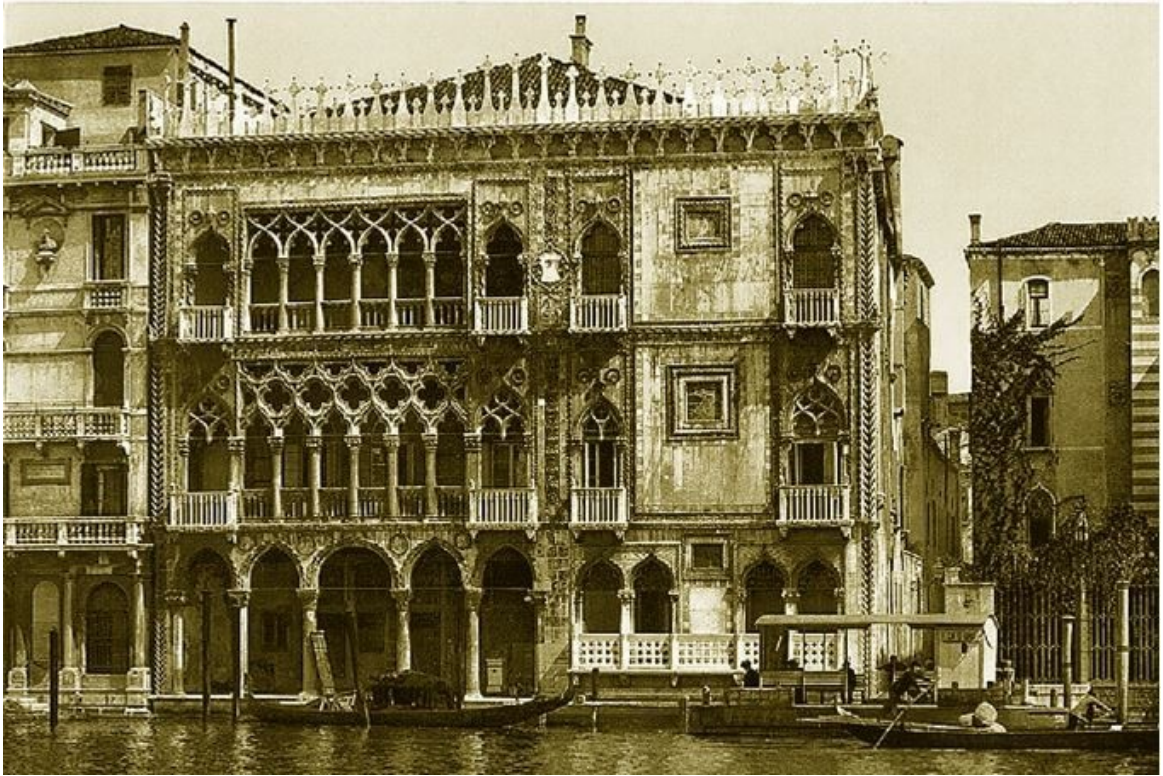
Искусством была пронизана вся тогдашняя Италия. Но попадешь в такой город как Верона, невольно останешься дольше намеченных дней. Настолько богата оригинальной архитектурой и своеобразной жизнью Верона, что и впоследствии, всякий раз едучи в Италию, делаешь крюк для этого города Ромео и Джульетты.

Городской пейзаж Вероны оригинален. Другого [такого] города в северной Италии, как Верона, нет, где бы остатки римских зданий были бы так уместны [рядом] с постройками Ренессанса и так слиты в один целостный конгломерат, <особенно площадь Piazza delle Erbe², где под гигантскими зонтиками торговли зеленью и фруктами составили целый городок³.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 32 об.

2 Piazza belle Erde – Пьяцца делле Эрбе (итал.) – «площадь трав».

3 Там же. Л. 33.

Венеция. Дворец Ка д'Оро. Фото конца XIX в.

И весь город-то невелик, весь со своими окружающими его старыми защитными стенами уложится в пространстве между Пушкинской и Арбатской площадями. Улочки узкие, не шире 4–5 метров, чередуются с редкими, широкими корсо, уже недавно проложенными на окраинах в новой части Вероны.

Сердцевина же города состоит из на редкость запутанной сети улочек-щелей с невысокими домами из камня, крытыми черепицей. Неожиданно вырастает горделивое палаццо¹ или живописная старая церковь, романская, с высокой тонкой кампанилой. В отдаленной части за густым садом на небольшой площади – жемчужина веронская – церковь Св[ятого] Зенона², ранняя романская, вся насыщенная наивной пластикой, бесхитростным народным творчеством. Одни входные двери конца XI века – целая поэма, более трогательная по своему творчеству, чем флорентийские двери Гиберти³, и видишь тонкую родственность с нашими Корсунскими⁴ дверьми или дверьми московского Благовещенского собора⁵.

1 Палаццо (итал. *palazzo*, от лат. *palatium* – дворец) – итальянский городской дворец-особняк XV–XVIII вв.

2 Базилика Святого Зенона с колокольной XII в. в Вероне посвящена святому покровителю города Зенону Веронскому – епископу Вероны.

3 Северные Бронзовые двери для Флорентийского Баптистерия, состоящие из десяти рельефных панелей на библейские сюжеты, были созданы крупнейшим скульптором эпохи Возрождения Лоренцо Гиберти в 1401–1424 гг.

4 В южном портале Успенского собора Московского Кремля установлены знаменитые Корсунские врата. Существовало предание, что их привез из Корсуни (древнерусское название Херсонеса Таврического, Севастополя) святой князь Владимир. На самом же деле врата изготовлены в XVI в., а сюжеты, выгисненные на них, посвящены рождению в мир Спасителя как воплощению Божественной Премудрости.

5 В северной и западной галерее Благовещенского собора Московского Кремля расположены так называемые «золотые врата». Это железные кованые ворота, на лицевой стороне которых укреплено несколько медных пластин, украшенных в технике золотой наводки. Изображения на них иконографически можно отнести ко второй половине XVI в., но, возможно, столетием позже их переделали.

Болонья. Палаццо Пубблико. Открытка конца XIX в.

Вечер быстро наступает, без сумеречных закатов, окутывается туманом речка Эч, текущая через город со старыми, еще римскими мостами; также стар и Колизей, арена – теперь притон летучих мышей, их так грациозно сгоняют с плеч красавицы веронские, обычно прогуливающиеся вечерами по *Via Nuova* над рекой совсем оделся ночным флером *Castelvecchio*².

Такие же зубцы заканчивают стены этого замка и на мосту, как и на наших кремлевских стенах, только наши более изящны и не так вытянуты.

Не забудешь поклониться могиле Джульетты в очаровательном романском дворике. Не хочется уходить от мраморного всадника – Скалигера³, стоящего в таком тесном уголке двух переулочков.

1 *Via Nuova* – Новая улица (итал.).

2 *Castelvecchio* (итал. Кастельвеккьо) – Старый замок в Вероне. Был построен в 1354–1376 гг. на берегу реки Адидже. Изначально замок носил имя Сан-Мартино аль Понте в честь находившейся рядом с ним древней церкви Святого Мартина. Современное название замок получил после строительства в XV в. на холме Сан-Пьетро нового замка.

3 Особое место среди тиранов Вероны занимала семья делла Скала, или Скалигеров, создавших необычное кладбище в Вероне около маленькой церкви Санта-Мария Антика (постройка восходит к VII в.), являвшейся их домашней церковью и приютившей прямо над своим входом одного из бывших владельцев – всадника в полном боевом вооружении. Это Кангранде – самый удачливый из герцогов делла Скала, единолично правивший Вероной с 1311 г.

Болонья. Палаццо Пубблико. Фото конца XIX в.

Все проникнуто старым романским искусством, в котором древние римские ворота не так нарушают художественную цельность, как ренессансные дворцы XV века – произведения совершенные, архитектуры Санмикеле, обнесшего город стенами.

Сколько былых легенд около этого города, и какая теперь здесь тихая провинциальная жизнь!

В стороне от больших городов Верона жила и живет своей маленькой жизнью 60 000 жителей. Свое искусство, своя живопись скромных учеников Джотто, свои скульпторы, чеканщики. Никакой специальной промышленности, вроде венецианских зеркал и стекол Мурано¹ или миланского шитья, но все есть только свое, провинциальное искусство, пленяющее искренностью, <и весь город поражает своей редкой живописностью>².

Венеция осталась в белом сиянии лагуны, и долго еще шпиль Сан-Джорджио³ маячил в утреннем воздухе прозрачного ясного дня. И через полтора часа Падуя – померкший город с низкими аркадами, меркнувшими так же, как померк некогда славный Падуанский университет⁴.

1 Мурано (итал. Murano) – один из крупных островов Венецианской лагуны к северо-востоку от Венеции, состоит из семи небольших островов, разделенных каналами. Знаменит производством художественного стекла, которое изготавливается по особым технологиям, разработанным венецианскими мастерами, и называется муранским.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 33 об.

3 Собор Сан-Джорджио-Маджоре (итал. *San Giorgio Maggiore*) – собор в Венеции, на острове Сан-Джорджио-Маджоре. Возведен между 1566 и 1610 гг. архитектором Андреа Палладио.

4 Падуанский университет (итал. *Università degli Studi di Padova*) – один из старейших университетов Европы и Италии, был открыт в 1222 г. В XV–XVIII вв. – главный образовательный центр Венецианской республики. В XIX–XX вв. наблюдалась тенденция к децентрализации университета, он закрывался с 1848 по 1850 г. в связи с восстанием студентов против австрийского владычества.

Попутные станции – маленькие города, обязательная остановка в Мантуе¹. Феррара², окруженная болотами и умершая настолько, что становится невероятным – была ли здесь пышная жизнь д'Эсте? Феррарские герцоги [за]давали тон даже французскому двору³, а теперь все здесь мертво. Всего лишь два часа отделяют Феррару от Болоньи, а какая разительная разница: там уныние, здесь жизнь во всем. Кругом города виноградники, и дома улыбаются своими терракотовыми украшениями. Для знатока живописи здесь расцвет болонской школы (Карраччи, Гвидо Рени). Стендаль на пути из Милана во Флоренцию дал Болонье такие теплые строки!⁴ И в Болонье тоже старый университет XII в.⁵

Недалеко Равенна. Снова пахло византизмом⁶ от мозаик церковей Виталия и «Нового» Аполлинария⁷. Ведь эти мозаики V века! Какое далекое время, и как чужд нам изображенный

1 Мантуя – город в итальянской области Ломбардия, административный центр одноименной провинции.

2 Феррара – город в итальянском регионе Эмилия-Романья, административный центр одноименной провинции.

3 В XIII в. двор д'Эсте в Ферраре становится образцом куртуазной рыцарской культуры, центром искусства и поэзии, привлекая художников, путешествующих трубадуров и заальпийских менестрелей. С конца XIV в. Феррара превращается в крупнейший в северной Италии центр ренессансной культуры, здесь складывается самостоятельная школа архитектуры и живописи, расцветает литературный и философский гуманизм. Важнейшую роль в этих процессах сыграли синьоры города, покровительствовавшие наукам и искусствам, приглашавшие к своему двору лучших представителей гуманистической культуры Италии этого времени. В конце XIV в. под покровительством дома д'Эсте в Ферраре был основан университет, ставший центром изучения права, теологии и искусства. XV в. – время расцвета династии д'Эсте, и под их эгидой это эпоха процветания раннеренессансной культуры Феррары, двор д'Эсте приобретает в это время необыкновенную пышность, роскошь в повседневном быту, яркость и красочность в организации торжеств и празднеств.

4 Вероятно, речь идет о записях, сделанных Стендалем в книге «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817) во время пребывания в Болонье: «Как только я сюда прибыл, нанятый мною здесь слуга повел меня во дворец Капрара, к фасаду дворца Рануцци и, наконец, по моей просьбе, в церковь св. Доминика, где покоятся останки этого ревностнейшего из католиков. Свод, расписанный фресками работы Гвидо с прелестными маленькими фигурами, две небольшие статуи Микеланджело, созданные им еще в молодости, до того как этот величайший в мире художник раз навсегда обратился к живописанию страшного, картина Тьярини, изображающая радость матери, присутствующей при воскрешении своего ребенка, вознаградили меня за посещение церкви святого Доминика. Все здесь полно славных воспоминаний о братьях Карраччи. Сегодня утром мой сапожник изложил мне их историю почти так же хорошо, как Мальвазия. Он сказал мне, что Луиджи умер от горя, после того как допустил какую-то ошибку, рисуя фигуру ангела на фреске “Благовещение” в соборе св. Петра. Я тотчас же отправляюсь в этот собор вместе с сапожником, охотно согласившимся служить мне гидом». (Стендаль. Собр. соч. в 15 т. М., 1959. Т. 9. С. 134.) «У жителей Болоньи, по-моему, гораздо больше ума, пыла и самобытности, чем у миланцев, а главное, у них более открытый характер. Здесь у меня за две недели оказалось больше домов, где я могу провести вечер, чем нашлось бы в Милане после трехгодичного пребывания». (Там же. С. 140–141.) «Пора покидать Болонью, город умных людей». (Там же. С. 233.)

5 Болонский университет – старейший непрерывно существующий университет Европы; точная дата его основания неизвестна. В X–XI вв. римское право изучалось в Болонье в школе изящных искусств, в 1088 г. была открыта школа права, которая в XII в. приобрела популярность. Стекавшиеся со всех концов Европы студенты образовали в своей среде настоящие корпорации по образцу различных ремесленных и художественных цехов того времени. Собрание всех студенческих корпораций под общим статутом составило к концу XII в. университет в Болонье.

6 Византизм – совокупность политических, государственно-правовых, церковных и демографических особенностей, носителем которых была Византийская империя, а также основанная на этих особенностях «идеология православного религиозного мировосприятия». В искусстве византизм характеризуется иконописью и мозаиками.

7 Упомянуты знаменитые храмы Равенны: базилика Святого Аполлинария Нового (итал. *Sant'Apollinare Nuovo*) и церковь Святого Виталия (итал. *San Vitale*), украшенные мозаиками. Базилика Сан-Витале (итал. *Basilica di San Vitale*) – раннехристианская базилика, была заложена в 527 г., храм был освящен в 548 г. в честь раннехристианского мученика святого Виталия Миланского, внутреннее мозаичное убранство церкви было

мир царицы Феодоры и все эти окаменелые фрески сдержанно-угрюмого византизма. Мозаики Св[ятого] Марка казались радостней. Но здесь глубже искусство. Ранняя романская архитектура мавзолея Теодориха ² так хорошо вяжется с голубовато-серым пейзажем! А в пустынном лесу пиний – тень Данте и его скромная гробница недалеко от церкви Св[ятого] Франциска³. На востоке уже брежит свет Адриатики, всего в 8 километрах ее голые здесь берега.

Потянулись рощи оливок, фиговые жирные деревья, скоро Флоренция. <Но бывает такое чувство, что не хочется сразу войти в пышные чертоги, а замедляешь шаги в преддверии, предвкушая что-то интересное там, впереди, и вдруг в этом преддверии находишь очарованье>⁴.

Не зря сделал крюк: попал в Сиену и Пизу. Город мрамора – серый, светлый с темно-зеленым, бурым, почти черным, – пестрели пизанские соборы на знаменитой площади. И всюду особый свет, смягченный, весь собравшийся в Campo Santo ⁵, где со стен глядят фрески примитивов, – целая поэма смерти, но не устрашающая ⁶. Тихое, сосредоточенное настроение охватывает, глядя на эти примитивы, словно рожденные от утренних туманов, обволакивающих гору, на которой расположен город.

создано в 546–547 гг. Сант-Аполлинаре-Нуово (итал. *Sant'Apollinare Nuovo*) – раннехристианская базилика, была построена в 493–526 гг. правителем Равенны королем Теодорихом Великим как его придворная церковь. В IX в. освящена в честь небесного покровителя Равенны Святого Аполлинария. Базилика знаменита уникальными мозаиками, одна часть которых относится ко времени Теодориха, а другая – Юстиниана, когда Равенна стала византийским экзархатом.

1 В правой части алтарной стены церкви Сан Витале в Равенне расположена мозаика, изображающая торжественный выход супруги императора Юстиниана I – императрицы Феодоры, которая держит в руках драгоценный потир (сосуд для священного вина). Мозаика передает обстановку дворцовых покоев, величие и роскошь византийского двора.

2 Мавзолей Теодориха Великого (итал. *Mausoleo di Teodorico*) – мавзолей, который король остготов Теодорих построил в 520 г. из истрийского известняка с куполом из цельного 300-тонного камня для своей будущей могилы на кладбище готов за пределами Равенны. Единственный уцелевший памятник готского зодчества и единственная сохранившаяся гробница варварского монарха. С переходом Равенны под власть Юстиниана I в 540 г. тело Теодориха было вынесено из мавзолея, а сам он обращен в часовню, саркофаг готского властителя в настоящее время пустует.

3 Мавзолей Данте Алигьери был построен в Равенне в 1780 г. по проекту архитектора Камилло Мориджа. Он расположен рядом с церковью X–XI вв. базиликой Сан-Франческо (итал. *Basilica di San Francesco* – базилика Святого Франциска), в которой в 1321 г. был первоначально похоронен поэт.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 34.

5 Campo Santo – Кампо-Санто «Священное поле» (итал.).

6 Кампосанто – бывшее городское кладбище в Пизе, от которого сохранилось одно монументальное здание в виде арочной галереи с ажурными переплетами, окружающей открытый внутренний дворик. Своим названием это место обязано земле с Голгофы, на которой и были возведены первые кладбищенские постройки. В галереях размещены 84 римских саркофага, этрусские и римские урны и скульптуры. Внешняя стена галереи состоит из 43 слепых арок. На больших поверхностях внутренних стен в течение нескольких десятилетий начиная с 1330–1335 гг. возник один из крупнейших фресковых циклов XIV в., который в XV в. был дополнен работами Бенедикто Гоццолли. В Кампосанто работали мастера разных поколений и разного происхождения. Тема и содержание этих фресок имеют подчеркнuto нравоучительный характер: «Триумф смерти», «Страшный суд», «Сбор винограда и опьянение Ноя». Наиболее известен цикл фресок Буонамико Буффальмакко «Триумф смерти» (1330-е гг.), главный смысл фресок – напоминание о бренности жизни.

Пиза. Колокольня собора. Фото конца XIX в.

Флоренция. Набережная Арно. Вдали Старый мост (Понте Веккьо)

Симоне Мартини, Лоренцетти и другие мастера XIV в. дают в своих примитивах что-то родственное нашей Троице Рублева, только здесь фоном фрески служат особые синие сумерки...¹ Город весь в узких улицах, с постоянной тенью от высоких домов, с карнизами большого откоса и зелеными ставнями-жалюзями окон.

Флоренцию следовало бы посещать после Рима и особенно после юга Италии.

Проведенные пять дней, хотя бы и пятьдесят дней во Флоренции – это только зачаровывающая прогулка <по огромным пространствам неистощимого мирового музея> ². Флоренция невелика – от Охотного Ряда до Белорусского вокзала – вот и вся длина или ширина ее. Но сколько на этом небольшом и тесном пространстве вековых сокровищ искусства! Прежде это была столица тосканских герцогов, теперь город в стороне [от] общего потока итальянской жизни. В Милане торгуют, служат бесконечные мессы в Риме, танцуют и поют в Неаполе, а здесь, во Флоренции, спокойно живут большей частью молчаливые коренные итальянцы. Словно все это сторожа старых зданий вечно юного искусства.

¹ Симоне Мартини является автором фрески «Маэста» (1315) в зале совета в Палаццо Пубблико в Сиене, на которой на синем фоне изображена в группе святых покровителей Сиены восседающая на троне под красным балдахинном защитница и владычица Сиены – Мадонна с младенцем. В 1330 г. Амброджо Лоренцетти создал фреску «Маэста» в капелле Пикколomini церкви Сан-Агостино в Сиене, на которой также на синем фоне изображена Мадонна с младенцем и восемь святых, предстоящих перед ее тронном. Автор сравнивает эти произведения с иконой Святой Троицы, написанной Андреем Рублевым в XV в. и хранящейся в настоящее время в ГТГ.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 34 об.

Флоренция. Дворик палаццо Подеста. Фото конца XIX в.

Из всех описаний Флоренции на русском языке останутся наиболее краткие, но и самые точные слова В. Розанова в его «Итальянских впечатлениях»: «Ну, так и есть! Цветущая, florens – Флоренция!»¹.

На темном фоне окрестных гор расцвел великолепный купол собора, изумительное творение Брунеллески, мраморный цветок рядом с одиноким стеблем, с кампанилой Джотто над всем городом². <Потому-то и прекрасен купол Брунеллески, что он строил его не с нарочитой целью удивить, а строил только исходя из бьющей через край сочной крови народа. И вышло чудесно! Тут-то, во Флоренций³> видя ее дворцы, постигаешь, что архитектура – это, прежде всего, вдохновенное искусство.

За рекой Арно, на фоне большого пышного сада Боболи серая гранитная масса дворца Питти⁴, здесь уже почти конец города и начало мощной дворцовой архитектуры.

Только это скорее крепостная постройка, да оно так и было, отсюда смотрел герцог XV века на город и площадь Синьории, где в Палаццо Веккьо⁵ совершалось правосудие.

1 Розанов В.В. Среди художников: Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 113–115.

2 Речь идет о возведенном в 1417–1436 гг. архитектором Брунеллески 8-гранном куполе из камня и кирпича над самым высоким зданием Флоренции – кафедральным собором Санта-Мария дель Фьоре, который определяет характерный силуэт города. Считается, что кампанилу собора строил Джотто.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 35.

4 Сады Боболи (итал. *Giardino di Boboli*) – знаменитый парк XVI в. во Флоренции на склонах холма Боболи за дворцом Питти (итал. *Palazzo Pitti*) – главной резиденции великих герцогов Тосканы Медичи. Дворец носит имя флорентийского банкира Луки Питти, который заказал его строительство в 1458 г. С 1549 г. он принадлежит семье Медичи.

5 Палаццо Веккьо (итал. *Palazzo Vecchio* – Старый дворец) – резиденция правительства Флоренции, находится на площади Синьории, начало строительства дворца относится к 1298 г.

В музыкальной литературе нет лучшей иллюстрации этого замка, древнего и выразительного по монументальной простоте, как небольшая характеристика, данная Мусоргским в его фортепьянных «Картинках с выставки», где архитектор В. Гартман дал серию своих акварелей, в числе их лучшей была изображающая Castello Vecchio¹. Мусоргский передал в звуках мрачные, старые залы замка, где когда-то раздавалась песнь трубадура. Так и не выходит из памяти эта песнь... И вся Флоренция – это запечатленная мрамором песнь торжествующего зодчества. Глубокое очарование! И вспомнился другой наш музыкальный гений – Глинка, давший нам романс «Бедный певец» с проникновенными словами Жуковского: «Что жизнь, когда в ней нет очарованья?»².

Впервые приезжая в Рим, теряешься в обширном океане искусства, но вместе с тем приобретаешь особое чувство осознанной удовлетворенности, ощущая силу и мощь окружающего, и сам как-то становишься крепче и увереннее. Изучать Рим нужно годами и для этого нужно жить в этом удивительном городе. Как малозначаще слово «город» в отношении Рима. Это вековое собрание человеческого гения, ибо только гениальные зодчие, художники могли создать Форум, Пантеон, Колизей, собор Петра. «Насыщенные, глубоко ушедшие в землю, на многие метры, все еще лежат остатки зданий Рима цезарей. Решительно нет никакой надобности сразу охватывать Рим, да это и невозможно! Приезжая в немецкий Ротенбург, к обеду можно зорко охватить и воспринять весь его средневековый, чисто немецкий облик; любой город северной Италии или юга поддается такому зрительному охвату, и целостное получается впечатление»³.

Здесь достаточно любого угла, чтобы замереть на месте и быть охваченным новым, совершенно неожиданным. Гравюры, фото, описания совершенно не передают сущности Рима, величайшего животворного источника искусства. Архитектору понятен масштаб зданий только здесь. Сравнения излишни, но абсолютное понятие о масштабности можно усвоить только здесь. «Рассуждать, сравнивать не приходится, только смотришь»⁴ и наслаждаешься. Ежеминутное ощущение радости жизни даже в дни, когда потоки дождя струями бегут со ступеней Испанской лестницы, прогоняя девочек и мальчишек с их пучками разнообразных цветов.

Миновать Рим нельзя, если вступаешь в Италию, но его нужно осматривать последним, «оставлять последней частью всей поэмы, которая теперь, за давностью лет, может назваться поездкой по былой Италии, той Италии, еще не знающей ужасов войны. Говорят, теперь все изменилось в Италии, и, особенно, в Риме»⁵. Теперь отчасти изменилось архитектурное лицо Рима. Уже и тогда прокладывали новые улицы и застраивали старые кварталы за Тибром новыми доходными домами. «Но вечные красоты остаются за пределами современных условий жизни»⁶.

Дворцы и виллы Рима неповторимы и далеки от уютных простеньких окраинных вилл

1 Речь идет о музыкальной пьесе № 2. Il vecchio castello (итал. – Старый замок) из цикла М.П. Мусоргского «Картинки с выставки». На создание цикла музыкальных пьес композитора натолкнуло посещение в 1874 г. посмертной выставки работ его друга – архитектора В.А. Гартмана, на которой экспонировалось около 400 рисунков, акварелей, архитектурных проектов; среди них был рисунок с изображением старого средневекового замка (не сохранился).

2 Цитируется строка из стихотворения В.А. Жуковского «Певец» (1811), положенного на музыку М.И. Глинкой (1826). (*Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем в 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 160.)

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 35 об.

4 Там же. Л. 36.

5 Там же.

6 Там же.

Флоренции, или насыщенных роскошью вилл Генуи, или безликих дворцов Неаполя, <куда, к сожалению, не попадешь из Рима, а следовало бы обратно совершать поездку. В Риме искусство серьезно, цельно и дает неизмеримую школу>¹. Приходится сожалеть, что не было тогда достаточной подготовки к восприятию античного мира, хотя бы и полуразрушенных фрагментов Форума, терм и прочих элементов классической архитектуры, <такой мощной, глубоко продуманной и так удивительно мастерски выполненной>².

Рим. Мемориал Виктора Эммануила. Открытка конца XIX в.

Утомительны были дни созерцания. Ночью, изможденный, задавленный колоссальностью и впечатлениями, с отяжелевшей головой долго возишься в неудобной постели, чтобы заснуть. О Риме написано много и все же, прочтя это многое, неудовлетворенность появляется: непередаваемое чувство] блаженства истинного созерцания ощутимого воочию Рима. <Разве это не счастье, видеть и осязать всю эту жизнь иного народа в ином городе. Рим совсем иной из итальянских городов. И тип народа иной, он резко очерчен, особенно в женщинах, не говоря об их костюме, особенно в бедном классе. Войлочная шляпа и баранья куртка не редкость. Нередко с цветистыми передниками темно-синих юбок из толстой холстины и белыми покрывалами, плоским концом заканчивающими головной убор. У неаполитанок встречаешь и темное платье богатой римлянки. Свой покррой и своя южная речь, крикливая, с неизбежным дополнением жестикующий. Я часто думал, что было бы с неаполитанцем, если бы ему при разговоре связать руки? Вероятно, он замолчал бы!>³

На крыше собора Св[ятого] Петра хорошо посидеть, наблюдая расстилающуюся площадь, охваченную берниниевской колоннадой⁴ с двумя взлетающими струями

1 Там же.

2 Там же.

3 Там же. Л. 36 об.

4 Имеется в виду работа архитектора Лоренцо Бернини – Колоннада площади собора Святого Петра в Риме (1657–1663).

неумолчного фонтана. За площадью весь город с его дворцами и церквями. За городом виллы тонут в садах, охраняемые ожерельем гор. Внизу шумный людской муравейник, а здесь, на крыше, своя жизнь: сторожа настроили здесь шалаши, натаскали земли целые ящики и посадили лук и салат. Здесь же держат даже и козу. Белье сушится, дети возятся, грязь и попрошайничество неизбежное, <как только увидят путешественника> Нужда снаружи храма, а внутри раззолоченные карнизы обрамляют роскошную громаду соборного интерьера. Св[ятой] Петр – это точка, куда сходились радиусы мировой власти католицизма.

Рим. Дворец Выставок на виа Национале. Открытка начала XX в.

Рим. Въезд в тоннель под Квиринальским холмом. Открытка начала XX в.

Неаполь. Панорама города и Везувия от могилы Вергилия. Открытка начала XX в.

Театральное зрелище католической обрядности в Риме доведено до совершенства. <(Вена копирует Рим в большей степени, чем Зальцбург, Мюнхен, и, тем более, упрощено богослужение в парижской Notre-Dame.) Только одна русская церковная служба способна была также зачаровывать народ в торжественном, но не понятном ему песнопении и чтении шестопсалмий на славянском языке>¹.

Уехал я в Неаполь. Беззаботность какая-то, видимо, среди богатой природы. Неприхотливость до нищеты. Необычайность пейзажа с вечно дымящимся Везувием. <Портичи. Узкие улицы Помпей с миниатюрными домами. Обломки колонн, остатки стен с росписью>².

1 Там же. Л. 37.

2 Там же.

Неаполь. Порт. Фото начала XX в.

Сладостное безделье, на берегу сидеть можно, не считаясь со временем, смотреть на Сорренто, на голубой флером окутанный Капри – это разнеживало и вливало чувство покоя.

Врубель писал свой замечательный занавес в театре Мамонтова исключительно охваченный впечатлением Неаполя, когда смотришь на него с плоской крыши какого-нибудь дома с нагорной стороны.

Везувий – вечный магнит, к нему тянутся все, не только любознательные путешественники, чтобы взглянуть в пасть этого чудовища, извергающего дымящуюся лаву, но и жители, лепящие хижины у подножья, среди самого сочного, сладкого винограда. Дома без окон, одна дверь освещает каменный ящик для спанья, только дверь дает свет и его довольно под жгучим солнцем.

¹ Врубель М.А. «Италия. Неаполитанская ночь». Эскиз занавеса для Московской частной оперы С.И. Мамонтова (1891).

Палермо. Городской собор. Фото XX в.

Палермо. И страж ее Monte Pellegrino¹, молчащая под городом гора².

Сор на улицах, экзотика в природе и архитектуре, переходящей в дурной вкус сгущенного украшения. Стиля нет, и не может быть на этом необычайном острове, где вечно зеленые олеандры, пальмы стелются к морю, а над ним ярко-ярко белеет снеговая вершина Этны³. Общественный сад у рейда⁴ с необычайной зеленью диковинных растений. Запах морских испарений, горячий юг – все это осталось там позади парохода, тихо отплывающего в Ливорно⁵.

Но время так незаметно летит! Уже нужно домой, где соскучились обо мне мои постройки. Сладостная грусть охватывает, когда прощаешься с этими прелестными малыми городками Тосканы, тихо дремлющими, покрываясь провинциальной пылью, заволакиваясь вечерним туманом, со звоном кампанил. Но «Ave Maria»⁶ заставит остановиться на минуту только бредущего с работы бедняка, да машинально перебирающего четки в рукаве сутаны аббата, направляющегося выпить рюмку вермута от своих «трудов».

Пора домой!

Обычно, еду за границу, я никогда не занимался специальной подготовкой по описаниям их и путеводителям, а всегда отдавался непосредственному чувству зрительных восприятий. Еще меньше было охоты педантично штудировать перед поездкой историю

1 Monte Pellegrino – Монте-Пеллегринно (итал.).

2 Монте-Пеллегринно – мыс высотой 609 м, вторая по величине вершина горного хребта Палермские горы. Находится на территории провинции Палермо, омывается водами Тирренского моря, служил излюбленным местом отдыха путешественников XVIII–XIX вв.

3 Этна – действующий стратовулкан, расположенный на восточном побережье Сицилии.

4 Имеется в виду Вилла Джулии, или сад Флора – первый публичный сад Палермо, заложенный в 1777–1778 гг. в продолжение палермской набережной – Марины по плану архитектора Николо Пальма.

5 Ливорно – крупнейший порт Тосканы, административный центр одноименной провинции.

6 Аве Мария (лат. *Ave Maria* – Радуйся, Мария) – католическая молитва к Деве Марии, названная по начальным словам, ее называют также ангельским приветствием.

архитектуры и искусства стран зарубежных, а Италии особенно. Проверять по «натуре» книжное знание хорошо, но непосредственные и неожиданные впечатления всегда острее и глубже.

А вот разобраться в этих впечатлениях необходимо, и делаешь кратковременную остановку на обратном пути на тихих итальянских озерах, <где-нибудь в Комо или Белладжио>¹.

Нужно сожалеть, что в период увлечения модерном мы сгоряча отбросили Виньолу, <без канонов, без ордера и без знания классического искусства (архитектуры) жили мы в те годы>². А как бы эти знания помогли уяснить много.

Глава 20 Старообрядцы

Поездка в Италию растрясла мой карман! Как было кстати, когда я вернулся в Москву, выиграть дело с Иерусалимским патриаршим подворьем³. На Пречистенском бульваре был огромный участок земли, выходящий в Филипповский пер[еулок] с небольшой церковью Филиппа и старым небольшим домом. Богатые и скаредные монахи-греки, владевшие этим участком, решили строить большой доходный дом. <Фанатик, славянофил старик Н.Н. Дурново, постоянно имевший дела с сербами, греками, монахами и Иерусалимом, порекомендовал настоятелю этого Иерусалимского подворья архитектором меня>⁴.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 38.

2 Там же.

3 Иерусалимское патриаршее подворье в Москве было учреждено высочайшим указом в 1817 г. (упразднено в 1917 г., возобновило свою деятельность с 1989 г.). Местом пребывания и служения представителя Иерусалимской Патриархии был определен храм во имя святого апостола Филиппа у Арбатских ворот, который с переосвящением главного престола стал именоваться храмом Воскресения Словоущего (Филипповский пер., 20). Основной доход подворье получало от сдачи в наем старых и вновь построенных зданий в Пречистенской части Москвы. С конца 1890-х гг. оно вело активную застройку участка земли многоэтажными домами и к 1917 г. Иерусалимской Патриархии принадлежал целый комплекс доходных домов.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 39.

Заказан был проект мне.

В срок я выполнил заказ и отправил чертежи и смету настоятелю архимандриту Афанасию, взял расписку в получении материалов. <На всякий случай! Уж очень жуликоваты были эти монахи-греки>¹.

Когда наступило время приступить к постройке, я получил смету обратно с предложением так ее пересоставить, чтобы цены вздуть. (Надо же подкормиться и настоятелю, и, главное, эконому, тогдашнему завхозу.) Я отказался и потребовал ввести на строительстве строгий учет материалов, рабсилы и сдать постройку подрядчикам с торгов.

Такое ведение дела было неприемлемым для этих жуликоватых монахов.

За проекты, рабочие чертежи и сметы платить мне отказались, аванса же (задатка) я в своих работах обычно не брал, да и вообще в архитектурной практике тогда это не применялось.

Знакомому моему известному присяжному поверенному М.Ф. Ходасевичу я поручил это дело.

Опытный адвокат, он сумел выиграть дело, причем монахи обнаглели до того, что в окружном суде защитник их Метакса заявил: «Никакого проекта подворье не поручало, иск неосновательный и т. д., словом, я не я, ничего не знаем!»

Ходасевич в ответ молча предъявляет председателю суда визитную карточку архимандрита Афанасия, где написано его рукой, что чертежи и смету заказанного проекта от такого-то получил. Суд, конечно, присудил мне заплатить полностью, согласно расценке экспертизы. О таком скандальном поведении греков была помещена пространная заметка в газетах.

Деньги получились вовремя, можно было работать в более спокойных условиях. А подобный случай научил меня не всегда быть доверчивым. Нужно отдать справедливость московским купцам, с которыми мне вскоре пришлось иметь дела, – они всегда рядились, прося уступить хотя бы немного, но всегда аккуратно платили. В моей практике подобных случаев более не было.

Однажды ко мне явился молодой человек Н.П. Ануфриев, пожелал познакомиться, так как он был горячим поклонником русского народного искусства и русской старины; оказался симпатичным типом русского человека. Из старообрядческой ² семьи Ануфриевых, его отец П[етр] И[ванович] был в то время председателем правления т[овариществ]ва М.С. Кузнецова (фабрики фарфора)³. С ним я тоже познакомился. Любопытный тип чисто русского самородка. Сторож при фабрике, бедняга, безграмотный, нигде не учившийся, он выбился [в люди], сам научился грамоте и, в конце концов, писал вполне грамотно. Уже будучи во главе огромного фабричного предприятия, написал две книги о производстве фарфора ⁴. Своим детям дал отличное образование, и новый мой знакомый Н.П. Ануфриев после Московского

1 Там же.

2 Старообрядчество – приверженность части русского православного духовенства и мирян к старым церковным обрядам Русской православной церкви, существовавшим до реформы, предпринятой в середине XVII в. патриархом Никоном.

3 «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» было учреждено в 1889 г. с Правлением в Москве (Мясницкая, 8/2; в настоящее время здание магазина «Фарфор»). Оно имело 8 заводов в России, среди которых наиболее известны: Фарфоровый завод Ф.Я. Гарднера, Дулевский фарфоро-фаянсовый завод, Конаковский фарфоро-фаянсовый завод, Гжель. Товарищество выпускало массовую продукцию. В 1902 г. М.С. Кузнецов получил звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Фирма неоднократно получала награды: так, на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Товарищество было удостоено высшей награды, а сам Кузнецов – ордена Почетного легиона.

4 О каких книгах идет речь, выяснить не удалось. Книги П.И. Ануфриева в фондах ГПИБ, РГБ и РНБ отсутствуют.

университета некоторое время учился за границей. Крепкий в своем старообрядчестве он стал секретарем второй Московской общины старообрядцев-поморцев, проводил их съезды и был неутомимым работником. После революции стал профессором по текстилю, области ему знакомой, чем он давно занимался. Стал бывать у меня. Привел ко мне какого-то румяного лысого молодого человека, откормленного, кругленького. Это был Елисей Поляков, сын известного И.К. Полякова фабриканта, стоящего во главе правления мануфактуры Викулы Морозова. <Окончив коммерческую академию, Елисей Поляков стал продолжать свое образование.

Вид Богородска. Фото начала XX в.

Его отец предложил ему на выбор: университет или кругосветное путешествие. Е. Поляков выбрал последнее и поехал в Америку с каким-то бывалым инженером.

Удачно съездил и в Японию, и Китай, где были торговые связи у отца. Это путешествие, конечно, образовало Елисея, и еще более он воспитал себя самообразованием.

Его жена была музыкантшей, сменила рояль на арфу, истерически кидалась из стороны в сторону. Пожелала отделать свой дом, находившийся при фабрике в Обираловке¹.

Наше знакомство укрепилось. Елисей часто бывал у меня, он увлекательно говорил, рассказывая о своей поездке вокруг света, интересовался многим и проявлял поверхностное тяготение к искусству. Дом ему я отделал, где интерьеры были решены просто, и лишь кабинет ему я сделал по типу русского теремка, с искусственным подшивным коробовым сводом, с окнами в оправе из слюды, изразчатой печью из абрамцевской майолики и большим резным панно с раскраской на тему «Корабли Садко в синем море»².

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 42.

2 Речь идет о доме Е.И. Полякова в селе Саавино Богородского уезда (в настоящее время микрорайон Саввино города Железнодорожного Московской области). Дом не сохранился – сгорел во время Великой Отечественной войны. Коробовый свод – криволинейное перекрытие с лежащим полуovalом в сечении, цилиндрический коробовый свод представляет собой систему независимых параллельных арок. Подшивной свод – потолок, прибитый снизу к балкам.

С увлечением все это я рисовал, наблюдал за выполнением всякой мельчайшей детали и часто посещал этот дом, где стал находить для себя отдых с вечера субботы и в воскресенье. Кругом был лес, пруд, все виды спорта, тогда входил в моду теннис, и увлекались игрой в русские «городки». Вскоре я перешел и к более крупной работе. Намечена была постройка старообрядческой церкви¹.

<После кошмарных дней декабря 1905 г. революция сделала свое дело. Жизнь встряхнулась>².

Пресловутые «свободы» 1905 г.³ коснулись и свободы вероисповеданий.

Еще в 1903 году появился царский манифест, где «предоставлялось всем подданным нашим и православных, и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужение по обрядам оной» (манифест 26 февраля 1903 г.)⁴.

Но этому манифесту не верили, хотя и распечатаны были старообрядческие храмы в Рогожской, до того времени закрытые правительством⁵. <Под натиском народного недовольства, под силой сложившихся обстоятельств после позорной Русско-японской войны 1904 г., когда Россия трещала по всем швам, вспыхнула неизбежная революция. Никакие кровавые меры царского правительства не могли остановить роста общественности, и “обновление” стало логически закономерным>⁶.

1 Имеется в виду храм Второй Московской старообрядческой Поморской общины (брачного согласия) в Москве, к постройке которого Бондаренко приступил летом 1907 г., освящение храма во имя Воскресения и Покрова состоялось 8 июня 1908 г. Это был первый в Москве старообрядческий храм, построенный после издания манифеста 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Храм был закрыт в 1930 г., возвращен церкви в 1993 г. В настоящее время он находится на реконструкции (Токмаков пер., 17).

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 42.

3 Речь идет о Манифесте Николая II 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», который даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

4 Манифест Николая II 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» содержал обещания частичных реформ, декларировал свободу вероисповедания.

5 16 апреля 1905 г. по повелению (телеграмме) императора Николая II было проведено снятие печатей с алтарей старообрядческих часовен (Покровского и Рождественского храмов) Рогожского кладбища в Москве и разрешено проведение в них церковных служб. Царские и боковые врата иконостасов двух храмов были опечатаны 7 июля 1856 г. по решению петербургского Секретного комитета и резолюции императора Александра II: «...так как на Рогожском кладбище священников нет и не должны быть допускаемы, если не присоединятся к православию или единоверию, то и олтари для службы не нужны» (См. об этом: Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожскою заставою. М., 205. С. 39–40).

6 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 43.

Портрет Арсения Ивановича Морозова (1850–1932) – владельца Богородско-Глуховской мануфактуры

В 1905 г. Комитет министров разработал «действительные (!) меры к устранению стеснений в области религии».

И снова царский манифест (17 апреля 1905 г.) «повелевает» (!) «присвоить наименование старообрядцев взамен ныне употребляемого названия раскольников» и предоставляется право сооружения старообрядческих церквей¹.

¹ Манифест Николая II 17 апреля 1905 г. «Об укреплении основ веротерпимости» содержал коренные изменения в вопросе веротерпимости: отменялись карательные меры против отпадения от христианства, давалось право перехода в нехристианство.

Старообрядческий храм в Глухове. Фото начала XX в.

Люди, по-своему крепко верующие, старообрядцы, загнанные в потайные срубы скитов¹, спрятанных в глухих заволжских лесах Керженца или на Севере, в Выговской пустыни, фанатики-протестанты², бегущие от новшеств в обрядности, заведенных патриархом Никоном³, этого, по определению старообрядцев, «лютого смутника, ярости злодыхателя, огня фиального, вверженного в российское море...»⁴ – эти люди старой веры

1 Одно из значений слова «скит» – небольшой поселок монастырского типа, устраивавшийся в глухих местностях бежавшими от преследования старообрядцами.

2 Протестантизм – одно из трех, наряду с православием и католицизмом, главных направлений христианства, представляющее собой совокупность независимых церквей, церковных союзов и деноминаций. Возник в Европе в первой половине XVI в. в ходе Реформации, сторонники которой получили название протестантов. Автор использует в данном случае слово «протестанты» для характеристики выступления части православных верующих в защиту старой веры. Фанатизм – слепое, безоговорочное следование убеждениям, особенно в области религиозно-философской, национальной или политической сферах, было характерной чертой раскольничества в России.

3 В 1650–1660-х гг. патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем была проведена церковная реформа, целью которой была унификация богослужебного чина Русской церкви с Греческой церковью. Были внесены изменения в церковные книги и в порядок богослужения. Реформа вызвала раскол в Русской церкви: приверженцы старых обрядов – раскольники (с 1905 г. старообрядцы) были объявлены еретиками, подверглись гонениям, им запрещалось: строить церкви, заводить скиты, печатать книги для совершения обрядов, склонять в свою веру; религиозный брак, совершенный по старому обряду, не признавался государством; было ограничено право раскольников на занятие государственных должностей.

4 Автор приводит выдержки о патриархе Никоне из сочинений видных деятелей старообрядчества С.Д. Денисова и И.Ф. Филиппова: «...всежелательнии слышателие всеусердно познати восхотят откуда убо таковая всепреужасная и лютая восташа в России и кая вина всепрезлейших схизматосмущений и кто сих многоплачевных церковных трясений новосодетель; не отгынуду откуда враг и неприятель пришедый, не варвар, ниже скиф, толь прелютыми скорбьми и неисцельно узавивый российская чада: но свой, своя Россия воспитанный, неблагодарный, многодосадительный член, (Никон глаголю патриарх) человек елико многокозненного ума толико всепредрзостного напрасньства, и огнепальныя ярости и многоколеблемаго

прятались в моленных домах от нас «нехристиан». И теперь им дозволено было строить церковь! <Свою! Со всеми обрядами! Зачем им было прятаться теперь в темные срубы?>¹

Ко мне обратился старик Поляков: «Вот вы, говорят, крепко знаете Русь, так вот церковку нам и выстройте, чтобы она была наша, своя, родная!»

Приехал я в правление Викулы Морозова, разговор пошел о месте, времени постройки, стоимости.

– Стройте поскорей (все еще было неверие к манифестам!). Место выберете вот с ним, – указал глава правления И.В. Морозов на низенького толстого и добродушного И.И. Ануфриева, называемого дядей Ваней, – он и будет следить за постройкой, что нужно, скажите, все будет...

Предложил я составить смету.

– Никакой сметы не нужно, сколько нужно, столько и будет стоить, только чтобы было хорошо!

Предо мной развернулось широкое поле деятельности, на котором я мог проверить свои силы. Появилась возможность дать новое, исходя из хороших традиций старого русского народного искусства.

Помчались грезы. Вспомнился наш Север...

Как-то внезапно, сидя в вечерние сумерки в парке в Кузьминках, где жил на даче, <куда приезжал только с полдня субботы и на воскресенье. Кругом была тишина, царившая тогда в этой “подмосковной”, где все было пропитано ампиром>², я вдруг увидел пред собой ясный силуэт шатровой, северной скромной церковки. Этот пригрезившийся силуэт я сейчас же набросил на клочке бумажки. Образец постройки неотступно был предо мной.

непостоянства, новинам и мятежам радуясь парно, уготованный от издревле на время оное и час, аще звезда спадшая по тайновидцу с церковнаго небесе на земное мудрование, аще **огнь фиальный, вверженный в российское море...**» (Денисов С.Д. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисьевичем (князем Мышецким). М., 1906. С. 8); «... всежелательнии слышателние всеусердно восхотят познати откуда таковая всепреужасная и лютая насташа в России и кая вина всепрезлейших схизматосмущений и кто сих многоплачевных церковных колебаний и трясений новосодетель; не отгинуду откуда враг и неприятель пришедый, не варвар, ниже скиф, толь прелютыми скорбьми неисцелно уязвивый российская чада: но свой и своя Россия воспитанный, неблагодарный, многодосадителный член, (Никон глаголю патриарх) **лютый смутник, огнепалный ярости злодыхатель**, полный непостоянный мятежник, уготованный ярости сосуд, от издревле на время оное и час: аще звезда спадшая, по тайновидцу с церковнаго небеси на земное мудрование». (Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 14.)

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 44.

2 Там же.

Закладка храма во имя св. Тихона Амафуссийского и Святой благоверной Анны Кашинской в д. Кузнецы Богородского уезда. Фото из журнала «Церковь» (1908. № 33. С. 988)

Приехал домой в Москву и сделал проект, не изменив нисколько задуманного силуэта. Проект понравился, началась работа.

Рисовал я с увлечением и никаким другим делом не занялся, пока не установил в рисунках и чертежах все сооружение. <Русское искусство стало реальным делом>¹.

Погруженный в мир национального старого народного творчества, выискивая из музейных коллекций и из своих впечатлений образы, я спешил с работой. Время ушло все без остатка на рисунки и заказы всех, даже мельчайших деталей наружной отделки фасада и всех деталей интерьера, розданы были все заказы столярам, резчикам, бронзовщикам, вышивальщицам².

Состоялась торжественная закладка, розданы рабочим новые красные рубахи, десятника одели в новый пиджак, поставили им четверти³ две водки.

Отец-настоятель устроил постную трапезу (был Петров пост). Монотонно пели молитву, вкусили какого-то пресного пирога с рыбой, запивая домашним квасом.

Эта церковь строилась для поморцев Общины брачного согласия⁴. Народ был

1 Там же. Л. 45.

2 Внутреннее убранство храма: иконостас, паникадила, светильники, киоты, решетки на окнах, дубовые скамьи – все было выполнено по рисункам Бондаренко, что придало храму исключительную гармонию и стилистическое единство.

3 Четверть – русская единица измерения объема сыпучих тел и жидкостей. 1 четверть жидкости – $\frac{1}{4}$ ведра, или 3,0748 л.

4 Древлеправославная поморская церковь самоопределилась после реформы патриарха Никона в середине XVII в.; она состояла из самостоятельных приходов-общин, центральных органов управления не было, соборы имели региональное значение и созывались не регулярно. В начале XX в. духовным центром поморцев стала Москва, где в 1907 г. была зарегистрирована Вторая община Поморского брачного согласия. Храм в Токмаковой переулке стал всероссийским центром поморцев, в нем происходили соборы, съезды.

серьезный по виду. Начальник строительства дядя Ваня после этой трапезы шепнул мне: «Пойдем, отец-архитектор, в трактирчик, попьем чайку». Недалеко на Разгуляе трактир «Рим». Пришли. Заняли скромный столик.

«Ну-ка, братец, – обратился дядя Ваня к половому, – подай-ка нам мадерцы, да хорошую соляночку с ветчиной устрой, сосисочек положи, да зажарь еще уточку... А теперь пока покурим и поговорим о деле...»

Обрядность была в основе этих старообрядцев. Веру свою принимали как наследственное, душевное богатство, но немногие только были глубоко религиозными. Внешний декорум соблюдался крепко, истово исполнялись поклоны, и службу справляли долго, по уставу! Унисонное пенье¹, долгое, ясное, четкое чтение своих богослужбных книг – все было соблюдаемо. Но люди жили в XX в., и все были люди города и верили крепко лишь в силу своего капитала.

Храм Святой благоверной Анны Кашинской в с. Кузнецы Богородского уезда.

¹ Унисонное одногласное пение является исконным пением Православной церкви. Унисон – одновременное звучание двух или нескольких звуков одинаковой высоты.

Фото начала XX в.

Как все они были далеки от той старой веры, за которую умирал протопоп Аввакум! И в ссылку отправлялась неукротимая боярыня Морозова!

И настоятель, конечно, все видел, но терпимостью обладал, как и все остальные, и слов осуждения не слышалось. И дочка настоятеля, причесанная по моде, глазки строит молодому франту. И европеизированная фабрикантша Морозова одела темный сарафан и покрылась белой косыночкой, и тот же добродушный дядя Ваня одел длинный старообрядческий кафтан, чинно взяв в руку свечу, смиренно шел в крестном ходе на освящении церкви, также смиренно со строгими лицами шли и остальные именитые купцы так же одетые.

Старообрядческая церковь во имя Святой благоверной княгини-инокини Анны Кашинской в с. Кузнецы Павлово-Посадского района Московской области в период реставрации. Фото начала XXI в.

Как-то один из жертвователей, купец Мозолкин, содержавший ассенизационные обозы (занимался подрядами очистки отхожих мест), одев черный европейский сюртук, расчесав длинную рыжую бороду, истово танцевал в Дворянском собрании на студенческом балу. Большой был любитель танцев!

Но были и крепко верующие, нетронутые еще старообрядцы. Когда устраивался в выстроенной этой церкви в Токмаковом переулке съезд поморцев ¹, я любовался группой людей с серьезными лицами, приехавших с далекого Севера, с Выга за серьезным делом, и съезд был у них деловой. Они были так типичны, что я упросил их запечатлеть на фото. Себе ни один из них не пожелал взять на память фото – «вражеское дело, от лукавого», а изданные общиной труды съезда повезли с собой снова в родные места.

Когда была закончена Токмаковская церковь, появились отзывы в прессе, отметившие оригинальность здания, даже в № «Нивы», единственном и популярном тогда

¹ 1–7 мая 1909 г. в Храме в Токмаковом переулке прошел Первый Всероссийский собор поморцев, приемлющих брак.

иллюстрированном журнале, появилась заметка и клише момента освящения церкви¹. <В старообрядческом журнале “Церковь” была помещена критическая заметка за подписью В.Б. (архитектор В. Борин). Меня упрекал автор, что я дал “модерн”, а не русскую церковь. Ответила община, что она в этом храме нашла себе старую церковь, хотя и в новой оболочке. И на страницах этого же журнала писал Арсений Морозов – глава воинствующих старообрядцев-рогожцев: “Дай бог больше таких храмов!”

Дом Морозовых при фабриках С. и З. Морозовых в местечке Никольское (Орехово-Зуево). Фото конца XIX в.

Архитектор В.М. Борин, вздумавший издавать журнал “Искусство строительное и декоративное” (вышли 2 номера), где я поместил свою статью об архитекторе В.А. Гартмане².

Равнодушный к похвалам и упрекам я работал, как работалось, просто, не мучая себя выдумками, а только рисуя. Карандаш сам скажет то, что нужно.

В какой-то праздник меня известили, что церковь в Токмаковом пер[еулке] желает подробно осмотреть Арсений Морозов, и просили меня ее ему показать. Имя Арсения Морозова было известно в Москве не только как главы Богородско-Глуховской мануфактуры, но и как видного старообрядческого деятеля. Невысокого роста, коренастый, лет под 60, с небольшой бородкой, с насупленными бровями, из-под которых глядели глаза, быстрые, открытые, но добрые; широкий пиджак, на жилетке длинная серебряная часовая цепочка «с передвижкой» (как у кабатчика), в высоких сапогах старого фасона.

Когда я приехал в церковь, он уже стоял у входа, обратился ко мне скрипучим сильным голосом: «Хорошо! Вот завтра приезжайте в 8.50 на фабрику. Наш поезд. Лошадь вышлю», – и разговор окончен.

¹ В журнале «Нива» были опубликованы 3 фотографии состоявшегося 8 июня 1908 г. торжественного освящения храма во имя Воскресения Христова и Покрова Пресвятой Богородицы при Второй московской общине старообрядцев Поморского брачного согласия в Токмаковом переулке в Москве. На них изображены наружный и внутренний виды храма, крестный ход во время освящения. (Нива. 1908. № 29. 19 июля. С. 512.)

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 50.

Я приехал в Богородск, и купеческая пролетка с пышным кучером доставила меня в контору. В кабинете восседал Арсений Морозов. Начал мне объяснять, что «нужен храм небольшой, но побольше (!), так человек на 500, а может и на 800, проще, хорошо бы все было, только мне ведь не угнаться за Токмаковским храмом, я человек бедный (!)». Речь отрывистая, тон командира. <Во время нашего разговора в кабинет вошла телефонистка и говорит:

– Арсений Иванович, из Москвы Вогау спрашивает о переводах на хлопок, что прикажете ответить?

А. Морозов прервал ее, оборотясь ко мне:

– Какие у нас телефонистки-то!

Она покраснела и потупилась. Девушка, действительно, была высокая, стройная, красивая, блондинка, одетая в корректную коричневую форму.

– Замуж тебе пора давно, так свертись только, скажи Вогау, что без него знают и уже переведены, прямо в Ливерпуль, через Международный¹.

Возрожденный старообрядческий храм Рождества Пресвятой Богородицы в Орехово-Зуеве, к которому в 1911–1912 гг. И.Е. Бондаренко пристроил притвор и колокольню. Фото 2017 г.

«Полагаюсь на Ваш вкус и уменье, начинайте скорей, что нужно, деньги и прочее, шлите в контору и т. д.», – обрывистый разговор окончен.

А через две недели начали постройку.

Когда я указал Морозову, что нужно разрешение губернского правления, нужно представить чертежи с расчетами (техническими), то получил ответ: «На кой черт! Жарьте так!»

«Жарить так» я не стал, а разрешение получил.

Состоялась закладка осенью. На завтраке Морозов сказал мне: «Стройте, я больше на

¹ Там же. Л. 52.

постройку не приеду, а то глаз у меня плохой, а как будет готово, скажите, тогда и приеду».

На следующий год в конце лета здание было готово, оставалось лишь внутреннее оборудование.

Я предложил поехать осмотреть постройку. Арс[ений] Морозов обошел [храм] и выразил восторг своеобразно. Когда вернулись с осмотра и сели за обед, Морозов обратился к своей жене, доброй безгласной старушке: «Ну, Любаша, на храме был. Готово. Хорошо, резонанс такой, что как наши хватят: “Слава тебе...”, чертям тошно будет!»¹.

Свою образную речь он часто усиливал словами, в печати не употребляемыми. Получивший хорошее образование, проживший несколько лет в Манчестере, знал хорошо английский язык. <Мы шли в воскресенье через территорию фабрики, подошли к калитке, заперта, сторож медлительно шел с другого конца двора, подошел в это же время и главный механик англичанин (Стоут). Разговор на английском языке, вдруг вставляется энергичная речь Арсения Морозова, обращенная к сторожу:

– Иди ты скорее, что ты идешь, ж... трясешь, живей отпирай! – и снова английский язык>².

Во всех своих мероприятиях был решителен, особенно в своей сфере старообрядчества, фабрикой он интересовался как шеф, передав все дела своим сыновьям и племяннику. Крепко налаженное правление двигало огромную машину с многотысячным рабочим населением, составлявшим особый город при г[ороде] Богородске (теперь г[ород] Ногинск) Среди рабочих А. Морозов пользовался уважением за строгость в деле и добрые проявления в жизни. К нему постоянно обращались за помощью, отказа не было. В газете «Русское слово»⁴ появился фельетон Панкратова «Арсений Теплов», где Морозов нарисован был очень удачно.

– Панкрашка, про меня в газете напечатал, врет только много, а что верно, то верно!

Как-то старообрядческий епископ Иоанн отлучил временно Арсения Морозова от церкви за то, что тот приказал попу обвенчать двух родных братьев на двух родных сестрах. В наказание, кроме отлучения, Морозов был послан епископом помолиться и просить прощения у мощей святителя Николая в г[ород] Бари в Италию.

«Ну что ж, – говорил, вернувшись, Арсений Морозов, – ничего, съездил, сто целковых день стоил! А все же обвенчал! Уж очень ребята-то были хороши».

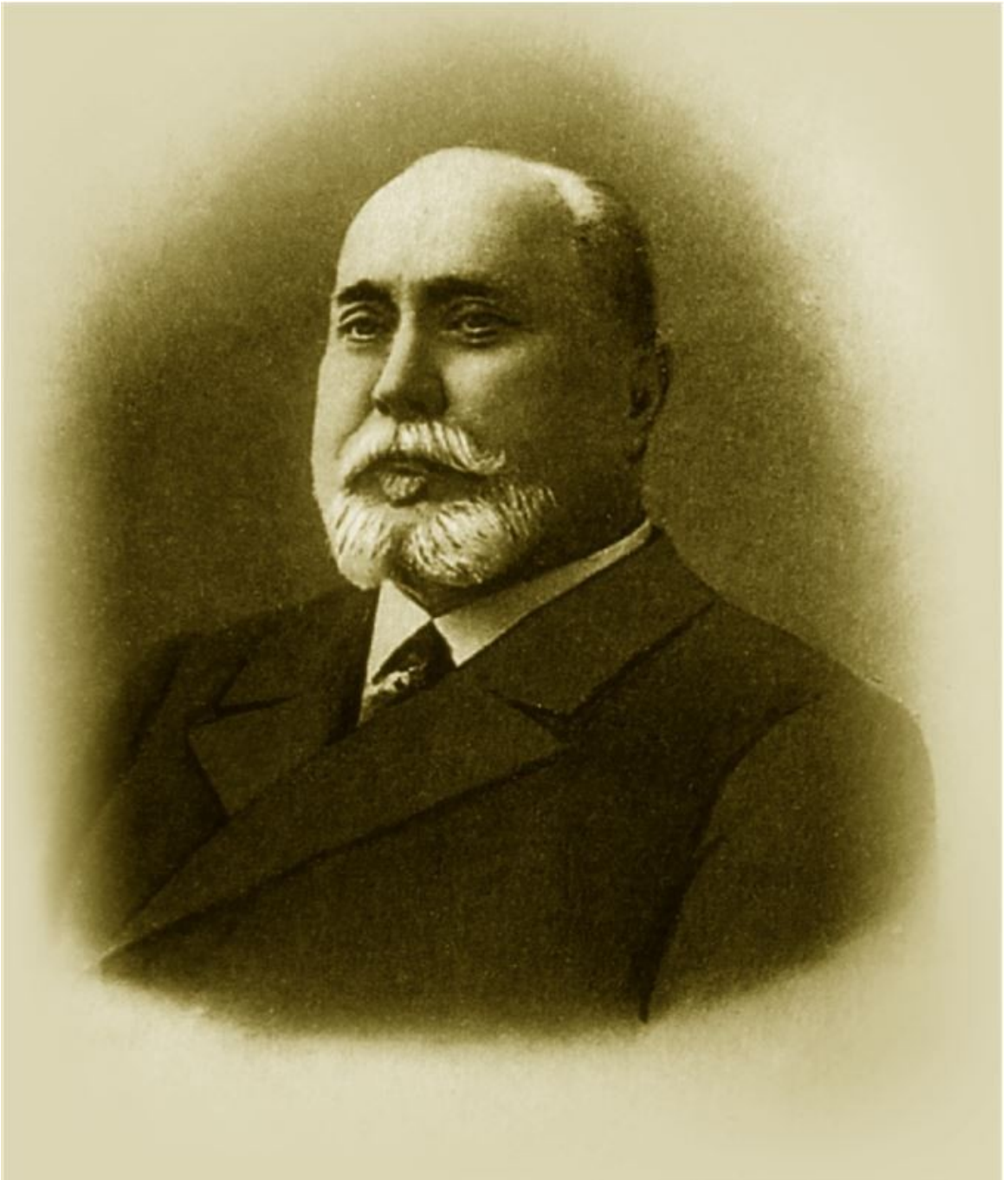
В своей старообрядческой вотчине он был полным хозяином, сам ставил попов, прогонял их, давал выговоры тут же, в церкви, даже и в православных церквях резкие [делал] замечания о неполадках.

1 В 1911–1912 гг. Бондаренко по заказу А.И. Морозова построил в Богородске городской старообрядческий храм во имя пророка Захарии и великомученицы Евдокии (тезоименитые святые деда и бабки заказчика) для Богородско-Глуховской старообрядческой общины храма Святого Николы. В настоящее время здание принадлежит Хлебокомбинату города Ногинска и используется как склад.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 55.

3 В январе 1930 г. Богородск был переименован в Ногинск.

4 «Русское слово» (М., 1895–1918) – самая дешевая ежедневная газета, редактор-издатель А.А. Александров, издатель И.Д. Сыгин (с 1897 г.), редактор В.М. Дорошевич (с 1902 г.).

Портрет Матвея Сидоровича Кузнецова (1846–1911) – владельца «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова»

Арсению Морозову вскоре я выстроил небольшую церковку в с[еле] Кузнецях в 18 верстах от Богородска, откуда был родом его отец.

Старообрядцы обращались ко мне и из Орехова-Зуева, и с Андроновки ², и из Нижнего Новгорода. Кузнецовы, владевшие большими фарфоровыми фабриками, заказали мне проект

¹ Древлеправославный храм во имя святой благоверной княгини-инокини Анны Кашинской был возведен в 1909 г. близ с. Кузнецы Богородского уезда; являлся первым храмом в России, посвященным этой русской святой. По большим православным праздникам здесь пел знаменитый старообрядческий хор А.И. Морозова. После революции храм был закрыт, в 1990-е гг. возвращен верующим, первая служба в храме была совершена в день памяти святой Анны Кашинской 25 июня 2001 г.

² Храм Никольско-Рогожской единоверческой общины (1910–1912, М. Андроньевская, 15).

церкви в с[еле] Кузнецове на Волге, близ г[орода] Кашина Иконостас был сделан из фарфора. Я давал рисунки деталей (шаблоны), следил за лепкой и давал расцветку, но традиции мастеров были так крепко установлены на рутинном шаблонном производстве. Ввести новые цвета в окраску не было возможности, а робкое их неуменье [работать] с новыми формами портило все дело, и как я не бился с мастерами, сколько не пережигали муфелей², [они] не смогли получить тех мягких красок и того сокровенного матового золота, чем отличалась майолика Абрамцева у Мамонтова.

Понять наивность русских старых форм мастера не смогли и давали ненужную металлическую правильность в орнаменте.

<На фабрику в с[ело] Кузнецово я обычно ездил до ст[анции] Завидово Николаевской (теперь Октябрьской) ж.д., откуда на лошадях верст 25. Дорога шла по берегу Волги, через прекрасный лес. На остановке в трактире около г. Кашина из экипажа я не вылезал, пока поили лошадей и подкреплялись ямщики. Попросил как-то своего спутника, подрядчика, строившего на фабрике и мою церковь, купить мне, ознакомиться, знаменитой “кашинской” мадеры.

– Что вы? Разве вам возможно пить такую мадеру! – изумился подрядчик.

– Да вы купите, хочу попробовать. Почему она продается?

– И пробовать не советую. Есть просто мадера – 65 коп. бутылка и “Дрей Мадера” – 85 коп. Я вот намерен выпил этой дреймадеры, так у меня все ухо разнесло, неделю ходил подвязанный! Разве вам можно это!

Я все же попробовал этой смеси из черники, сандала, сдобренной скверным спиртом. Напиток действительно был жестоким!³

1 Старообрядческий храм во имя Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы был заложен в 1907 г., а освящен 25 октября 1915 г. в селе Кузнецово Кашинского уезда Тверской губернии (в настоящее время г. Конаково Тверской обл.) на левом берегу реки Донховки. Церковь была закрыта в 1920-е гг., взорвана в 1936 г. при строительстве Иваньковского водохранилища, при этом был разрушен уникальный фаянсовый иконостас храма.

2 Муфель – огнеупорный сосуд в виде коробки, открывающейся с одной стороны; помещается в печи и служит для обжига фарфоровых, эмалированных, металлических и других изделий с целью предохранения их от непосредственного воздействия огня и продуктов горения.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 57.

Старообрядческий храм в селе Кузнецы Богородского уезда. Фото начала XX в.

Наряду с постройками церквей мне случилось переделать старообрядцам моленную в б[ывшем] Переведеновском пер[еулке] в глубине двора, старое ветхое здание.

Это была Первая община старообрядцев поморского согласия (беспоповцев) – брачного согласия¹.

Подбор типов был на редкость интересный. Патриархальный настоятель со всем его синклитом² был изувером, с зачесанными на лоб волосами, обросший огромной бородой, начинающейся у глаз, и глаза смотрели исподлобья из-за густых надвинутых бровей. Недоверие сплошное, оглядка, окуривание ладаном помещения после того, как я уходил. Дотронуться рукой до старых икон не было возможности, и я мог только издали делать указания в размещении икон для придания иконостасу более стройного и живописного вида, но когда хотелось выявить очарование древней русской живописи и выделить какую-нибудь икону высоких живописных ее достоинств, я наталкивался на запрет, что это нарушает чин. Попытки дать больше света в помещение моленной, чтобы заиграли краски целого богатого собрания иконописных шедевров (а таких было много), вызвали целую бурю.

– Отцы наши жили в потемках, проживем и мы, и веру соблюдем!

Так я и отступился. Наконец, освящение моленной. С большой неохотой разрешено было мне остаться, только подальше, у дверей, откуда я и наблюдал, как одетые в черные длинные кафтаны длиннородые настоятели и «христиане», как зовут они себя, истово проводили чин богослужебный³, а слева стояли рядами в тени в сарафанах с платочками

¹ В 1906 г. прихожанами Любушкиной моленной была официально зарегистрирована 1-я Московская община старообрядцев Поморского законно-брачного согласия. В 1908 г. на месте Любушкиной моленной община построила каменный храм в честь Рождества Христова и Пресвятой Богородицы и во имя Святителя Николы (Б. Переведеновский пер., 24).

² Синклит – в Древней Греции собрание высших сановников; в переносном (ироническом) смысле – полный состав каких-либо лиц, обычно высокопоставленных.

³ Чин освящения церкви – торжественное богослужение, обычно возглавляемое святителем или

белыми на головах московские купчихи, торгующие мукой. Пенье унисонное, лестовки¹, половички для опускания на колена, истовое каждение ручными старыми глиняными кадильницами – все эти аксессуары ритуала, словно перенесенного из Керженца с берегов Светлояра. <В этом песнопении, во всем богослужении чувствовалась панихида миру ушедшему. Было трогательно самотяготение к старой вере, как глубоко русскому молению, к коренной народной вере>².

Фанатизм «переведенцев» доходил до непризнания даже «токмаковцев» (2-й общины), как «отступников и табашников»³, так же смотрели эти люди XVI в. на новый храм в Гавриковом пер[ерулкѣ] и др. И действительно, у других старообрядцев я наблюдал большую терпимость, большую свободу в принятии лишь внешних форм и при чисто формальном исповедании своей веры, а по существу полное безверие или растворенность старой гущи жизни в новом потоке свежей воды. Обрядность внешняя только не меркла в этих потухающих душах – это сохранившееся бережное отношение к древнерусской живописи, выраженной в старой иконе.

В ту эпоху обновления, «свобод» возник глубокий интерес к изучению русской старой живописи. Пополнились собрания частных лиц. Третьяковская галерея отвела целый зал собранию прекрасных икон. Русский музей все правое крыло отвел под древнерусское искусство, почти сплошь из собрания икон.

Издания Н.П. Лихачева, труды П.П. Муратова в издании Грабаря, опубликование остроуховского собрания⁵, издание специального журнала «Русская икона»⁶, выставка древнерусского искусства⁷, – все это было симптомом несомненного, подлинного интереса к этому народному творчеству. А ведь это был лишь цветистый, с потемневшим золотом кусок доски, где рукой наивной, но любящей свое дело, нарисованы по иконописному подлиннику лики и пейзаж, радующие глаз.

В своих церковных постройках я вводил железобетон во все возможные части здания как материал наиболее послушный, гибкий. Невольно увлекаешься, видя выражение своей идеи в таком материале, как железобетон. Исполняла мои постройки лучшая фирма по бетонным работам «Юлий Гук»; ее инженер А.Ф. Лолейт приезжал ко мне. Подслеповатыми

священником, но по епископскому благословию. Содержанием службы является таинственное посвящение новопостроенного здания для вечного служения Богу путем особых молитв и священнодействий.

1 Лестовки – разновидность четок у старообрядцев, которые внешне напоминают гибкую лестницу и символизируют лестницу духовного восхождения с земли на небо.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 58.

3 Отступник – человек, который отступил от своих прежних убеждений, принципов, идеалов. Табашник – человек, который курит или нюхает табак, курильщик.

4 В 1906–1911 гг. Бондаренко выстроил Храм Покрова Пресвятой Богородицы Покровско-Успенской старообрядческой (Рогожской) общины белокрыницкого согласия (Гавриков пер., 29).

5 Речь идет о следующих изданиях: *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русского иконописания. Т. 1–2. Атлас снимков. СПб., 1906; *Муратов П.П.* История живописи. Допетровская эпоха [Очерк] // И.Э. Грабарь. История русского искусства. М., [1910–1913]. Т. VI. Вып. 18–20. С. 5–407; *Муратов П.П.* Древнерусская иконопись в собрании И.С. Остроухова. М., 1914.

6 «Русская икона» (СПб.; П., 1914) – иллюстрированный журнал, редактор-издатель С.К. Маковский.

7 Имеется в виду Выставка древнерусского искусства, проходившая в феврале 1913 г. в здании Археологического института в Москве и приуроченная к 300-летию юбилею Дома Романовых. Это была первая общедоступная, обширная и представительная выставка иконописи, которая имела исключительное значение для формирования нового подхода к древней иконе не только как к предмету культа и историческому памятнику, но как к художественному произведению.

глазами с неизменными несколькими очками отыскивал он на счетной круглой, в виде часов линейке нужные данные и затем постепенно подводил конструктивный скелет под мои рисунки архитектурных форм. Рождалась архитектура цельная.

Так проходили работы не только по конструированию церковных зданий, но и т[ак] н[азываемых] гражданских, жилых.

Глава 21 В Германию и Голландию¹

Оживляющие поездки за границу стали ежегодными. <В них не было педантичной последовательности, постепенного географического обзора Европы, а лишь посещения> ². На Восток меня никогда не тянуло, более близким было искусство Европы, и жизнь ее была более понятной. <Культурная страна с такой образцовой организованностью, как Германия, сразу встряхнула российскую склонность ко всем нам присущей обломовщине. Только бы не халат и туфли, но и не фрак, а скромная корректность> ³.

В купе вагона Брестской (теперь Белорусской) железной дороги, конечно, второго класса пассажиров оказалось только двое. Против меня сидел молодой архитектор Б.А. К[оршуно]в, ехавший учиться в Карлсруэ. Я обычно не знакомлюсь в вагонах, но здесь знакомство вышло само собой. Почему-то мой спутник стал делиться впечатлениями о новых постройках Москвы и, между прочим, сказал, что видел первую старообрядческую церковь где-то на Разгуляе, выстроенную каким-то молодым архитектором⁴.

¹ Поездка относится к 1912 г.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 60.

³ Там же.

⁴ Речь идет о первом в Москве старообрядческом храме, построенном после выхода в 1905 г. Манифеста императора Николая II об укреплении основ веротерпимости – Храме во имя Воскресения Христова и Покрова Пресвятой Богородицы при Второй московской общине старообрядцев Поморского брачного согласия в Токмаковом переулке (см. главу 20). Токмаков переулок находится в Басманном районе ЦАО Москвы, который назывался по площади Разгуляй.

Нюрнберг. Рынок на площади. Фото конца XIX в.

– Фамилию его забыл, но, очевидно, иностранец.

– Почему иностранец?

– Да у нас в Москве так не строят. Все закончено, все сделано аккуратно, обдуманно и даже двор весь обсажен штамбовыми низкими кустами сирени, забор сделан по рисунку. Очень оригинальная архитектура.

– Могу Вас заверить, что этот архитектор русский.

– А как его фамилия?

Дальше пришлось познакомиться. Он приглашал меня заехать в Карлсруэ. В Берлине мы провели два дня и расстались. Я поехал в глубь Германии. <Скорый поезд, третий класс с очень опрятными вагонами. В коридоре вагона на стене висит не напечатанные мелким шрифтом “правила” для пассажиров, а четкий план дороги с обозначением всех станций. Постоянный справочник “Henschels Telegraph” точно обозначает остановку, вылезаем в Нюрнберге, чтобы сразу начать обзор южно-германских городков.

Нюрнберг. Прекрасный или Красивый фонтан (Schöner Brunn) находится на Главной рыночной площади. Фото конца XIX в.

В Нюрнберге сразу пахнет средневековым немецкой культуры. В музей зайдешь полюбоваться рисунками Дюрера, где одно его “крыло голубя” надолго западет в памяти своим удивительно острым штрихом, легким и столь красивым. Кое-где тронута кистью в два тона и только, а впечатление на редкость глубокое. Целый день просидишь в лавочке около Фриценкирхе и смотришь подолгу на всю эту площадь. Нетронутый временем угол старого “славного города Нюрнберга”¹.

В центре площади [Нюрнберга], устланной плитами известняка, фонтан «Человек с

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 60 об.

гусями» – наивная работа средневекового мастера¹.

Готика, ее много в церквях и в старом замке, в башнях, во двориках, небольших, тенистых с террасами и галереями, с витыми лестницами, колодцем посреди, где и выветрившийся камень водоема, и кованое железо насоса с ведром – архаично. Это город А. Дюрера, и домик его здесь уцелел².

Только в Нюрнберге постигаешь крепкий штрих и зоркий глаз Дюрера. Весь город в таких же каменных складках, как на смятом широком немецком платье Девы Марии и других женских персонажах его картин³. Конечно, верна фактура материй – это грубо выделанный шелк и тонкое, но твердое сукно, какое и до сих пор видишь на крестьянах Франконии⁴.

Особый колорит на всем городе: серый камень, темная красная черепица высоких двускатных кровель, густая зелень, в глубине ущелья темные воды реки, – вспоминается Гофман.

Почему-то нигде не умели в Германии делать таких художественных игрушек, как здесь. Несколько лавок сплошь набитых детской радостью⁵.

Тесно разбросанные города один за другим разворачивают свиток средневековой архитектуры, сохранившейся еще в типичных постройках бюргерских домов.

1 Фонтан «Человек с гусем» (нем. *Gänsemännchen-Brunnen*, другие названия – Мужичок с гусями, Гусиный папушок, скульптор Панкрац Лабенвольф, середина XVI в.) расположен во дворе Новой ратуши в Нюрнберге. Эскиз фонтана принадлежит Альбрехту Дюреру (1500).

2 А. Дюрер родился и умер в Нюрнберге. Дом, в котором художник жил и работал с 1509 по 1528 г. (Albrecht-Dürer-Straße, 39), стал музеем в 1826 г.

3 Возможно, Бондаренко имеет в виду картину А. Дюрера «Оплакивание Христа» (1498, Германский национальный музей, Нюрнберг).

4 Франкония (нем. *Franken*) – историческая область на юго-востоке Германии, на территории которой сейчас находятся три административных округа федеральной земли Бавария.

5 Нюрнберг известен как город игрушек, традиция изготовления которых насчитывает 600 лет. Первоначально это были игрушки из обожженной глины, дерева, в XIX в. из металла. В 1900-е гг. здесь была открыта крупнейшая фабрика игрушек. Нюрнберг является родиной оловянных солдатиков, здесь впервые были созданы домики и наборы мебели для кукол.

Лоренцкирхе в Нюрнберге. Фото конца XIX в.

Здесь много дерева, и умели строить фахверковые ¹ постройки, они так долговечны. Нередко видишь вырезанную цифру, <например,² 1537 на дубовой балке-обвязке над первым этажом многоэтажного дома. <Дома эти многоэтажные и долго, и крепко стоят> ³. В соседнем городке Бамберге я видел дом из дерева и фахверка высотой в 6 этажей, считая два этажа, устроенные на деревянных кронштейнах у стен домов [уличные фонари], также и

1 Фахверк (нем. *Fachwerk* – каркасная конструкция, фахверковая конструкция) – тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит пространственная секция из наклонных (под различным углом) балок. Эти балки видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид; пространство между балками заполняется глинобитным материалом (саманом), кирпичом, иногда деревом. Фахверк появился в XV в. в Германии и стал очень популярным в Европе, особенно в северной ее части (от Британии до Польши).

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 61.

3 Там же. Л. 60.

фигурные вывески некоторых гостиниц, их-то и выбираешь вместо первоклассных, европейски безличных отелей.

Бамберг. Ратуша. Фото 1900 г.

<В большой общей комнате, столовой, отделанной старыми панелями темного дуба и дубовыми потолками, с печью из зеленых кафелей, за дубовыми столами с чистой их поверхностью восседают грузные фигуры за вечерним пивом, реже – за местным терпким вином. Наивная игра в домино или карты, редкая шутка сорвется словно с распухшего языка, местного жаргона, южно-немецкого наречья, а то сидят и без речей и сосредоточенные, ни о чем не думают; и сам сидишь, покуривая сигару, купленную в лавке, торгующей кроме табака какими-то зеркалами и галантереей, не хватает только икон, как в Устюге Великом; чаще же бакалейные лавки торгуют и табаком, свечами и двумя бочками местного вина в разлив, а также и обязательно открытками, и хотя бы краткими путеводителями>¹.

В Бамберге находится богатый замок² и чудесная церковь Св[ятого] Мартина³, построенная Андреа Поцци, наилучший образец барокко.

¹ Там же. Л. 61–61 об.

² Речь идет о замке Альтенбург (1109), расположенном на самом высоком из семи холмов Бамберга. В разное время он являлся резиденцией епископов, маркграфов, в 1553 г. во время войны был сожжен, восстановлен в 1801 г.

³ Католическая церковь Святого Мартина в Бамберге построена представителями ордена иезуитов в конце XVII в. в стиле барокко. За образец был взят храм Иль-Джезу в Риме. Архитекторами этого удивительного строения выступили Георг и Леонард Динценхоферы. Назвав имя Андреа Поцци, Бондаренко ошибся.

Бамберг. Михаэльсберг. Фото конца XIX в.

В тот год, объезжая города южной Германии, я везде встречал, начиная с вокзала и кончая мелкой лавчонкой, описания или краткие путеводители, не говоря уже о большом выборе подобной литературы в книжных магазинах. Даже в крошечном городке, как Эрланген¹ с 25 000-м населением, на одной улице я насчитал четыре книжных магазина. Правда, здесь университет², а в так называемом замке – великолепное собрание рукописей и рисунков старонемецких мастеров. <В поездах, в коридоре вагона рядом с картой Германии висит иллюстрированный путеводитель по железным дорогам. В вестибюле большого отеля на столе всякие иллюстрированные проспекты, издаваемые для рекламы. Иногда такие “тиды”, особенно в Италии, представляют собой изящно изданную книжку в 150 стр., с отличными клише на меловой бумаге. Правда, в Италии все рассчитано только на путешественников. И существовало... и прекрасный проспект, врученный мне, конечно, снабжен кроме снимков живописных мест, еще и рядом толковых, тщательно напечатанных планов.

1 Эрланген – город в Германии в земле Бавария.

2 Университет Эрлангена – Нюрнберга был основан в 1742 г. в Байройте, в 1743 г. переведен в Эрланген. В 1901 г. в нем учились 977 студентов. В 1889 г. для университета было построено новое здание, а университетская библиотека, насчитывающая 180 тыс. томов и хранящая 1 700 рукописей, коллекцию рисунков голландских и немецких великих мастеров, находится в бывшем дворце основателя университета Фридриха III Бранденбург-Байрейтского.

Бамберг. Ратуша с прилегающими мостами. Фото 1900 г.

В южной Германии путешественников не так много, как в Италии, кроме, конечно, таких больших пунктов, как Мюнхен, Нюрнберг, но и в маленьком городке Ансбах или Ротенбург такое же внимание к редкому заезжому и та же любовь к своему родному городу¹.

Возвращаясь из Бамберга (баварцы произносят: «Бамбег»), я, как русский, испытал удовлетворение. Против, на лавочке, сидел музыкант с духовым инструментом и вел разговор с соседом о концерте, состоявшемся в Бамберге по случаю какого-то праздника.

И вдруг среди разговора я слышу:

– O! Sechste Symphonie von Tschaiikowsky das ist colossal!²

И восторженный поклонник Чайковского подкреплял свою речь исполнением отдельных частей этой действительно удивительной симфонии.

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 61об.–62.

² O! Sechste Symphonie von Tschaiikowsky das ist colossal! – O! Шестая симфония Чайковского – колоссальная! (нем.)

Гейдельберг. Вид замка. Фото конца XIX в.

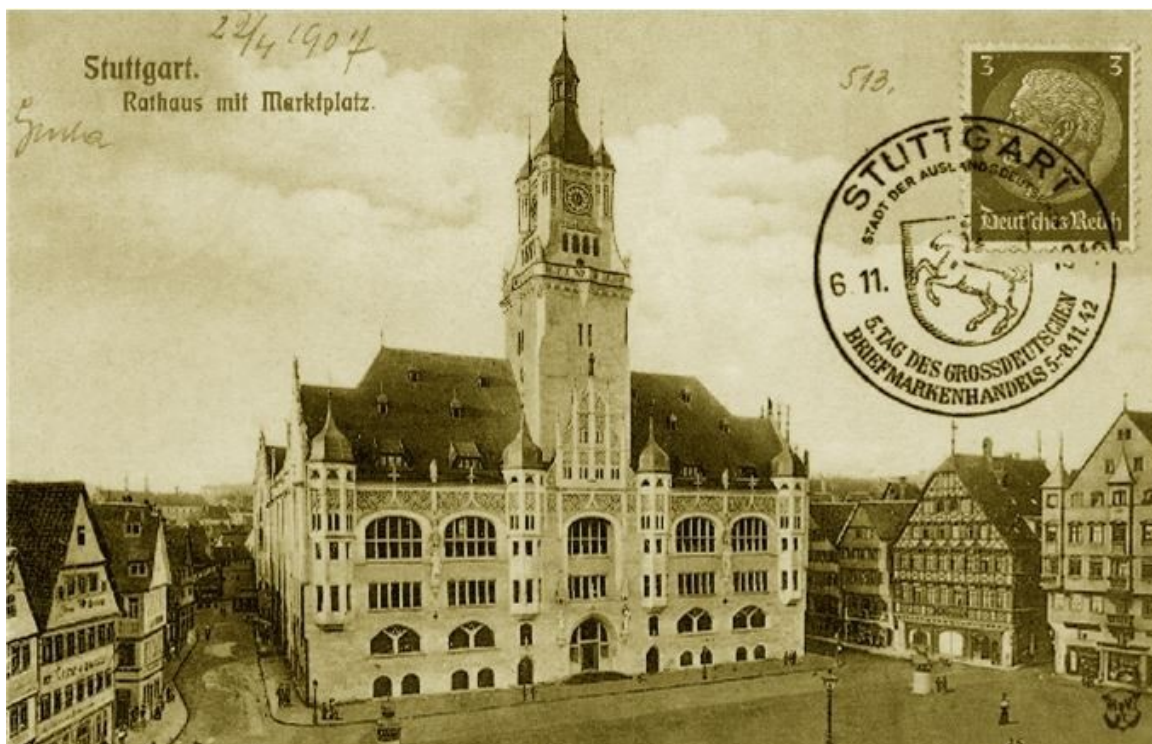
Не раз приходилось убедиться, что южная Германия несравненно музыкальнее северной. Недаром здесь и Байройт¹, куда вагнерианцы съезжаются со всей Европы. Серьезная симфоническая музыка здесь не редкость, <а рядом в какой-нибудь пивной, наполненной вечерами народом, а еще более – табачным дымом, на возвышении в одну ступеньку сидели грузные музыканты (виолончель, цитра, две скрипки) и с увлечением играли народные мотивы, при этом виолончель в паузе отпил из огромной литровой кружки пиво, вытер усы и бороду рукой, и снова смычок пошел по струнам, а во время игры здороваются со знакомыми – “Gabend” (сокращенное Guten abend).

Фокстрота тогда не было, и Европа перед Мировой войной еще пела национальные тихие мотивы или забавлялась спокойным наивным песенкам².

Городки Вюрцбург, Ансбах, Хайльбронн – это типичные вкраплины в общем колоритном пейзаже южной Германии с остатками старонемецкого искусства.

1 Байройт, также Байрёйт (нем. *Bayreuth*, бав. *Bayreith*) – город в Германии, расположенный в Баварии. Является административным центром округа Верхняя Франкония. В 1872 г. в город переехал композитор Рихард Вагнер, который сумел осуществить свою мечту, построив грандиозный оперный театр специально для представления главного в его жизни произведения – «Кольца Нибелунгов».

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 62–62 об.

Штутгарт. Ратуша на Рыночной площади. Открытка 1907 г.

Недалеко Гейдельберг с его замком – [шедевром] немецкого Ренессанса.

Город, утопающий в виноградниках на берегах голубого Неккара², весь полон ароматом горного воздуха и традициями студенческих ферейнов³. Какие типы этих буршей⁴ можно наблюдать, когда они заполняют вечером свои «локалы» (пивные), где за круглым столом данной корпорации идет клубная жизнь, над столом люстра, сделанная из оленьих рогов, а на стене большая черная доска с записями мелом долгов по истреблению пива, рейнвейна, мозельвейна⁵.

Преувеличены рассказы о пьянстве немецких студентов – за одной кружкой сидит иной весь вечер.

Дальше проехал в Шварцвальд, с городом Карлсруэ, одним из самых молодых городов Германии, основанном в начале XVIII в., почти ровесником Петербурга⁶.

Это «немецкий Версаль» с замком в центре парка, радиусом от него расходятся улицы, их немного, и весь город невелик.

Таким же новым кажется г[ород] Мангейм⁷; планировщики разбили внутреннюю часть

1 Гейдельбергский замок (нем. *Heidelberger Schloss, Schloss Heidelberg*) – главная резиденция курфюрстов Пфальца до конца XVII в., возвышается над городом Гейдельбергом на северном склоне горы Кёнигштуль.

2 Неккар – река в Германии, в федеральной земле Баден-Вюртембер, главный приток Рейна.

3 Ферейн – союз, общество (нем.).

4 Бурш – наименование члена студенческой корпорации в немецких университетах, а также в высших школах других стран, в том числе и Российской империи, принявших эту традицию. Слово происходит от названия студенческого общежития – бурсы.

5 Рейнвейн, мозельвейн – вина, получаемые из виноградников с берегов Рейна и его левого притока Мозеля.

6 По легенде, идея основать город возникла у маркграфа Карла III Вильгельма в 1715 г., когда он, утомившись от охоты, заснул под деревом на одном из местных лугов и ему приснился собственный город, который был «Карловой тишиной» (нем. *Ruhe* – тишина, покой).

7 Мангейм (нем. *Mannheim*, произносится как Манхайм) город (с 1607) в Германии, второй после Штутгарта

города на мелкие квадратные кварталы. Город бесцветный, скучный, несмотря на эффектный дворец XVIII века с большим парком. Но все это было таким холодным, временно останавливающим взор и незапечатлевающимся.

Штутгарт утопает в садах. В городском музее небогатые коллекции и собрания фарфора, живописи, останавливает внимание устроенный в начале нашего века Музей дурного вкуса².

Ротенбург. Вид старинной застройки. Фото конца XIX в.

Директор музея Г. Пацаурек собрал удивительное собрание предметов искусства и бытового обихода, где дурной вкус выражен в несоответствии материала, форм, уродливом рисунке, непонимании им назначения материала, вроде шкафа для платья с дверками из литого чугуна, сувениров, альбомных крышек с узором из волос, передачи в тканой занавеске рафаэлевской Сикстинской мадонны или наше русское изделие – серебряная сухарница

по величине в земле Баден-Вюртемберг.

1 Штутгарт (нем. *Stuttgart*, от нем. *Stutengarten* – конюшенный сад) город в Германии, столица земли Баден-Вюртемберг.

2 В 1909 г. директор штутгартского Музея прикладного искусства Густав Пацаурек открыл в музее новый «Отдел заблуждений в вопросах вкуса», в котором к началу 1930-х гг. ему удалось собрать более 900 образцов дурного вкуса в предметах прикладного искусства.

работы Сазикова в виде плетенки из дерева с наброшенной салфеткой. Глупая имитация. Целая комната, убранная с поражающей пошлостью, вроде никелированной кровати в стиле модерн с китайскими бумажными веерами и воткнутыми в них фотографическими портретами над кроватью и всяких предметов, «неизвестно что изображающих». Глубоко эстетические обоснования логики в искусстве Пацаурек изложил в своем замечательном труде «Хороший и дурной вкус в художественной промышленности» <Путем метода анализа предмета иллюстрирует он раритеты этого “Музея дурного вкуса”².

Действительно, сколько дурного вкуса окружает нашу жизнь, и как мало обращаем мы внимания на эту карикатуру культуры!

Совершенно иной мир в соседнем Гессене. Ряд небольших городков в живописных долинах. Многие дома построены из фахверка. В Аллендорфе целые улицы, ведущие к городской площади, состоят из четырех-и пятиэтажных домов фахверка, необычайно разнообразного, встречаются фасады из одного дерева и дома все старые – XVII и даже XVI в. Крыши покрыты только черепицей мутного темно-красного цвета.

Но из всех старогерманских городов останавливает внимание своим декоративным архаизмом небольшой городок Ротенбург, с остатками защитных стен еще XIII в.

Словно в ином мире, а не в Европе XX в. мы находились: трамвая в городке не было, и от вокзала конечная узкоколейная железная дорога [вела] в город, добрый километр до городских старых ворот, где старик-сторож сидел у своего домика <и встречал нас приветливым здраваньем.

Улочка проложена вдоль старых его стен, и небольшие каменные дома живописно-прихотливо разбросаны. Полная тишь на улицах, и во всем городке только 8000 жителей. Старые железные фонари висят на веревке, протянутой через улицу, полумрак, часы на башне отбивают четверти, и опять тишина.

1 Речь идет о книге: *Pazaurek Gustav. Guter und schlechter Geschmack im Kunstgewerbe* von Gustav E. Pazaurek. Stuttgart; Berlin, 1912 (в переводе с нем. «Хороший и дурной вкус в прикладном искусстве» Густава Пацаурека). Сведений о переводе книги на русский язык и издании ее в России обнаружить не удалось.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 63 об.

Кельн. Собор. Фото конца XIX в.

На таком небольшом пространстве собрано так много старонемецкой архитектуры в окружении нетронутого целостного городского пейзажа XVI века. Оттого-то здесь так убедительно живописное зодчество и церквей, и домов с красноватым фоном башен и стен, окруживших этот городок, словно от современности отгородился оригинальный остаток прошлых веков.

Все слитно воедино, начиная с церковью XIV века, кончая зданиями эпохи Ренессанса – Ратгаузом, госпиталем и “домом строителей”. Здесь Ренессанс немецкий, скромными формами не выпячивающийся на центральную (и единственную) небольшую площадь.

Нюрнберг – это сердце старой германской жизни, а Ротенбург – кровь этого сердца.

Роттердам. Субструкции железной дороги. Фото конца XIX в.

Только все едут в Нюрнберг, он расположен по пути всюду и на главной железнодорожной артерии Германии, а > ¹ Ротенбург – в стороне от главных магистралей железных дорог, не скоро в него и попадешь. Это какой-то забытый окаменелый кусок древнегерманского строительства, <окаменелая древнегерманская сказка. Нет музеев, магазинов. И только изредка попадаетесь вывеска “колониальные товары”, где отыщется что-то и современное>².

После Ротенбурга я проехал в Кельн и с чувством какой-то досады пошел по улицам этого города. Это Европа со всеми ее атрибутами. Уж очень назойливы все эти ее достижения. Огромный вокзал, театр, музеи и общественные здания, выстроенные недавно, но под старую готику, и пошлый эклектизм в архитектуре богатых домов Гогенцоллернринга³. Слишком много воздаяний почести Гогенцоллернам. Всюду банальная скульптура Фридрихов, Вильгельмов Приторно! <Есть остаток старого Кельна – одна улочка, но мало типичная; после той самобытности городского пейзажа, что видел в южной Германии, особенно после Нюрнберга и Ротенбурга – здесь пустынно. В музеях есть сокровища живописи, особенно ее старой “рейнской школы”, есть много новых мастеров, но

1 Там же. Л. 63 об.–64.

2 Там же. Л. 64.

3 Улица в Кельне (нем. *Hohenzollern Ring*).

4 Вероятно, речь идет о конном памятнике королю Пруссии Фридриху Вильгельму III скульптора Г. Блезера, открытом на площади Хоймаркт в 1878 г. Автором проекта стал немецкий скульптор Г. Блезер. В Кельне возле моста Гогенцоллернов, получившем свое название в честь немецкой графской, княжеской, королевской и императорской династии, на обоих берегах реки Рейн находятся конные статуи представителей этой династии. На левом берегу, на смотровой площадке расположен памятник Вильгельму II, который гордо восседает на своем храбром коне, пристально смотря вдаль.

меня интересовал город в целом, его ансамбль»¹.

Роттердам. Пристань. Фото конца XIX в.

Здесь пустынно. После нескольких романских церквей, испорченных ненужным подновлением неумелых реставраторов, взор невольно обращается к знаменитому собору. <Это – одно из чудес готики, парит над городом. Его видишь отовсюду. Побродил денек, посидел в холодном соборе, где> ² на светло-сером камне гладкой стены собора отражают солнце живописные цветные стекла. Такая воздушная фреска производит особое впечатление, углубленное густыми аккордами органной мессы. Купил в лавке Мария Farina рядом с собором знаменитой кельнской воды ³, так, по ритуалу, и убедился, что наш русский одеколон <Брокара>⁴ в Москве лучше, и недаром он был выставлен в числе лучших одеколонов в магазине Вейлера в Вене, где было собрано все выдающееся в мире и по части туалета.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 64 об.

2 Там же.

3 Одеколон (фр. *eau de Cologne* – «кельнская вода») – духи, созданные итальянским парфюмером Иоганном Марией Фарина, основавшим в 1709 г. в Кельне мануфактуру – старейшее парфюмерное предприятие в мире.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 64 об. Возможно, речь идет о продукции московской парфюмерной фирмы «Брокар и Ко»: получившем широкое распространение в России одеколоне «Цветочный» (1882) или о духах «Персидская сирень», отмеченных Большой золотой медалью на Всемирной выставке 1889 г. в Париже.

Роттердам. Канал в городе. Фото конца XIX в.

С массой впечатлений сел в ночной поезд, в уютный третий класс <(никогда не набитый народом, выберешь местечко поуютнее у широкого окна, завернешь ноги в плед, из кармана достанешь резиновую дорожную подушку, прикурнешь, да и проспишь)>¹, и проспал по примеру соседей, сидя всю ночь. Денег обычно у меня было немного, чтобы можно было пользоваться спальными вагонами хотя бы второго класса, и только позднее, когда заработки увеличились, позволял себе это удовольствие, но никогда не пользовался международным вагоном, и только однажды с больной ногой я должен был воспользоваться этим комфортом.

Раннее весеннее утро. Открыл окно вагона – и какая радость! Поля с цветущими тюльпанами, гиацинтами и нарциссами, как шахматная доска. Каждый квадрат засеян одним цветом. Эти мягкие тона – акварель! Удивительный пейзаж. Мы в Голландии, скоро Роттердам. Границу проехали незаметно, и никакой таможни не было. На вокзале в Роттердаме у входа сонливый чиновник, типичный розовощекий одутловатый голландец, молча мотнул головой, взглянув на мой чемодан, как бы спрашивая: «Есть что-нибудь?», – и я ему в ответ также молча покачал отрицательно головой – поняли друг друга!

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л.64 об.

Амстердам. Новая застройка бульвара. Фото начала XX в.

Выбрал незатейливый отель, бросил свой чемодан и скорей на улицу, и, прежде всего, на центральную рыночную площадь.

Какая толпа! Рынок расположен у канала, весь город состоит больше из каналов, чем из жилых кварталов.

Тут же, на рынке, и статуя Эразма Роттердамского ¹. Вот он – остроумнейший человек, взирающий так углубленно на человеческую глупость, коей и написал свою знаменитую «Похвалу»². А вокруг памятника масса тележек с зеленью, лавки с мясом и лавки с кучами рыбы, поодаль – тележки с цветами, а вот – расставлена на мостовой посуда, и какая оригинальная – все из Дельфта ³; тут и простые расписанные фаянсовые кувшины, глиняные зеленые примитивные подсвечники, тарелки с удивительно-наивными рисунками, присущими только дельфтскому фаянсу. Мы в музеях собираем «старый Дельфт», а здесь новый в старых рисунках. Торговки, торгующие какао, сидят на больших глиняных корчагах⁴, покрытых стеганой подушкой; в корчагах – горячее какао, а на длинном шесте навздеваны мелкие крендели. Из фаянсовых кружек пьют молчаливые, скорее полусонные, чем задумчивые, голландцы; много матросов в их кожаных оранжевого цвета широких штанах и в деревянных башмаках (сабо). Длинная деревянная простая скамейка, медлительно усаживается голландец, долго курит сосредоточенно длинную и тонкую белую глиняную

1 Кейзер Хендрик де. Статуя Эразма Роттердамского на большом рынке Маас-Гафенштадт в Роттердаме (1621).

2 Речь идет о сатире Эразма Роттердамского «Похвала глупости» («Похвальное слово Глупости») (1509).

3 Делфт (нидерл. *Delft*) – город и община в Нидерландах, в провинции Южная Голландия, между Роттердамом и Гаагой. В XVII в., когда Делфт переживал «Золотой век», там возникло массовое гончарное производство. Делфтские мастера имитировали изделия популярного в Европе сине-белого китайского фарфора. Помимо китайских рисунков мастера изображали на посуде и изразцах традиционные голландские пейзажи, библейские сюжеты и цветочные композиции.

4 Корчага – глиняный сосуд больших размеров.

трубочку, а затем начинает пить какао. Присел и я, больше объясняясь жестами, т. к. голландский язык понять еще можно, но объясниться на нем невозможно, тем более что слова цедят, все время что-то жуя. Попробовал мутное какао, крендели мелкие из кукурузной муки, обильно смазанные каким-то маслом, только не сливочным. <В отеле объясняться легко. Там “миннгер” лакей говорит и на немецком, и на английском языках. Кстати: я спросил себе кофе, произнося кафе1 – “кофий”, – поправил меня голландец; напрасно мы смеемся, когда говорят по-русски “кофий” – это правильное голландское слово>1.

Амстердам. Площадь Дам. Фото 1900 г.

Было воскресенье. Мальчишки его празднуют по-своему. Засунув руки в широчайшие штаны темно-синего сукна, в вязаной расшитой куртке, сбив на затылок высокую шапку и держа в своем маленьком рту огромную сигару, важно прогуливаются по главной набережной большого канала на Маасе².

Идут из церкви в широких юбках женщины в расшитых корсажах и огромных накрахмаленных чепцах, из-под которых виднеются медные украшения вроде бубенчиков.

Вся набережная в складах железобетонных, глухих, лишь с одной дверью и люками на крыше, куда спускают кранами с кораблей мешки кофе и табака. Масса кофе и табака, курят в Голландии много и всюду. <Тут же на набережной небольшие ресторанчики-кабачки, набитые главным образом моряками и рыбаками>³. Масса лодок, баржей снуют по каналам; в главном порту и большие океанские пароходы, где в мутно-зеленые воды глядят дома; узкие фасады в три, четыре этажа, заканчивающиеся ступенчатыми фронтонами, крыты черепицей светло-розово-серого цвета, огромные окна с частым переплетом затянуты кисейными

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 65 об.

2 Маас (нидерл. *Maas*, *Mac* / Мёз, фр. *Meuse*, валлон. *Mouze*) – река во Франции, Бельгии и Нидерландах.

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 66.

занавесками, схваченными посредине цветной ленточкой или закрытые наполовину внутренними ставнями. Эти дома старые, еще XVIII в., их необычайная простота и прельстила нашего Петра Великого. Он писал своему пенсионеру архитектору Коробову: «Иван Коробов, пишешь ты, что тебе ехать во Францию, того не следует, а езжай в Голландию, ибо сии места против нашей ситуации больше похоже и дома строят прочно и просто, чего и я хочу от тебя...»¹.

Амстердам. Современная застройка центра города. Открытка начала XX в.

Скученность домов, стоящих вплотную один к другому, с крошечным двориком чистым, выстланным плиткой, скорее напоминающим какой-то вестибюль. И как голландки заботятся о своих домах: утром мокрой щеткой моют цоколь дома и ступеньки наружных входов.

До соседнего Дельфта ход по каналу; видел деревни с высокими ветряными мельницами, ровные луга, насыщенные влагой, с яркой сочной зеленью, <движется по каналу оранжевый холст паруса лодки, скоро пересядешь в местный маленький вагончик железной дороги, и через 2 часа – Гаарлем>².

Гаарлем³ крошечный, всего два километра по длинному диаметру, городок чисто деревенский, несмотря на его оживленный ритмичный темп трудовой жизни.

Опять склады, тележки, мешки с кофе, рыбаки. Круги сыра из Эдама, центра

¹ Точная цитата из ответного письма Петра I И.К. Коробову от 7 ноября 1724 г.: «Иван Коробов! Пишешь ты, чтобы отпустить тебя во Францию и Италию, для практики архитектуры цивилис, во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуре нет и не любят, а только гладко и просто, и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича; о Италии довольно слышал, к тому ж имеем трех человек русских, которые там учились, и знают нарочито: но в обоих сих местах строения здешней ситуации противные места имеют, а сходнее Голландские. Того ради надобно тебе в Голландии жить, а не в Брабандии (Бельгии. – *Примеч. ред.*), и выучиться маниру Голландской архитектуры, а особенно фундаментам, которые нужны здесь, ибо равную ситуацию имеют для низости и воды, также тонкости стен...». (Голиков И. Дополнение к деяниям Петра Великого. В 18 т. М., 1794. Т. 14. С. 380–381.)

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 66.

³ См. примеч. 59 к гл. 16.

сыроделия, почему везде в Европе «голландский» сорт сыра и называется «эдамский». И цветы, цветы многовековой культуры гиацинта и тюльпана. Воздух пряный, насыщенный ароматом цветов, когда проезжаешь цветущими равнинами, и так до самого Амстердама, города Рембрандта. Кроме нашего Эрмитажа нет другого в мире большего собрания работ великого голландца.

Амстердам интернациональный город. Океанские пароходы выбрасывают разноязычную толпу; а в гавани небезопасно вечером заходить в узкие улочки, где кабаки и притоны; снуют всюду моряки, жующие табак и постоянно подкрепляющие себя «большом»¹ (род смеси джина и рома).

Майнц. Мост. Фото 1896 г.

Амстердам носит в одной части города столичный общеевропейский оттенок, но еще большая его часть сохранила свой старый оригинальный облик; также многочисленны каналы, дома иногда вырастают прямо из воды, без набережной, а набережные каналов узкие, без перил, и, возвращаясь поздно, я едва не свалился в сонную влагу.

На главной улице те же высокие фасады, часто только в два окна; конка ползет в одну лошадку, без кондуктора, а при входе висит кружка, куда и опускают стейфер² – монету в 5 сантимов, а если поздний час вечера, то вагоновожатый-кучер желает вам спокойной ночи.

Европеизм построек теряется на общем фоне голландского Амстердама.

В Амстердаме родилась ветвь нового стиля, модерна, выразителем которого является голландский архитектор Ван де Велде³. Рядом со старыми домами кое-где возникли новые

¹ Вероятно, речь идет о распространенном названии можжевелевого спиртного напитка женевер (сеневер), производимого старейшей компанией Болс (*Bols*) в Амстердаме с конца XVII в.

² Видимо, Бондаренко имеет в виду медную разменную монету Нидерландов стювер (стейвер), чеканка которой для страны была прекращена в 1809 г., но которая чеканилась еще в XIX в. для нидерландских колоний.

³ Бондаренко ошибается, связывая модерн Ван де Велде с Амстердамом. Один из крупнейших зодчих и дизайнеров интерьера рубежа XIX–XX вв., бельгийский архитектор, дизайнер, музыкант и литератор, теоретик и педагог, один из создателей бельгийского варианта стиля модерн с 1900 по 1917 г. работал и жил в Германии.

постройки, отразившие эпоху искания «нового стиля», «новой свободной школы». Но в Голландии новаторы архитектуры исходили из традиций своей голландской архитектуры, и только во внешних чертах они подражали брюссельскому фантасту-архитектору Виктору Орта.

В отделке таких новых домов всюду натуральный кирпич, даже в оформлении вестибюлей. Особая тщательность соблюдается в чистоте линий оконных и дверных пролетов, избегается излишняя «свобода» не архитектурной кривизны модерна, как и ненужного откоса и украшенности карнизов. И цветное стекло, нашедшее такое большое применение («Опалецент»¹) здесь в рамках строгого рисунка. Та же скромность и во всех деталях.

Но при всей отличной работе эти новые дома среди крепкого национального искусства Голландии напоминают разряженную столичную франтиху, случайно попавшую на провинциальный убогий бал в честь уезжающего исправника в городе Елабуге.

Страна неустанного труда, отбившая у моря землю, а у Испании свою независимость, Голландия богата, и жизнь в ней дорога. <В Амстердаме в английском магазине я купил себе серый английский клетчатый костюм с такою же дорожной кепью и в этом костюме поехал также с ночным поездом обратно в Кельн, чтобы дальше проехать по Рейну>².

Ранним весенним, теплым утром я приехал в Кельн. Все уже в зелени, на небе ни облачка. Рейн блестит, как зеркало, у пристани белый чистенький пароход, занял я место на носовой части палубы, выбрав себе удобное кресло <с локотниками, где можно и книжку положить, и бутылку поставить>³. Со мной небольшой чемодан и плед. 8 час[ов] утра, я был первый пассажир. Еду до Майнца, куда должен приехать в 10 ч[асов] вечера, значит весь день буду созерцать Рейн. Рядом поместился какой-то немец, <по виду что-то купеческое, сел и>⁴ сейчас же заказал себе яичницу и 1 бутылку кесслера⁵ (белое легкое рейнское вино). <Значит, можно и с утра пить эту оживляющую влагу рейнских берегов. Заказал и я себе то же самое. Быстро приносится столик, и завтрак готов. Организовано все отлично, чисто и плотно и>⁶ стакан для вина темно-зеленого дымчатого стекла, пузатый, старонемецкой формы. Большую коллекцию такого древнего стекла я видел в Кельнском музее и в Нюрнберге. Новое стекло отлично имитирует старые формы, не удастся лишь получить той тонкой патины, чем и отличается старое стекло и хрусталь, да грани в новом острее на ощупь.

1 «Опалецент» – в начале XX в. московская фирма стеклянно-художественных изделий, бывшая фирма Ф.А. Подпалого.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 67.

3 Там же. Л. 67 об.

4 Там же.

5 Имеется в виду игристое вино, производимое в Германии виноторговой компанией «G.C. Kessler» с 1826 г.

6 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 67 об.

Франкфурт-на-Майне. Панорама исторического центра. Фото конца XIX в.

Попробовал я настоящего «рейнского». Вино оказалось необычайно легким, с тончайшим ароматом, какого совершенно нет в тех рейнских винах, какие привозили в Москву. Оказывается, натуральные рейнские вина можно пить в их первородной чистоте только на Рейне, т. к. перевозки они не выносят и для экспорта их сдобривают салициловой кислотой, окуривая предварительно бутылки горячей серой, чтобы вино не заплесневело.

Пароход совершает только дневной рейс. Судоходство по Рейну начинается немного выше Кельна, от Дюссельдорфа, и оканчивается немного выше Майнца, в Мангейме, но этот путь – лучший плес. По пути два больших города – Бонн и Кобленц. <Собирается публика, заполняет открытую палубу. Кому же охота спускаться вниз, где большая кают-компания и столовая. И в такой теплый день только и можно сидеть на просторной палубе, без тента над головой и без наваленных тюков с товаром, через которые приходилось перелезть на голландском пароходе. Здесь все только для пассажиров, и все рассчитано на удобство. Но, видно, было немного таких удобных, комфортабельных кресел, как мое, т. к. я вскоре услышал за собой русскую речь, говорил густого тембра баритон:

– Представь себе, Женичка, не нашел такого кресла.
 – Поищи же, Васинька, – просил молодой женский голосок.
 – Весь пароход обошел и кельнера просил – нету, что хошь делай! Да вот этот клетчатый черт, может, встанет, я тогда для тебя, милая, и устрою.

Очевидно, клетчатым чертом оказался я.

– Да что ты громко говоришь, ведь он услышит!

– Все равно ни пса не поймет, разве не видишь англичанина.

На локотнике кресла у меня лежал Гид по Рейну английский, с ярко-красной обложкой, купленный еще в Амстердаме. Гид был издан остроумно, в виде большой складной гармоникой карты в крупном масштабе, где на берегах были изображены все замечательные замки, с мелким шрифтом названия и время постройки.

Я не оборачивался, и еще менее охоты было освободить удобное место.

Покуривая трубку с английским табаком, которым также запасся в Амстердаме, наслаждался я красивейшим пейзажем, согреваясь под весенним солнцем и потягивая легкое вино...

Разговор соотечественников часа через два снова возобновился по поводу столь желаемого ими кресла. Я успел мельком взглянуть. Это была милая парочка: он – высокий

брюнет, одетый богато, но безвкусно, с лицом какого-то мукомола с юга, из Херсона, а она, одетая с претензиями, по-видимому, той же породы и, судя по отрывочно долетавшим фразам, – чужая жена.

– Вот клетчатая обезьяна, – говорил он. – Словно зад-то у него клеем смазан, так и прилип, не может встать.

– Осторожней, Васинька!

Я стал вставать.

– Ну, слава богу, вот и пересядем на это самое первое место!

Неторопливо я сложил свой Гид, закурил трубку, взял плед и чемодан в руки, как бы собираясь покинуть место, и, минуто постояв, аккуратно положил чемодан и плед на кресло и пошел пройтись по пароходу, засиделся очень!

Франкфурт-на-Майне. Уголок старого города. Фото конца XIX в.

– Вот, черт-то паршивый! – послышалось в ответ.

Я шел решительно и не показывал вида, что понимаю.

Погуляв, послушал ритмический плеск колес, полюбовался чистенькой машиной паровой, где блестел каждый винтик, вспомнил и наши волжские пароходы, когда на стоянках машинист лазил с тряпкой по шатунам и эксцентрикам машины, отирая масло и наводя порядок.

И снова устроился в свое место самого первого плана, т. к. предо мной никого не было, и вид был прекрасный, а сосед-немец был уже немного сзади.

Разговор парочки стал более неосторожен. Он уговаривал ее, что Фадей Степаныч все равно в Париж придет только послезавтра, раньше не кончат сделки.

– А мы с тобой слезем в Кобленце, отлично переночуем и завтра поедем в Париж вечерком, а может, еще ночку проведем, уж, очень здесь приятно, тихо – и т. д.

Она млела и, видимо, предвкушала удовольствие, разговор перешел на шепот со смехом, игривое настроение так и сказывалось.

Я старался не слушать, но когда мы подплыли к Кобленцу, и, видя, что парочка приготовилась сходить на дебаркадер пристани, устроенный в виде помоста вровень с палубой, – я встал.

– Вот и он, кажется, сходит.

– Нет, опять положил вещи на кресло, это он так, поглядеть.

Когда парочка вышла, отдали пароходные чалки, и пароход медленно начал отплывать, я, стоя у перил палубы и глядя на парочку, провожающую наш пароход, громко крикнул:

– Желаю вам, Женичка и Васинька, повеселиться вдоволь!

– Боже мой, – воскликнула Женичка, – да ведь он русский! – и бросилась бежать по мосткам к стоявшим коляскам извозчиков. Васинька подобрал чемодан и картонку со шляпами и бросился за ней.

Я вернулся на свое место снова¹.

В сладкой дремоте смотрел, как светлые волны омывали темно-серые каменные стены замка Пфальц, так прочно и гордо стоявшего на островке при излучине Рейна². По высоким берегам густые заросли виноградников, ползущих к самому берегу, где вьется белая лента шоссе и линия железной дороги. Пустынно. И вспомнилась родная Волга с ее оживленными берегами и живописным пейзажем, хотя и без этих романтических развалин замков.

Уже в темном небе вырисовывался силуэт грузного романского собора в Майнце, и через час я заснул во Франкфурте-на-Майне.

Как изменился Франкфурт со времени, когда Гёте описывал родной город на страницах своей автобиографии «Поэзия и Правда»³.

Теперь это – огромная биржа Европы.

Древняя часть города с типичными средневековыми домами приглажена до потери аромата старины, чем полны маленькие немецкие городки южной Германии. Древние улочки тонут в шумном городе, обезличенном эклектически Ренессансом и модерном архитектуры. Новая жизнь не вмещается в старые площади, а Франкфурт оживлен и деятелен: здесь перекрещиваются железнодорожные важнейшие пути Западной Европы, здесь, на родине Ротшильдов⁴, куется деньга и упорно звенит наковальня капитала вдоль новых улиц и навсегда нарушен покой старого Франкфурта.

Какая ирония – в городе Гёте меньше всего искусства! Нельзя же считать обязательную чугунину стоящих, сидящих и скачущих кайзеров и поэтов за скульптуру. Даже даннекеровская Ариадна⁵, стоящая перед дворцом, кажется мраморным пресс-папье на столе банкира. Пантеоном города служит биржа, и улыбаются здесь люди только тогда, когда получают хороший процент на свой капитал. <Скорее хочется за город, где глаз и ухо отдохнет от назойливой деловитости торгашей>⁶.

Был концерт в зале Пальмового сада где под огромными латаниями⁸ отдыхали

1 Там же. Л. 67 об. –69.

2 Крепость Пфальцграфенштайн (нем. *Burg Pfalzgrafenstein*) – таможенный замок в Германии, по форме напоминающий корабль, расположен на небольшом острове Фалькенау посреди реки Рейн около города Кауб. Впервые упоминается в 1327 г.

3 Полное название автобиографического сочинения И.В. Гете, работу над которым он завершил в 1831 г., «Поэзия и правда: из моей жизни» (нем. *Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben*).

4 Во Франкфурте-на-Майне в 1744 г. родился основатель одной из богатейших и влиятельнейших финансовых династий Майер Амшель Ротшильд.

5 Известное произведение ученика А. Кановы скульптора Иоганна Генриха фон Даннекера во Франкфурте-на-Майне изображает Ариадну на пантере (1803–1804).

6 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 70.

7 Пальмовый сад – крупнейший Ботанический сад Франкфурта-на-Майне, расположенный на территории в 22 га на юго-западе города.

8 Латания (лат. *Latania*) – род пальм высотой 10–12 м с веерными листьями в верхней части ствола.

контрощики банков, попивая пиво и тупо слушая в обязательном порядке музыку, играющую по нотам четко и верно – и только. Какая скука и пышность!

После Франкфурта, в полутора часах езды, в крошечном городке Ашаффенбурге ¹, где всего только десять коротких улиц, разбросанных по горе среди садов, я провел вечер. Близ старого замка, в саду небольшого старинного ресторанчика группа студентов, уезжающих на весенние каникулы, устроила свой ужин; бумажные фонарики освещали молодые оживленные лица, тут были и веселые горожанки, и береты художников, гитары и пение студенческих песен, и звон стаканов живительного рейнвейна, а кругом такая декорация: мост с каменной наивной скульптурой неведомых, забытых герцогов, домики, спрятавшиеся под огромными черепичными кровлями, и старинный фонтан, где мальчишки днем пускают игрушечные лодочки, и мирно бредут редкие горожане по улицам. Нет конок, трамваев, нет и извозчиков – возить некого и некуда! <Если бы не нужно уезжать, то здесь можно прожить долго, испытывая полный отдых. Какое-то сухопутное Лаго-Маджоре!

В этой коренной Германии я увидел ее старую архитектуру во всей сохранности и видел то заботливое к ней отношение, какое и является свойством и подлинной культуры. Охранение народного искусства здесь такое грамотное и так многому научает².

Уезжавшие студенты расходились, ушел и я на вокзал, чтобы ехать на родину.

Глава 22 Ивановцы

В Москве меня ждали постройки.

Предполагалось в Историческом музее устроить новый большой читальный зал,

1 Ашаффенбург – университетский город в земле Бавария, в 35 км юго-восточнее Франкфурта-на-Майне.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 70.

3 Исторический музей (ГИМ) – Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича основан указом Александра II 21 февраля 1872 г., по ходатайству организаторов Политехнической выставки 1872 г. В 1874 г. Московская городская дума выделила для постройки музея землю на Красной площади Москвы. По итогам архитектурного конкурса был выбран проект архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова, который начали осуществлять в 1875 г. В 1878 г. строительство возглавил и в 1881 г.

отделение для рукописей и ряд кабинетов для ученых занятий. Библиотека, читальный зал музея были размещены в верхних неудобных залах. Огромная аудитория долгое время была в Москве единственной большой для всякого рода публичных лекций. Аудитория занимала три этажа, была устроена из путаной конструкции железа с деревом с подшивным утепленным потолком.

К этому времени в Москве уже были [аудитории]: большая аудитория Политехнического музея, аудитория Университета Шанявского на Миусской площади, переделана была большая аудитория Московского университета, и не было надобности в такой неудобной и устарелой аудитории Исторического музея.

Освободившееся пространство перекрыл я железобетонным сводом, получился большой читальный зал, под ним – отделение рукописей, а из ряда темных закут[ов], коридоров и мелких помещений устроил удобные и светлые кабинеты для ученых занятий.

Центр Иваново-Вознесенска. Фото начала XX в.

Отделку читального зала с подвесным железобетонным сводом я находил наиболее уместным выполнить в скромных формах ампира. Устаревшее и неуместное для музея духовое отопление переделал под пароводяное с устройством вентиляции. Никакого инженера-конструктора при работах не было, и был у меня единственным консультантом по

завершил архитектор А.П. Попов. Он оформил 11 музейных залов, и 27 мая 1883 г. музей был открыт. Интерьеры еще нескольких залов в 1890-х гг. были оформлены по проектам архитектора П.С. Бойцова. В 1911–1912 гг. по проекту И.Е. Бондаренко было выполнено оборудование и отделка читального зала музея.

1 Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского – муниципальное учебное заведение, основанное на средства генерал-майора А.Л. Шанявского и его жены, Л.А. Шанявской. Шанявский завещал все свое состояние (более миллиона рублей) на создание университета, носившего его имя, действовавшего в 1908–1920 гг., открытого для всех, независимо от пола, вероисповедания и политической благонадежности. В университете было два отделения: научно-популяризаторское и академическое. На первом 4 года учились лица, не получившие среднего образования, на втором – в течение 3 лет слушатели по выбору проходили полный университетский курс по циклам естественных и общественно-философских дисциплин.

железобетону инженер А.Ф. Лолейт и инженер Н.Х. Дзирне – по железным работам. В то время архитектор являлся единственным начальником и вершителем постройки. Начальство музея в работы не вмешивалось. Хозяйственную сторону вела бухгалтерия, за работами неотлучно наблюдал опытный старый десятник, сам же я бывал на постройке ежедневно, и все чертежи выполнялись у меня в чертежной по моим указаниям. Работать было легко, а ответственность за хорошее выполнение окрыляла, и перестройка вышла удачной.

Вознесенская церковь в Иваново-Вознесенске. Фото начала XX в.

Я не готовил себя строителем церквей, но вышло само собой, что наряду со старообрядческими церквями пришлось заняться и другим церковным строительством; чисто архитектурные задачи побудили меня согласиться на предложение из г[орода] Иваново-Вознесенска перестроить большую Крестовоздвиженскую церковь¹ и собор в г[ороде] Шуе (Владимирской губ.)². В работах по Историческому музею и [на] этих двух перестройках интересы художественные отошли на второй план, и [мне] представилась возможность применить новое в конструкциях и вытекающих из них формах.

Я поставил одно условие моим заказчикам, чтобы для успешности дела никто из них не совался бы в работы, все распоряжения должны исходить только от меня, как архитектора данной постройки, и даже на леса я их неохотно пускал.

Но зато предварительно были обсуждены все детали, и никаких невыясненных мест не было. Нестесненность в средствах значительно облегчала строительство и упрощала. <Рабочие же в дореволюционное время всецело находились в руках подрядчиков. Аппетиты же подрядчиков сразу сдерживались сметой, как, например, при работах Исторического музея (“казенная” работа) и предварительными соглашениями путем торгов (конкурса

¹ См. примеч. 23 к гл. 16.

² Главный собор Шуи – Воскресенский собор (1792; 1810–1832), в котором хранилась святыня – икона Шуйско-Смоленской Богоматери, с написанием которой связывают избавление Шуи от эпидемии чумы в 1654 г. С 1930-х гг. считается утерянной.

подряда)>¹.

Требовалась отличная работа, и цены были высокими. Были случаи, когда я отказывался от работ, видя, что заказчик не согласен на настоящие цены – значит, не согласен и на хорошую работу.

Много работ я не брал, чтобы не зарываться, брал только те, что были для меня интересными. <Но и подрядчики всегда старались надуть заказчика. Счета писались с преувеличенным количеством работ или необоснованными их расценками. В подобных случаях мои помощники тщательно проверяли их количество, а регулировало расценки так наз[ываемое] официальное издание “Урочное положение” – жупел для подрядчиков. Красными чернилами я вычеркивал накинутые лишние цифры, тогда шли жалобы на меня заказчиком, что арх[итекто]р “уж очень строг, обижает, хоть умирай!”

– Что же это, помилуйте, сколько скидывает? – В результате же подрядчик оставался в барышах и просил: “Не оставьте вашим вниманием и в будущем!”>²

Всякого рода церковные постройки в то время разрешались двумя инстанциями: сначала духовной властью (архиереем³), затем губернским инженером, куда представлялись чертежи, только обязательно основные и наклеенные на коленкор и сложенные в форматки⁴. Чертежи конструкций представлялись лишь в особо важных случаях.

Перестройка церкви в Иваново-Вознесенске и явилась случаем редким. Выстроенное в середине XIX в. огромное, но тесное это здание было очень плохой архитектуры: прямоугольник с высокими гладкими стенами, огромные восьмигранные трибуны глав, своды подперты внутри массивными квадратными столбами, <превратив все внутреннее пространство в какую-то чашу. Новое здание было бы выстроить интереснее, но не согласились прихожане, и решена была только перестройка, с условием дать внутри простор, оставив всю наружную архитектуру, прибавив только переднюю часть для вестибюля и хор. Я выкинул тяжелые кирпичные своды и все столбы, а под массивные кирпичные трибуны шести глав подвел железные фермы и к ним подвесил легкий парусный свод. Свод был устроен железобетонный и подвешен системой шарниров во избежание деформаций>⁵.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 72.

2 Там же.

3 Архиерей (греч. *archiereus* – старший священник) – общее название для священнослужителей высшей (третьей ступени) христианской церковной иерархии: епископов, архиепископов, митрополитов.

4 Форматка – лист чертежа определенного формата.

5 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 72 об.

Церковь Воздвижения Креста Господня. Фото 1925 г.

Церковь я переделал в большое помещение, светлое, высокое, с хорошей акустикой.

Но мои конструктивные новшества озадачили губернского инженера Сальмановича, боявшегося на свою ответственность разрешить такую конструкцию. Пришлось съездить в Петербург, в Строительный комитет Министерства внутренних дел¹ – высшую инстанцию по важнейшим вопросам строительства. Там убедились в полной возможности предложенной мною системы, и губернскому владимирскому инженеру оставалось лишь проверить технические расчеты.

Простора для решения декоративных задач в этой перестройке не было, [я] отвел душу, только дав рисунки росписи сводов и стен, где орнамент и тематические сюжеты рисовал в духе ярославских росписей XVII в., <где ярким образцом, глубоко художественным, остаются церкви в Ярославле: Иоанна Предтечи в Толчкове, в Коровниках и ц[ерковь] Ильи Пророка>².

¹ Техническо-строительный комитет (ТСК) был учрежден в МВД России в 1865 г., занимался технической частью и строительством гражданских построек, подготовкой инженеров, составлял планы и проекты подведомственных МВД сооружений особого значения и сложности, рассматривал и утверждал проекты, планы городов, представляемые из губернских управлений, разрешал споры, производил ревизии проектов и технических отчетов, создавал комиссии известных архитекторов для решения сложных и спорных вопросов.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 73.

Шуя. Крестовоздвиженская церковь. Открытка конца XIX в.

По делам этих построек приходилось быть во Владимире. Интересный происходил там разговор церковного старосты и главного жертвователя с секретарем консистории ¹, носившим фамилию Переборов, оправдывающую его манеру ведения дел.

– Так как же, Степан Кузьмич, насчет нашего дельца? – вопрошал староста.

– Да вот, как уже благоугодно будет его преосвященству с резолюцией.

– А скоро ли?

– А от вас зависит. – Переборов приподнял брови и смотрел в сторону.

– Да за нами дело не остановится, мы всегда готовы, понимаем, что хлопот вам много доставляем.

– Да ведь «понятия-то» я вашего еще не вижу.

Тогда староста спокойно лезет в бумажник и передает «понятие». Переборов также спокойно берет пачку кредиток, пересчитывает и, не торопясь, говорит, что тут маловато.

¹ Консистория (лат. *consistorium* – место собрания, совет) – в Русской православной церкви учреждение при епископе по управлению епархией.

Шуя. Ковровская улица. Открытка конца XIX в.

– А остальная половина при получении резолюции, – поясняет староста.

– Переночуйте в гостинице, а завтра я туда Вам и принесу резолюцию так часиков в одиннадцать.

В длинном корпусе Владимирского губернского правления затхлость долголетия. Те же коридоры, столы, желтые шкафы с делами, что и при Герцене¹ были, только люди были иные, но много оставалось их со старыми повадками.

Губернский инженер терпеливо, от нечего делать проверял мои расчеты и сметы железных перекрытий, долго продержал меня во Владимире, наконец, согласился, что введенная конструкция, хотя и новая, но правильная и одобрил ее. Тихий городок Владимир на высоком берегу Клязьмы окутан был особой сонливостью и безлюдьем. Два древних собора XII в., настоящие перлы русского зодчества, украшенные неразгаданной еще наивной скульптурой, напоминающей старороманские барельефы В гостином дворе приказчики играли в шашки, сидя на сундуках; посреди пыльной улицы стоял воз с сеном, мальчишки играли в чехарду; на углу главной улицы одинокий извозчик спал в пролетке, уткнув голову в колени; в садике перед старым зданием Дворянского собрания коза невозбранно обгладывала кору чахлого деревца; [рядом] почтовая контора с дверью, обитой холстиной и визжащим блоком на веревке; на углу мелочная лавка с продажей сена, овса и хомутов, с вывеской, где нарисован был белый конь, вздыбленный на задние ноги и с яростью пожирающий пучок сена – и из ноздрей идет пламя! Когда я стал фотографировать это любопытное произведение, вышел лавочник, почтительно поклонился и осведомился, что это я снимаю, и предложил: «Уж лучше меня снимите, чем жеребца на вывеске».

<Тихо текла там жизнь, и дремали два древних собора давнего искусства XII в., редчайшие перлы русского зодчества, украшенные не разгаданной еще наивной скульптурой,

¹ А.И. Герцен прожил в ссылке во Владимире более двух лет, с 1838 г. по весну 1840 г.; здесь он служил советником при губернском правлении, редактировал первую местную газету «Владимирские губернские ведомости».

² Речь идет о древнейших храмах Владимира, украшенных резьбой. Дмитриевский собор был возведен в 1191–1197 гг., его стены украшают около 600 рельефов, изображающих святых, мифических и реальных животных. Успенский кафедральный собор был построен в 1158–1160 гг. Внутри собора, в пятах подпружных арок столбов помещены горельефные изображения львов, высеченные из белого камня.

напоминающей старороманские барельефы»¹.

Дремотная жизнь, все оттягал деятельный промышленный Иваново-Вознесенск.

В Шуе я перестраивал собор ² также на средства старосты, богатого купца Пухова. Перед тем как строить, происходил разговор в московском амбаре известного также шуйского фабриканта М.А. Павлова или как произносили его фамилию в Шуе – Павлова, крупного миллионера, являвшегося равным пайщиком в затратах на постройке собора.

Я предложил составить смету.

– Да ты прямо говори, без сметы – что будет стоить? – обратился ко мне Пухов.

Я затруднился назвать огульную цифру, мне помог староста, взяв счеты и отложив толстым корявым указательным пальцем единицу, начал считать:

– Скажем, перестройка старого обойдется рупь – а нового сколько?

– Конечно, дороже вдвое.

– Скажем, два. Так ведь, Михаил Ликсеич?

– Конечно, так. Ну, давайте новый, – решил Павлов.

– А насчет денег мы так скажем, – староста опять взял счеты, опять отложил костяшку.

– Вот, скажем, идет мой рупь, а вот твой, так ведь? – обратился он к Павлову.

Шуя. Торговая улица. Городские ряды. Открытка конца XIX в.

– Конечно, так.

– Ну и давай, строй новый, а сметы твоей не нужно, сколько следует и заплатим.

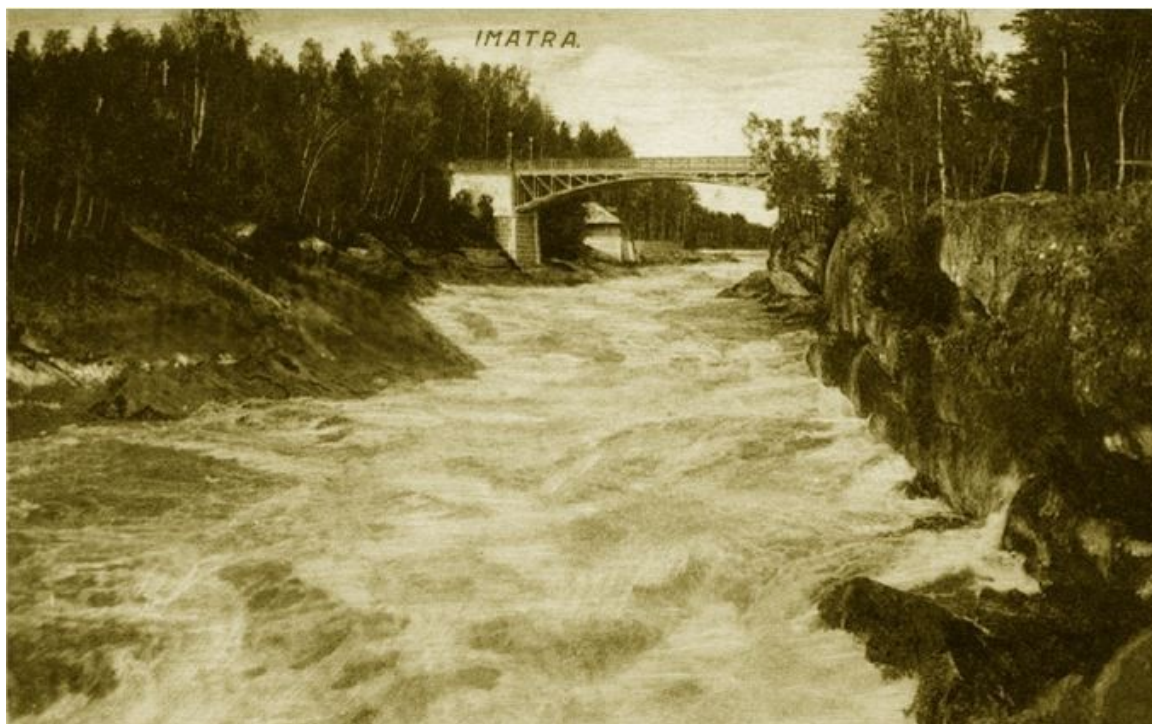
Но пришлось только перестраивать собор; шуйская постройка была очень сложной и огромной, требовавшей постоянного надзора, для чего в Шуе жил мой очень опытный

¹ РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 74.

² В 1912–1913 гг. на средства старосты П.Х. Пухова и М.А. Павлова Воскресенский собор в Шуе подвергся реконструкции и расширению. С западной стороны была пристроена двусветная паперть-притвор с тремя свежезолоченными главами, в которой были устроены два придела в честь Воскресения Христова и Успения Божией Матери, приделы были освящены в 1914 и 1916 гг. В западной части над папертью размещались высокие хоры. В южной пристройке расположились ризница и библиотека. В 1937 г. собор был закрыт, здесь размещались склады. Все восемь глав собора были сняты. В 1991 г. Воскресенский собор был передан Русской православной церкви, в нем возобновились богослужения. 27 сентября 1991 г. он был приписан к Свято-Никола-Шартомскому монастырю (указ № 474), в настоящее время является монастырским подворьем.

помощник, и сам я часто наезжал, вырывая время для поездок в другие места, как, например, в Кинешму, где также начиналась постройка <церкви>¹ на фабрике Кинешемской мануфактуры².

К концу лета строительные мои дела сложились благоприятно: технические чертежи были изготовлены еще за зиму, в мастерской шла работа только по рисункам деталей, на постройках законченные железобетонные работы стояли в опалубке, кладка заканчивалась – словом, свелось все к наблюдению. Август мог быть свободен, и я решил урвать месяц и съездить в Финляндию, в Ханго³, надеясь принимать там хвойные ванны, <но эти ванны мне не понравились. Махнул я рукой на этот рассол, который размешивает женщина голая, с одним лишь передничком, входящая в помещение, когда сидишь в ванной, и отправился я пароходом в Швецию, в Стокгольм>⁴.

Иматра. Водопад. Открытка начала XX в.

От Москвы до Финляндии близко, одна ночь езды поездом, а далее в 2 ч[аса] дня можно уже сидеть на берегу водопада Иматра⁵. И все же так редко пользовались своеобразной красотой интересного края.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 74 об.

2 Большая Кинешемская мануфактура на реке Томне – крупное текстильное предприятие города, в начале XX в. преобразована в Товарищество.

3 Ханго (фин. *Hanko*, швед. *Hangö*, ранее по-русски Гангут) – самый южный город Финляндии. Расположен на южной оконечности полуострова Ханго и окружен морем с трех сторон. Поездка Бондаренко в Финляндию, Швецию и Норвегию состоялась, скорее всего, в 1904 г., о чем свидетельствует его рассказ о встрече с Г. Хазелиусом, скоропостижно скончавшимся 26 февраля 1905 г., и о посещении Культурно-исторического музея в Осло, открытого в 1904 г.

4 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 74 об.

5 Иматра (фин. *Imatra*) – небольшой финский городок, расположенный рядом с российской границей. С 1743 г. (присоединения Финляндии к России) городок и водопад на Сайменском канале в его центре стали одними из самых популярных мест отдыха российской знати.

Задумчивые озера; спокойное зеркало вод, таких свежих и чистых, отражающих высокие сосны; огромные валуны, поросшие мхом и лишайниками ярко-красного цвета; лесная глушь, рядом крестьянские дворики и дачки с голубыми и зелеными ставнями.

Медленно движется пароход по сети озер с бесконечными шлюзами вплоть до Вильмандстранда¹, откуда еще медленнее везет таратайка в одну лошадку до городка, раскинувшегося по берегу.

Медлительный темп речи с паузами, <но не ленивый, а сдержанно-действенный темп во всей жизни этого трудового народа, где и маленькие дети уже приучаются к труду, плетут корзиночки и выносят продавать их на станции>².

Иматра. Отель на берегу зимой. Открытка начала XX в.

Русский язык финляндцы понимают, а говорят плохо и только по необходимости. <Трудно научиться хорошо иному языку, да еще такому чуждому, как русский; и для романских языков наш язык труден, а финну, с его особым языком, – особенно>³.

Путь в Ганге лежит через Гельсингфорс⁴, город уже обстраивался новой архитектурой талантливого зодчего Сааринена, уже Аксели Галлен закончил свои фрески на стенах Национального музея⁵, где Эдельфельд – финский Репин и скульптор Вальгрен красовались своими работами. Целая улица обстроена интересными домами новой архитектуры, [так называемого] «северного модерна», совершенно иного в сравнении с модерном остальной Европы.

1 Вильманстранд или Лаппенранта (фин. *Lappeenranta*) – город Выборгской губернии на южном берегу озера Лапвеси, принадлежащего к системе озера Сайма.

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 75.

3 Там же.

4 Гельсингфорс (фин. *Helsinki*, швед. *Helsingfors*) – теперь Хельсинки, столица и крупнейший город Финляндии.

5 В 1928 г. Аксели Галлен-Каллела выполнил на стенах вестибюля Национального музея в Хельсинки панно на темы «Калевалы».

Строгие формы, в основе которых национальное искусство.

Любопытна толпа в столичном Гельсинки (тогда – Гельсингфорсе): старики сидят на скамеечках, покуривают трубочки-«носогрейки», горожанки, взявшись за руки, гуляют попарно; дети молчаливо играют в саду; цвета их костюмов яркие – это действительно «живые цветы природы»¹, как говорил М. Горький. На склоне горы – зоологический сад, несколько необычный: по дорожке пробирается павлин, а из куста выглянула мордочка молодого лосенка и скрылась; зверье здесь было не в клетках, а на свободе. <Дальше Гельсингфорса до Ганге природа еще живописнее>².

Гельсингфорс (Хельсинки). Набережная. Фото начала XX в.

Крошечный Ганге сполз к морю, здесь уже не Финский залив, а Балтийское море, серое, пустынное; с горизонта тянутся облачка, <на прибрежных высоких скалах одинокие лавочки, под ногами шумят с плеском волны>³, народу мало, путешественник здесь редок, и его не встретит ни портье гостиницы, ни даже носильщик – такого типа здесь и не имеется.

Из Гельсингфорса мы приехали пароходом, матрос вынес на узкий мол пристани чемоданы, поставил и ушел обратно. Пароход ушел далее, немногие пассажиры ушли, носильщика никакого нет, нет и сторожа. На берегу тоже не видно ни души. Показался какой-то портовый чиновник, нет даже сарая с камерой хранения.

На ломаном языке он объяснил нам, что можно все вещи оставить на пристани, а из гостиницы [придут и] перенесут вещи.

Двухэтажные деревянные домики, в одном из них гостиница.

¹ Точная цитата из рассказа М. Горького «Бывшие люди» (1897): «Дети – живые цветы земли...» (Горький М. Полн. собр. соч. в 25 т. М., 1969. Т. 3. С. 286).

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 75 об.

³ Там же.

Хельсинки. Набережная. Фото начала XX в.

Деревом отделаны стены комнат, деревянные лестницы, всюду дерево и такая хорошая красная сосна, и лиственница, обладающая гладкой поверхностью, словно полированная. Дерево здесь – всеобщий материал, и строят хорошо и по-своему. Стены домов рублены только из брусьев, а сараи – из пластин.

Рубка «в угол», «в лапу» но система своя и не шведская, как я увидел дальше, ознакомившись с архитектурой Швеции. Черты самобытности лежат в финском народном искусстве, <и никакое шведское многовековое завоевание, тем более русское присоединение целого края и целостного, сплоченного народа, не в состоянии были сгладить черты самобытной культуры.

Честность оказалась здесь обычным, врожденным качеством, вполне естественным².

Мы дошли пешком до гостиницы; никакого извозчика нигде не было; выбрали себе комнату. Прошел добрый час, брошенные на произвол судьбы спокойно лежали на притани наши чемоданы, а вблизи – ни души. <Как-то, уходя из гостиницы утром, я увидел на перилах лестницы кучу денег (серебряных финских марок), возвращаясь вечером, видел эту же кучу нетронутой; то же явление и на другой день. Я спросил, “фрекен” объяснила, что “один господин поехал на два дня в Або, это сдача ему с покупки, а комнату он запер”³.

¹ Рубка «в угол» или «в лапу» (чаще употребляется) позволяет максимально эффективно использовать всю полезную длину бревен – особенностью такого соединения является отсутствие выступов за пределами углов сруба. Это более трудоемкий способ рубки, требующий тщательной укладки элементов, чем рубка «в обло» (в чашу), при которой концы бревен выступают за периметр сруба на 25–30 см.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 76.

³ Там же.

Хельсинки. Порт и Успенский собор вдали. Фото начала XX в.

Мирное, тихое житие финнов в Ганге, служившем тогда дачным местом для столичного Гельсингфорса.

В долгие северные сумерки, когда так медленно гаснет закат, выходит народ отдохнуть на скамеечках в городском саду; длинные, метров в 5 скамьи из гибкой сосны, на скамье сидят дети и взрослые и медленно качаются. Любят везде качели, особые переносные и удобные.

Никаких развлечений, когда в городском саду, центре общественного гулянья, играет жидкая музыка и плохая, <аккуратно после каждой пьесы направляясь к буфету выпить пива и съесть... тонкую лепешку из серой муки с солью>¹.

Пароход финляндского общества «Улеборг»² (он погиб во время империалистической войны) отвез нас в Стокгольм. Путь лежал с заходом в Або³ и далее через Аландские острова до Стокгольма. Пароходы небольшие, удобные, каюты общие, небольшая столовая и небольшой салон; все предусмотрено, но просто, как и везде в Финляндии.

1 Там же. Л. 76 об.

2 Название общества «Улеборг» происходит от одноименного шведского названия финского города Оулу – старейшего города Северной Финляндии. Имя парохода установить не удалось.

3 Або (швед. *Åbo*; фин. *Turku* – Турку) – город и порт, расположенный на юго-западе Финляндии у впадения реки Аурайоки в Архипелаговое море.

*Хельсинки. Вид на лютеранский Кафедральный собор Святого Николая.
Открытка начала XX в.*

Проплывали Аландские острова ночью, поднялась сильная качка, море было бурливо. Я мог наблюдать, как линия горизонта морского опускается и поднимается против линии перил на добрый метр. Качка усилилась, волны стали заливать палубу, нужно убираться вниз, в столовую, откуда постепенно выходили из-за стола те, которых укачивало. <И в столовой устроено по-фински. У столика два никелированных сосуда с кранами, в одном – коньяк, в другом – водка, тут же стаканчики и нарезанные пополам лимоны. Выпьете сами, никто вам не подаст, а сколько выпьете – потом отдадите девушке при расчете за еду, т. к. на этих пароходах, совершавших рейсы из Петербурга в Стокгольм и обратно, билет оплачивал лишь проезд, без продовольствия>¹

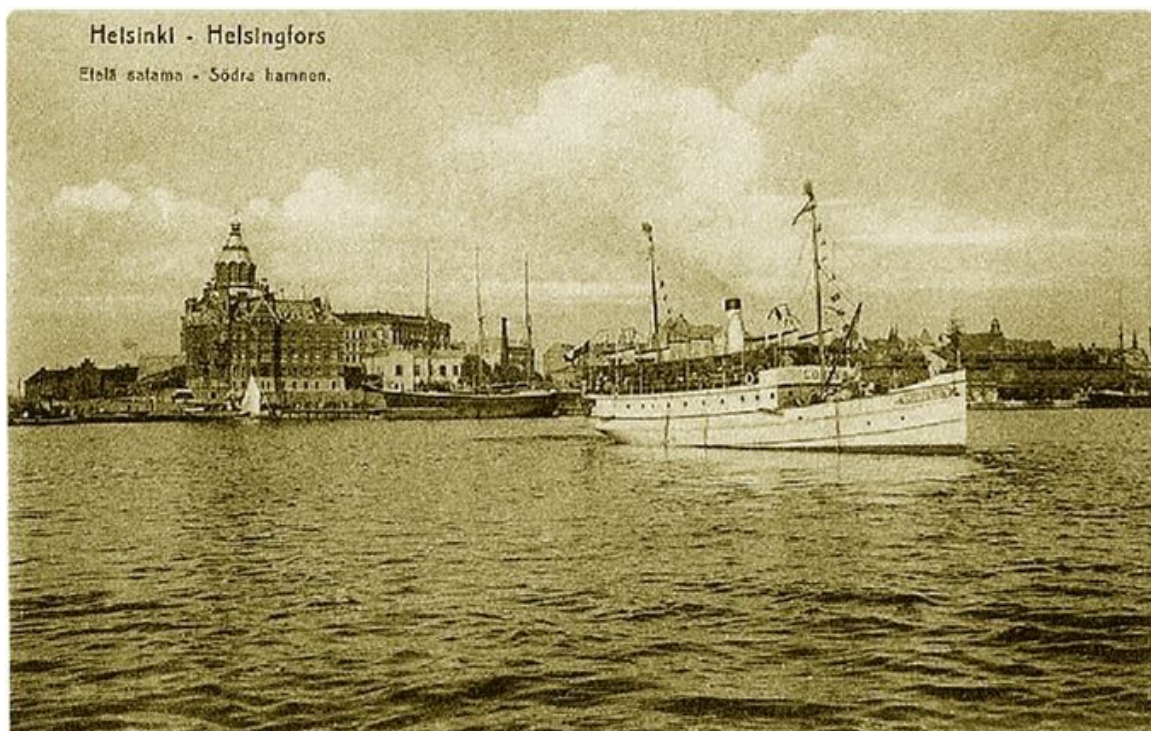
Утром рано въехали в живописную путаную сеть шхер с типичными вежами, означающими фарватер. Замелькали лодки и яхты со шведскими флагами (голубым с желтым крестом с угла на угол)², показался остров с крепостью Ваксхольм³ – это ворота подъезда к Стокгольму. После въезда в Генуэзский залив – это лучшая панорама в Европе, когда сразу развертывается на фоне зелени и невысоких холмов весь небольшой город из белого камня и темно-красного кирпича. Живописно растянулись жилые кварталы по берегам озера Меларен и реки⁴, с набережной, далекой от суеты и напоминающей нашу набережную на Васильевском острове в Ленинграде.

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 77.

2 Вероятно, речь идет о треугольных флагах (вымпелах) на кораблях, которые с 1633 г. должны быть на всех судах Швеции за исключением торговых. В настоящее время треугольный вымпел используется только на судах королевской семьи и на военных кораблях.

3 Ваксхольм (швед. *Vaxholm*) – крепость, шведский Кронштадт; основана в 1510 г., реконструирована в 1656 г., расположена в 30 км к северо-востоку от Стокгольма на острове Ваксён в Стокгольмском архипелаге.

4 С Балтийским морем озеро Меларен соединяется протокой Норрстрём и шлюзованными каналами.

Хельсинки. Вид православного Успенского собора с моря. Открытка начала XX в.

Кирпичный сарай таможни, формально пропускаются пассажиры, без осмотра, тут же на берегу ряд небольших отелей без особых удобств; лучшие первоклассные отели там, через мост, в новой части города. Здесь же старая часть и наиболее интересная по колоритности улиц и зданий. Недалеко массив старого королевского дворца с гладким фасадом из светло-серого песчаника с центральной массивной бронзовой дверью без всяких пышных подъездов и без гренадер!

Вот он, город «Стекланный»¹, как называли его в XVII в. русские.

¹ Стокгольм (швед. *Stockholm*) – столица Швеции, в старину у русских назывался Стекольна.

Хельсинки. Православный Успенский собор. Фото конца XIX в.

Да, здесь иная культура, чем в Финляндии. Столица Швеции невелика по размеру, не блещет импозантными дворцами и храмами, но город дышит здоровьем крепких розовых лиц шведов.

Здесь тепло, близость Гольфстрима сказывается, и нет уже вечерней свежести Финляндии.

Жизнь, как и везде в Европе, начинается рано, в 8 часов утра все магазины открыты. На работу идут не спеша, и не несутся бешеным галопом к метро, как в Берлине, а идут степенной, крепкой походкой; трамваев немного, больше пешком. Воздух свежий, насыщенный морем, светлое, северное ясное небо, так бодро себя чувствуешь. Забегают подкрепить себя стаканчиком натурального портвейна или хереса в «Continental bodega¹». Это – англо-испанская компания в больших городах Европы устроила лавочки для продажи вина, как у нас теперь стопками. Зал, уставленный у стен бочками с винами. Вместо столиков такие же бочки, бочонки вместо стульев, но отполированные, никаких закусок, только сигары. Вина натуральные, а потому и недешевые. Шведы пьют много, не меньше англичан, но не пьянствуют. Обед начинается с обычной «сексты» – закуски с водкой: это обычай и в маленьком рабочем трактире, и в первом классе ресторана. <В ассортименте закусок этой “сексты” много соленых рыб; лососину и семгу солят крепче, чем у нас. Большинство ресторанчиков на набережных>². Набережные красивее парижских или антверпенских, они просторны, широки, чисты, с нарядной толпой. Одеты шведы скромно, но изящно; цветные вышивки женских и детских нарядов с оригинальным орнаментом [и] своеобразной расцветкой сочных, ярких тонов.

Я долго бродил по улицам Стокгольма, отыскивая памятники шведской архитектуры, какие могли бы быть прототипами первичных зданий Петербурга, и их не нашел. И напрасно придают некоторые исследователи большое значение влиянию шведского искусства на русское. Несомненно, что пленные шведы, которых Петр нагнал в Немецкую слободу Москвы и заселил ими часть Васильевского острова в строящемся городе, могли и должны были оказать влияние на обучающихся у них русских, но переданные технические навыки еще не дают нового искусства и не могут обезличить или даже привить иные черты основам своего самобытного народного творчества.

В общем городском пейзаже немного старой шведской архитектуры: два-три здания барокко, дворец, построенный в конце XVII в. Н. Тессинем Младшим³ в сдержанных формах шведского Ренессанса, с простыми монолитными объемами без излишних убранств и без мелких деталей. Не мог Тессин быть строителем петербургских зданий, а тем более – живописной церкви в подмосковной Голицына в с[еле] Дубровицы⁴. Тессина мог выписать Петр к себе как большого опытного строителя, и Тессин мог дать проекты каких-либо

1 Continental – континентальный, материковый, небританский, иностранный (англ.), bodega – винный погребок (англ.).

2 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 77 об.–78.

3 Тессин Никодемус Младший построил в центре Стокгольма на острове Стадхольмен королевский дворец (1697–1760), некоторые загородные дворцово-парковые комплексы и церкви.

4 Церковь Знамения Пресвятой Богородицы в усадьбе Дубровицы Подольского района Московской области – уникальный архитектурный памятник, строительство которого велось в 1690–1703 гг., освящение храма состоялось в феврале 1704 г. в присутствии Петра I и царевича Алексея. В плане церковь представляет собой равноконечный крест с закругленными лопастями. Снаружи и внутри храм обильно украшен белокаменной скульптурой, свод центрального столпа Знаменской церкви перекрыт восемью металлическими золочеными дугами в виде короны. Очевидно, что замысел храма, построенного в стиле барокко и украшенного на европейский манер, принадлежал иностранному зодчему, но имя его неизвестно. И.Е. Бондаренко высказывает свою точку зрения на авторство церкви. Усадьба Дубровицы принадлежала роду Голицыных до 1781 г.

зданий, но строили их наши русские архитекторы и мастера, по-своему уразумевшие иноземные формы.

Этот шведский зодчий меня интересовал, и я отправился в Северный музей ¹ поискать материалов о его творчестве. Я увидел резьбу, почти нашу по формам, народную деревянную посуду, но все это только «почти». Есть разница в большей легкости русских форм и рисунка, и в методе резьбы видны другие инструменты, у шведа – стамеска, а у нас – родной топорик, но и им одним делали орнаментные чудеса из дерева.

Турку (Або). Вид города. Открытка начала XX в.

Директор музея Гезелиус², неплохо зная русский язык, помог мне в отыскании рисунков обоих Тессинов, только рисунков отца было мало, проекты же младшего подтвердили его чисто шведскую ренессансовую архитектуру; на прощание Гезелиус вручил мне свои издания с типами крестьянских народных жилищ и указал мне любопытные места в Швеции и в Норвегии, где сохранилась деревянная старая архитектура.

В 2 часах езды был городок Упсала со старейшим университетом³, где читались лекции редкой русской женщиной С.В. Ковалевской, замечательным математиком.

¹ Северный музей (Скандинавский музей, швед. *Nordiska museet*) – музей шведской культуры и этнографии, расположенный на острове Юргорден в Стокгольме. Инициатором создания музея выступил культуролог А. Хазелиус, ставший затем его директором. Здание музея строилось до 1907 г. по образцу датского замка Фредериксборг.

² Бондаренко имеет в виду Гуннара Хазелиуса – сына создателя и первого директора Северного музея шведского филолога, этнографа и коллекционера Артура Хазелиуса. Г. Хазелиус возглавлял музей с 1901 по 1905 г.

³ Уппсальский (Упсальский) университет (швед. *Uppsala universitet*) – старейший университет Швеции и всей Скандинавии, основан в 1477 г., находится в шведском городе Уппсала.

⁴ Следует уточнить, что С.В. Ковалевская с 1884 г. читала лекции в Стокгольмском университете.

Поезд потянулся от Упсалы на Тронхейм⁵, начался горный пейзаж. В Тронхейме океан был тих. Легкая волна ритмично разбивалась о желтые скалистые громады – валуны, которыми был усеян весь берег. Вокруг фьорда развернулся небольшой типичный норвежский город. <Тронхайм основан в X веке. Это была древняя столица, и теперь еще местный собор Св[ятого] Олафа – древнейшее сооружение, служит местом коронации шведских и норвежских королей.

Христиания (Осло). Панорама города. Фото конца XIX в.

В тихий денек, в начале августа, приехали мы в Тронхейм. Маленький вокзальчик тут же на берегу фьорда, прозрачного, спокойного... берег, заставленный рыбацкими лодками, а вдали, к выходу в океан, еще ряд фьордов...>² Город часто горел, он почти весь и теперь из деревянных двухэтажных домов, срубленных из крепкой сосны. Рубка «в лапу», горизонтальные ряды в соединении с вертикальными, а иногда стены и сплошь из стоящих брусев. Двускатная крыша, кровля из пластин или дерновая настилка; иногда кроют просмоленной щепой. Квадратные окна без ставен, стены, окрашенные красной смолой. Внутри потолка нет (зимы теплые – Гольфстрим недалеко), подшивка досками без наката³, прямо по стропилам. Стропильные ноги оставлены открытыми. Стены внутри обшиты досками и иногда покрыты белым лаком. Расписная мебель своего изделия с покраской – синева-зеленого тона. Деревянная утварь так похожа на наши северные народные изделия! Своего ткачества половички и скатерти белые с красными и синими полосами.

⁵ Тронхейм (норв. *Trondheim*) – третий по населению город Норвегии, отметивший свое 1000-летие в 1997 г. Расположен в устье реки Нидельвы на берегу одного из красивейших фьордов Скандинавии – Тронхеймского фьорда. Город знаменит своими деревянными домами, стоящими на сваях. Ими и интересовался зодчий.

² РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 82.

³ При строительстве деревянных домов в междуэтажных перекрытиях устраивают накат из щитов, собранных из продольных или поперечных досок, или подшивку из досок, образующих потолок.

Христиания (Осло). Здание парламента. Фото конца XIX в.

Камня в стране много, но строят по-прежнему из дерева. Камень идет на фундамент, огромные валуны вводят только под углы строения, забирая остальной пролет вертикальной пластиной.

Но знаменитый собор Св[ятого] Олафа, построенный еще в XI в.¹, весь из серовато-зеленого камня (серпентина²). Архитектура собора – на романской основе и готические пристройки с поздними добавлениями. Внутри все просто. Серовато-голубой местный мрамор колонн, три-четыре небольших цветных окна, кованого железа люстра, на стенах главной части нефа типичные старонорвежские ковры XVI в[ека], наиболее старые ковры в художественно-промышленном музее в столице Норвегии в Христиании (теперь Осло). Эти ковры – мягкая тканая фреска. Они наивнее по рисунку старых фламандских ковров, а тем более ранних арабских.

На стенах кое-где остатки рунических надписей³, их немало в Норвегии; в памятных книжках для школьников наряду с алфавитами: русским, греческим, еврейским, приведен и рунический алфавит.

Своеобразна в своей художественной простоте норвежская архитектура и, особенно, в

¹ Речь идет о Нидаросском соборе (Нидарос – историческое название Тронхейма) – наиболее значимой церкви Норвегии, месте коронации норвежских монархов. Возведение собора началось в 1070 г. на месте захоронения Олафа Святого, павшего в битве при Стикластадире (1030), и было завершено к 1300 г. Собор выполнен в готическом и романском стиле.

² Серпентин (от лат. *serpens* – змея), змеевик (устар.) – группа минералов подкласса слоистых силикатов, магниево-железистые гидросиликаты (не путать с горной породой серпентинит). Серпентины встречаются в виде плотных масс, кристаллов не образуют.

³ Руны (руна) – письменность древних германцев. Употреблялась с I–II по XII в. на территории современной Скандинавии, а в шведской провинции Даларна – вплоть до XIX в. Всего известно около 5000 рунических надписей, большая часть была найдена в Швеции.

старинных деревянных церквях – южнее Тронхейма, и больше всего осталось ее в долине Телемеркена¹.

На побережье главный труд – рыбная ловля и постройка судов (от вечера субботы до вечера воскресного дня работы запрещены).

Толпа так живописна на фоне красноватых домиков!

Выросшие среди крепкогранитной природы, здешние люди крепко спаяны со своей природой, она в их сердце и крови.

Вся жизнь у морских берегов, кормит море. Как и у нас на Севере. Постоянная борьба с морем, рвущий ветер с соляной волной обветривает их лица, и эта борьба закаляет здоровье потомков былых варягов.

Был воскресный день. Народный певец, усевшийся на длинной скамье городского сада, под звуки гуслей (по форме, как наши, особенно похожие на чувашские) напевал что-то из старых народных саг. Под вечер небо пожелтело такой смягченной «акварельной» окраской. На небе ни облачка, и тихо гасли вечерние часы под эти тихие звуки, и засыпала природа, окутанная легкой дымкой сумеречного легкого флера... И дома, и лодки на берегу оделись в темные силуэты, а лес и горы стали сгущенно темно-синими.

На дощатом настиле (помосте), среди кустов и деревьев неогороженного сада оканчивали свои танцы девушки и немногие кавалеры. Парами, взявшись за руки, медленно-плавными па с легкими поворотами кружились под звуки скрипки и чего-то похожего на гитару, только смычковую.

В этой кажущейся монотонной пляске то же народное искусство. Как убедительно обработал Григ эти незатейливые звуки народных танцев².

Дорога от Тронхейма до Бергена³ идет через целый коридор фьордов. Пароход идет иногда словно ощупью между мелких островков с огромными валунами и скалами, торчащими из воды.

1 Телемарк (норв. *Telemark*) – одна из норвежских губерний (фюльке). Расположена в юго-западной части Восточной Норвегии, на побережье Атлантики.

2 Возможно, речь идет о циклах пьес Э. Грига – «25 норвежских народных песен и танцев» для фортепиано (ор. 24; 1867) и обработке народных танцев для фортепиано (1903).

3 Берген – второй по величине город Норвегии, расположен на западе страны на берегу Северного моря.

Нидаросский собор в Тронхейме. Фото начала XX в.

Они голы. Красный мох покрывает лишь прибрежные скалы. Тянется береговой телеграф, встретится неожиданно одинокая контора, иногда школа с «подвижным» учителем – он объезжает разбросанные места и учит ребят. (Норвегия поголовно грамотная).

Пейзаж интересен. В интервалах между островами – прогалина и видна серо-голубая масса воды океана. Попадаются часто английские пароходы, торговые, так наз[ываемые] «купцы». Во фьордах тихо, а там, в океане, белые волны становятся выше и шумней...

Фьорды не однообразны, иногда горы отвесно спускаются и суживают проход. От надвинувшихся скал становится темней, и только вверху – кусок неба. Какие яркие кусты зелени в долинах, а на скалах только мох и вереск. В часы океанского прилива могучая волна налетит на скалу и назад помчится, а с гор побежит целый водопад. Но тихо в глубине фьорда, где вечно спящие воды и безветрие, лишь слышен птичий гомон. Чайки облепляют корму парохода. За пароходом играют дельфины. На скалах птицы, белые гагары и белые вдали ледники – своеобразная декорация природы!

Берген. Панорама города. Фото конца XIX в.

Гавань Бергена с бесчисленным количеством причалов для судов, постоянно приходящих за рыбой, те же сараи и вешалка на берегу. Город и деревянный, и с каменными домами, крытыми черепицей.

Царство рыбаков по краям города, ближе к берегу, где огромные чаны с вытапливающимся на солнце тресковым жиром да распластанная треска, и наваленные кучами соленые сельди.

Уравновешенная толпа норвежцев и норвежек, наравне с мужчинами несущими труд свой. В этой стране, где все просто, так высоко ставится женщина! Еще старинные саги воспевают женские добродетели, и целомудренная стыдливость здешней девушки далека от ханжества и немецкой грубой слащавости. Подлинное благородно-рыцарское отношение и в народной поэзии скальдов¹, откуда в сердце у современного норвежца еще теплится огонек доброго отношения к женщине. Натуры сдержанные, глубоко чувствующие. Саги проникнуты живым сочувствием к слабым, что прямо противоположно немцу. Метко определил французский историк (Э. Ренан): «Германец возмущает нас своей беспредельной грубостью, любовью ко злу, которая делает его умным и сильным только для ненависти и вреда»². Таких чувств не может быть в норвежском народе.

¹ Скальдическая поэзия (финск. *Skaldekvad*) – разновидность поэзии древней Скандинавии, которую принято делить на два кардинально различающихся рода: на эддическую и скальдическую поэзию. Первая отличается простотой формы и близка к фольклору, поэзия скальдическая обладает нарочито изощренной формой и часто бедна содержанием. Скальдическая традиция сложилась уже к первой половине IX в. и сохранялась около двухсот лет после введения письменности в Исландии.

² Точная цитата из сочинения Э. Ренана «Поэзия кельтических рас»: «Первобытный человек из Германии возмущает нас своим беспричинным зверством, своей любовью к злему, которая вдохновляет его только к ненависти и вреду». (Ренан Э. Собр. соч. В 12 т. Киев, 1902. Т. 3. С. 190.)

Берген. Городская пристань. Фото конца XIX в.

Народ – практик, он не очень-то религиозен, и бедны его церкви; вдобавок и лютеранство¹, как всегда, одевается в простую оболочку. Но искусство народа, его эстетические наклонности всегда проявятся, хотя бы и в мелочах. Так и в старых деревянных церквях Норвегии мы находим моменты живописной архаической скульптуры или затейливую резьбу на фоне простых старых масс, чрезвычайно оригинальных по композиции и обдуманной простоте форм.

Деревянные постройки Швеции я видел и мог сравнить с норвежскими. Казалось бы, что-то родственное. Да, казалось бы, но не оказалось! Все иное! В Стокгольме старый XVI века деревянный домик, поставленный в городском парке, и комплекс типичных шведских изб в загородном этнографическом музее-парке в Скан-сене², далеко не идентичны норвежским деревянным постройкам.

Поэтичны кладбища около церквей. Эти маленькие «городки мертвых» с небольшими камнями, памятниками разбросаны среди кустов темной зелени и цветов. Молчание веет вокруг...

От Бергена на юг я ехал сухопутно долгим путем в открытой коляске.

Нетронутый край. Здесь далеко от берегов моря, страна горных громад, поросших вековым лесом, в пропастях мчатся порожистые реки бешеным каскадом, обрывы с осыпающимися камнями, а в горных котлованах – альпийский характер сочных ярко-зеленых трав.

1 Лютеранство – одно из главных христианских вероисповеданий. Возникло в Германии в XVI в. в ходе борьбы Мартина Лютера против злоупотреблений католической церкви. В качестве преобладающей религии существует в северной Германии, Скандинавии, Финляндии и Прибалтике.

2 Скансен (швед. *Skansen*) – этнографический комплекс – первый в мире музей под открытым небом, расположенный на острове Юргорден в Стокгольме. Словом «скансен» также называют музеи под открытым небом вообще.

Соединение зеленых лугов, голубизны озер и снегов глетчеров³ с тишиной и безлюдием всей этой глуши очаровательно.

Дальше дорога чередовалась паромом по узкой реке, озерам и каналу до Консберга², где перешли в крошечные вагоны «проселочной» железной дороги. Класс был только один, различий не любят в Норвегии так же, как не любят, когда норвежца путают со шведом!

Но и столица Норвегии – необычайный город. Улицы – с горы на гору, обстроены камнем, черепичные крыши; выделяются общественные здания, их немного, постройки новые, с европейским отпечатком избитого неоренессанса, и только Стorting³ (парламент) в средневековом типе с фасадом, выложенным лабрадором⁴ да на кладбище старейшая норвежская церковь XI века своеобразной романской архитектуры. Богатство музеев. В Историческом мало посетителей, но зато в нем обилие старых ковров, тканей, восхитительных филигранных изделий. В Художественном музее норвежцы интересны, особенно задумчивые пейзажи Таулова, проникновенный Э. Мунк, острые портреты Веренсквольда⁷, выделяются портреты Ибсена и Бьёрнсена, а также архаизированная скульптура Вигеланда⁸.

<До южного мыса Норвегии, по пути заехал в г[ород] Лунд⁹, это уже шведский город >¹⁰. Здесь меня привлекал знаменитый собор ранней архитектуры XI в. Это лучший памятник южной части Швеции. И какая приятная неожиданность! Встретил старого знакомого: на входном портале собора чисто романской композиции два скульптурных барельефа – совершенно наши «лэвы», которые так изумленно смотрят на вас с ветхих стен собора в Юрьеве-Польском!¹¹ Та же архаика скульптуры, наивное изображение, только здесь, в Лунде,

3 Глетчер (нем. *gletscher* – ледник) – естественные скопления масс льда на земной поверхности, ледяная река, спускающаяся по долинам или с высоких гор.

2 Консберг (норв. *Kongsberg*) – горнозаводской норвежский город, в губернии (фюльке) Бускеруд на юге Норвегии, в исторической области Нумедаль, в 84 км от Осло.

3 Стorting (норв. *Stortinget*, букв.: Большое собрание) – парламент Норвегии, местом пребывания стортинга является столица Норвегии – Осло.

4 Лабрадор – красивый минерал из группы плагиоклазов основного состава, алюмосиликат кальция и натрия, имеет радужные сине-зеленые блестящие вкрапления. Назван по полуострову Лабрадор (Канада), где был впервые найден в 1770 г. Бондаренко, видимо, имеет в виду лабрадорит (англ. *Labradorite*) – горную породу, используемую в строительстве.

5 Речь идет о старейшем здании Осло – средневековой церкви Гамле-Акер, построенной из известняка в XI – начале XII в. в форме романской базилики. Церковь окружена одноименным средневековым кладбищем.

6 Культурно-исторический музей в Осло (архитектор Х. Булл, 1902–1903) был открыт в 1904 г., включает в себя Этнографический музей, Государственное собрание древностей и Собрание монет и медалей. Экспозиция музея посвящена норвежской и мировой истории, начиная с первобытных поселений и до современности.

7 Бондаренко прочитал фамилию по-немецки. Правильно: Эрик Теодор Вереншёлль.

8 Речь идет о собрании Национальной галереи, основанной в 1837 г. Галерея обладала крупнейшей коллекцией произведений норвежского искусства, а также работ зарубежных мастеров. В 2003 г. Национальная галерея была включена в новый Национальный музей искусства, архитектуры и дизайна.

9 Лунд (швед. *Lund*) – город на юге Швеции, в лене Сконе, центр одноименной коммуны. Название города переводится на русский язык как «роща». Лундский кафедральный собор – лютеранская церковь в романском стиле, возведенная в первой четверти XII в. из песчаника. Собор неоднократно перестраивался.

10 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 81.

11 См. примеч. 10 к гл. 16.

резец скульптора глубже проводил черту в камне и линии делал более строгими. И камень другой, наш известняк более рыхлый и ноздреватый, здесь и оттенок камня иной, более желтоватый.

Берген. Вид города. Фото конца XIX в.

Скульптура или архитектура – что выше в этом соборе? Пожалуй, рельефы, т. к. в архитектуре видны следы недавней реставрации. Неподалеку каменный сарай с остатками деревянного корабля викингов.

В Финляндии «Калевала», здесь – «Эдда» воспели народ, борющийся с суровой природой. Лунд – уже юг Скандинавии, отсюда до Мальмё³ рукой подать. Дождь окончился, небо очистилось, и сквозь легкую кисею вечерних сумерек через залив светятся огни Дании.

Живописен обратный путь по железной дороге до Стокгольма, какие интересные места и типы! Через Карлскрон⁴ – старую крепость и через Норркопинг⁵ добрались мы в

1 «Калевала» (карел. и фин. *Kalevala*) – карело-финский поэтический эпос. Состоит из 50 рун (песен). В основу «Калевалы» легли карельские народные эпические песни.

2 «Эдда» – основное произведение германо-скандинавской мифологии, этимология слова «эдда» не ясна, возможен перевод его как «прародительница». «Старшая Эдда» представляет собой собрание песен о богах и героях, записанных в середине XIII в. Первоначально «Эддой» называлось одно из произведений исландского ученого и государственного деятеля Снорри Стурлусона, содержавшее изложение скандинавских мифов и описание приемов поэтического мастерства.

3 Мальмё (швед. *Malmö*) – третий по величине город Швеции, расположенный в ее самом южном административном регионе – Сконе.

4 Карлскруна (швед. *Karlskrona*) – административный центр шведского лена Блекинге. Заложен Карлом XI как главная база шведского флота на 33 островах у берега Балтийского моря. Название в переводе означает «корона Карла».

5 Норркопинг (швед. *Norrköping*) – город в Швеции, Лен Эстергётланд.

маленьком вагоне третьего класса до Стокгольма. Вагоны без всяких удобств, примитивны, <здесь не встретишь германских удобств, подчас забавно видеть растерянность пассажира при нужде, у шведов это все делается проще, бегут за сарай>¹.

В Стокгольме я взял билет прямым рейсом до Петербурга, куда и приехал через два дня, только с приключением. Едучи в Финляндию, я не запасся заграничным паспортом, не предполагал уехать в Швецию и взял местное свидетельство, с которым и приехал в Швецию, где никаких паспортов не нужно. Оказывается, это местное свидетельство дается с тем, чтобы вернуться также в Финляндию. У Кронштадта подъехал к пароходу таможенный чиновник с жандармом для проверки паспортов, я объяснил капитану мое положение. Финн понял и на время обхода начальством парохода спрятал нас в своей каюте, а выходить посоветовал не торопясь, последними, когда все разойдутся. Опустел пароход, опустела и пристань, только вынесенные матросом вещи аккуратно лежали в стороне.

Наконец, и чиновник ушел. Мы сошли. Подошел жандарм, с неудовольствием спросил:

– Чего вы не уходите, ведь у вас все досмотрено?

– Конечно! – солгал я.

– Ну, и берите ваши вещи и уезжайте, пристань освободить нужно! (т. е., стало быть, и мне идти домой чай пить нужно).

Так и обошлось без осмотра чемоданов, где было немало сигар, в Стокгольме сигары были дешевы, но, увы, от морского переезда они утратили свой аромат. На другой день я уже сидел среди своих помощников, объехал постройки и вечером разбирал привезенные на память путеводители, открытки и всякий вздор, обычно скапливающийся в чужих краях как мемории².

Глава 23 Московское купечество

1 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 90.

2 По словарю В. Даля «мемория» (фр. малоупотр.) – это записка, выписка или выдержка из журнала, представляемая на утверждение. В данном случае имеется в виду просто памятная мелочь, привезенная из путешествия.

Снова дела, снова начались проекты, сметы, чертежи. На этот раз мне пришлось столкнуться с московским купечеством уже иного, не старообрядческого покроя.

Московское купечество – это сеть, переплетенная взаимным родством, крепко сплоченный клубок, в котором [есть] отдельные вкрапины, цветистые субъекты, яркие типы той Москвы.

В торговой Москве занимали видное место оптовики с их «амбарами». «Амбары» – это технически хорошо выстроенные дома, но очень плохой архитектуры – на Варварке, Ильинке и в прилегающих переулках. Сидя в роскошном кабинете, Морозов¹ принимал в министерской обстановке, а в большом общем зале «амбара» директор правления² обделывал дела, и в торговом отделении на полках лежали лишь образцы товара. Покупателя угощали чаем, мальчик приносил на подносе стакан чая и на клочке бумажки 5 кусков сахара и щипчики! Этот «амбар» посещался только крупными, знакомыми покупателями и вообще – уважаемыми знакомыми. Приходилось и мне испытывать такое чаепитие, когда я заезжал по делам строительства.

Фабриканты-владельцы часто и не занимались делом, за них вершило дело правление.

Кутежи, обжорство, дикие деяния были явлениями еще нередкими. <Неимоверной толщины Байдаков, кирпичный заводчик и назывался “обжорой”, в ресторанах были особые пироги, “байдаковские”, в несколько слоев со всевозможной начинкой>³.

Были типы вроде Митрофана Сергеевича Мазурина – владельца Реутовской мануфактуры⁴.

1 На Варварке находилось здание «Товарищества Никольской мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями» (снесено при строительстве гостиницы «Россия»), поэтому Бондаренко имел в виду Алексея Викуловича Морозова – директора Товарищества мануфактур «Викула Морозова с сыновьями», сменившего на посту отца – Викула Елисеевича Морозова.

2 Имеется в виду правление «Товарищества мануфактур Викулы Морозова с сыновьями».

3 РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Ед. хр. 29. Л. 91.

4 Хлопкопрядильная фабрика в сельце Реутове была основана в 1843 г. московским купцом 1-й гильдии Сергеем Алексеевичем Мазуриным. Спустя десять лет Реутовская фабрика стала известна своей первоклассной пряжей далеко за пределами Московской губернии. С 1853 г. мазуринская пряжа неоднократно получала золотые и серебряные медали на всероссийских и международных промышленных выставках. С 1853 по 1860 г.

Мазурин был женат на итальянке и ежегодно ездил на 3 месяца в Париж, где имел свой отель и проживал тысяч 300 руб[лей]. Его сын Константин Митрофанович, известный Москве своей взбалмошностью, многократно женатый, в том числе и на артистке Мичуриной¹, истязал своих жен и музыку – писал что-то о музыке, знал отлично языки и умел одновременно диктовать трем переписчицам сразу на 3 разных языках. В конце концов, после многих перемен разных профессий остановился на акушерстве!!²

Другой Мазурин, Федор Федорович, был собирателем редких книг. Чудачил, вырывал страницы из ценных чужих книг, клеивал в свои и продавал их. В конце концов, попал под опеку.

Но это были миллионеры родовые. Была другая группа богатых москвичей – «без племени и роду», нажившаяся лично всеми правдами и неправдами.

Вот, например, купец Лобачев, которому в Охотном Ряду принадлежал ряд лавок с дичью и целый ряд домов в Москве. Покупал он дичь возами от своих поставщиков, приезжавших зимою из далеких краев. Въезжали в его обширный двор, Лобачев цену сбивал до крайности и, если видел, что мужички не пойдут на его условия и уедут продавать в иное место, запирали ворота и уходил, возвращаясь вечером, когда за поздним временем поневоле [они] продавали своих рябчиков и глухарей по низкой цене, лишь бы кончить дело.

В старых домишках Москвы, обычно в какой-то щели, торговали старым железом. Эти старьевщики ходили по домам, покупая всякий железный и металлический и вообще хлам. Частенько в такой лавке можно было найти сколько угодно железа и какого угодно, так как торговцы являлись и скупщиками ворованного, и перепродавцами, и грязная полутемная лавчонка в большинстве случаев бывала только биржевым пунктом. Нередко эти [самые] рваные из старьевщиков, торговавших старым железом и тряпками и занимавшихся ростовщицеством, [хорошо] округляли свои капиталы.

Реутовской фабрикой владел его сын – Митрофан Сергеевич Мазурин. В 1860 г. на базе фабрики на паях было учреждено «Товарищество Реутовской мануфактуры», которому М.С. Мазурин продал фабрику в 1861 г. за 50 тысяч рублей, но не перестал ею руководить: войдя в Совет директоров Товарищества и обладая контрольным пакетом акций, практически до самой смерти оставался хозяином фабрики. Он был любителем лошадей и прекрасным спортсменом.

1 Видимо, имеется в виду выдающаяся петербургская актриса Вера Аркадьевна Мичурина-Самойлова.

2 К.М. Мазурин – весьма примечательная личность, которую Бондаренко характеризует слишком поверхностно, опираясь, видимо, на досужие слухи и домыслы. Выполняя последнюю волю отца, К.М. Мазурин поступил на физико-математический факультет Московского университета, затем перевелся на филологический факультет, который окончил в 1893 г. В период учебы он был удостоен двух серебряных медалей за сочинения «Тертуллиан и его творения» (изд. в 1892) и «Винкельман: Его жизнь и сочинения» (изд. в 1894). С юношеских лет занимался пением в России, Италии, Франции и Германии. В 1890-е гг. разработал собственную методику преподавания вокала, которую изложил в брошюре «К вопросу о способе элементарного преподавания музыки», а затем в двухтомной «Методологии пения» (М., 1902–1903), обратившей на себя внимание специалистов. Выпустил несколько стихотворных сборников, но признания не получил. В 1901 г. под псевдонимом К. Герра (по фамилии матери) издал небольшую книжку стихов под заглавием «Строфы Нирузама». Это была литературная мистификация – имя Нирузама – «перевертыш» фамилии Мазурин. Согласно легенде, к автору случайно попала старая рукопись стихов персидского поэта Нирузама, жившего в Хорасане, в середине X в. Позднее было установлено, что сборник составлен из переводов Омара Хайяма и подражаний ему. Этот сборник стал высшим литературным достижением К.М. Мазурина, закрепив за ним первенство в переводах Хайяма на русский язык. В 1904 г. в возрасте 38 лет, он поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1909 г. Изучал гинекологию и хирургию в Берлине. Держал собственную небольшую бесплатную лечебницу для бедных, работал врачом-гинекологом в амбулатории Красного Креста им. князя В.А. Долгорукова. Издал несколько работ по акушерству. В годы Первой мировой войны работал в 17-м сводном полевом госпитале. Составил два сборника наставлений по военной медицине для ротных фельдшеров. После революции эмигрировал, умер в Италии.

Большая Московская гостиница. Открытка конца XIX в.

Несколько типов, в частности Грачев, бывший тряпичник, а потом владелец домов и дачи на Воробьевых горах (бывшей А.Д. Торопова); Д.А. Соскин из скупщиков тряпья сделался крупнейшим торговцем шерстью. Дом его в Бутырках в «русском стиле» строил архитектор Ф.Ф. Горностаев².

К этому же типу принадлежал и купец Я.М. Филатов. Прижимистый, обдиравший всех и вся ростовщик, он становится крупным торговцем электрическими приборами, владельцем огромного дома на Арбате (строил арх[итектор] В.Е. Дубовской)³. Во время войны в 1914–1915 гг. Филатов покупает эвакуированный из Риги завод «Этна»⁴ и устраивает его около Н[ижнего] Новгорода; выделявая гвозди, он усиленно конкурировал со спецами этого дела Кольчугиными и Носенковым. Огромные деньги (миллионы) были увеличены еще всяким интендантским воровством. В 1917 г. Филатов вздумал удрать за границу, был захвачен в Кисловодске.

В.О. Красавин был торговцем водопроводными частями, электрическим, москательным⁵ и металлическим товаром. Филатов и Красавин держали в своих руках весь

1 Дача Грачевых (Косыгина, 18; автор проекта и точная дата постройки неизвестны) – единственный сохранившийся в Москве образец дачной застройки Воробьевых гор начала XX в.

2 Вероятно, речь идет о деревянном доме Д.А. Соскина в Большом Ивановском пер. (с 1961 г. Улица Забелина), снесенном в 1960-х гг.

3 Доходный дом А.Т. Филатовой – Я.М. Филатова («Дом с рыцарями»; Арбат, 35/5; 1913–1914, архитектор В.Е. Дубовской). В настоящее время Центральный дом актера.

4 В 1896 г. в Риге был заложен новый завод крепежных изделий (гвоздей, проволоки, заклепок, болтов, гаек). По предложению министра финансов С.Ю. Витте его назвали в честь сицилийского вулкана Этна. В 1898 г. был утвержден Устав Акционерного общества Рижского металлического завода «Этна». Во время Первой мировой войны в 1915 г. завод вместе с 200 рабочими и их семьями был эвакуирован в Нижний Новгород, где получил свое второе рождение, обеспечивая своей продукцией фронт и население России. В 1916 г. завод был куплен торговым домом «А.Б. Фрадкин и сын», в 1918 г. – национализирован. Сведений о покупке завода Я.М. Филатовым найти не удалось.

5 Москательные товары (от перс. мошк – мускус) – краски, клеи, технические масла и другие химические

рынок подобных товаров. Красавин отличался скупостью. Приезжая в Петербург, долго ходил по дешевым номерам, отыскивая себе номер не дороже 1 р[убля] 50 коп[еек]. С шайкой железнодорожников Красавин воровал свои же грузы, а затем взыскивал их стоимость с железных дорог. За все проделки Красавин попал-таки в тюрьму.

Купечество всегда любило совершать свои сделки в трактирах. Мелкие торговцы шли в небольшие рестораны, крупные – в первоклассные.

Центральным биржевым трактирным местом была Большая Московская гостиница на площади Революции¹, где теперь гостиница «Москва», с обширной клиентурой, преимущественно крупных фабрикантов; впоследствии ресторан стала посещать и театральная публика, когда гостиница завела специальные «ужины после театров». Место было удобное, рядом Большой, Малый, Шелапутинский² театры, недалеко Художественный театр, Частная опера в театре Зимина³ (теперь филиал Большого театра), недалеко были и клубы.

Здесь было еще в 40-х годах XIX столетия двухэтажное здание знаменитой «кофейной Печкина»⁴, картинно описанной в воспоминаниях Галахова⁵. Там собирался кружок М.С. Щепкина, бывал постоянно артист Мочалов и неугомонный Кетчер, ярко очерченный Герценом. В этой кофейной получались журналы, велись споры. 40-е годы ушли... Затем здесь был трактир Турина⁶, в конце 70-х годов купленный купцом А.А. Карзинкиным. Дом был частью сломан, [а на его месте] выстроен был огромный дом безвкусной архитектуры, доживающий последние дни в наше время.

Б[ольшая] М[осковская] гостиница имела хорошие номера, где любили останавливаться иногородние купцы и фабриканты.

Главным центром этого предприятия был ресторан, уже утративший ту обстановку, которая была до 1900-х годов, когда гостиница больше называлась «Большим Московским веществом».

1 До 1918 г. площадь Революции в Москве носила название Воскресенская площадь, названа была в честь одноименных Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города.

2 Театр Шелапутина (также Шелапутинский театр; Театральная пл., 2) – известный театральный зал Москвы во второй половине XIX – начале XX в. в доме на Театральной площади. В 1882 г. здание арендовал знаменитый антрепренер М. Лентовский, реконструировавший жилое здание начала XIX в. и фактически создавший новый ярусный театр на 1500 мест (архитектор Б.В. Фрейденберг). С 1886 по 1898 г. театр назывался Шелапутинским по имени одного из владельцев дома – мецената и благотворителя П.Г. Шелапутина. С 1898 г. здание арендовала дирекция Императорских театров, с 1909 г. – знаменитый антрепренер, режиссер и актер К.Н. Незлобин. В настоящее время в здании расположен Российский академический молодежный театр.

3 Оперный театр С.И. Зимина – частный оперный театр, открытый в 1904 г. и вобравший в себя большую часть труппы Частной русской оперы С.И. Мамонтова, некоторые спектакли которой были возобновлены Зиминим с использованием прежних декораций и костюмов. Сам Зимин рассматривал свой театр как преемника мамонтовской оперы и начинал отсчет истории с 1885 г. В 1917 г. театр был национализирован, а в 1924 г. – преобразован в филиал Большого театра.

4 Кофейня Печкина – литературная кофейня, работавшая в Москве в середине XIX в. Располагалась рядом с Театральной площадью, недалеко от трактира Печкина. Основателем кофейни в 1830-х гг. был И.А. Бажанов (в дальнейшем тесть П.С. Мочалова).

5 Речь идет о книге: *Галахов А.Д.* Литературная кофейня в Москве в 1830– 1840-х гг. М., 1886.

6 Трактир Гурина (начало XIX в.) был расположен в доме в начале Тверской ул., на углу Воскресенской площади напротив Воскресенских ворот, имел замечательную обслугу, хороших поваров, умеющих готовить русские блюда, богатую сервировку столов. На этот трактир равнялись лучшие московские трактиры. К середине века трактир стал приходить в упадок. В 1876 г. купец А.А. Карзинкин купил трактир, сломал его, выстроил огромный дом и составил «Товарищество Большой Московской гостиницы», отделав в здании роскошные залы и разместив в нем гостиницу с сотней великолепных номеров.

трактиром», куда в свое время любил зайти и выпить бутылку вина П.И. Чайковский.

Один из залов был отделан в так наз[ываемом] «русском стиле», с нелепой резьбой, рисунки которой сделаны были Ропетом с узоров русских шитых полотенец, ими же были убраны и окна вместо портьер. Огромный «оркестрион-машина»¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

¹ Музыкальная машина (оркестрион) – электромеханическая машина, играющая музыку на настоящих музыкальных инструментах по программе, записанной на перфоленте. Оркестрион обязательно содержал пианино, клавиши которого нажимались механизмом, и дополнительно несколько музыкальных инструментов – ксилофон, ударные, духовые и др. Одной из первых в Москве она появилась в трактире у Тестова (его официальное название – «Большой Патрикеевский трактир» по фамилии домовладельца, поскольку Тестов был лишь арендатором).